

4(c)p
K 61 +up
107859

КНИГА
В СОХРАННОСТИ

ЗАМѢТКИ

О

ЯЗЫКЪ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

М. А. Колосова

Первые два отчета Отдѣленію русскаго языка и словесности.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXVIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1876.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цена 35 коп.

Издано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1876 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

1. Новгородская губернія.

Свои наблюденія въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія я рѣшился начать съ новгородской губерніи, а въ ней—съ береговъ озера Ильменя, — историческаго центра, основнаго гнѣзда сѣверно-русскаго славянства.

Приступая къ своему дѣлу, я, между прочимъ, задался слѣдующими двумя цѣлями: 1) опредѣлить, — какіе важнѣйшіе говоры можно различить въ предѣлахъ нынѣшней новгородской губерніи; 2) — какія между ними существуютъ естественныя границы. Я думалъ, что—наиболѣе рѣзкія, по крайней мѣрѣ,—звуковыя явленія, составляющія особенности говоровъ, должны имѣть естественныя предѣлы.

Не много нужно было опыта, чтобы убѣдиться въ неисполнимости какъ той, такъ и другой задачи.

Языкъ населенія новгородской губерніи представляетъ не мало діалектическаго разнообразія; но — отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ—какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губерніи,—я—по крайней мѣрѣ для себя—не вижу возможности.

Въ однихъ мѣстахъ этой губерніи цокають и чакають, въ другихъ дзекають, въ третьихъ смѣняють *ъ* на *и*. Не говоря о болѣе мелкихъ звуковыхъ различіяхъ, — таковы главныя проявленія новгородской фонетики. Можно ли на основаніи этихъ проявленій утверждать, что въ предѣлахъ новгородской губерніи слѣдуетъ различать три главныхъ говора: цокающій (и чакающій), дзекающій и мѣняющій *ъ* на *и*? Вовсе нѣтъ, — такое раздѣленіе было бы ложнымъ: дзеканье почти на столько же несвойственно новгородской губ., какъ и аканье; а остальные двѣ примѣты мѣстами существуютъ въ одиночку, мѣстами же являются соединенными въ одномъ и томъ же говорѣ. Принципъ дѣленія, такимъ образомъ, оказался бы неудовлетворительнымъ. И я не знаю такой звуковой черты, которую можно бы было положить въ основу настоящаго, строго научнаго дѣленія новгородскаго нарѣчія на говоры.

Ни одна изъ указанныхъ примѣтъ не является, въ то же время, замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ. Отъ Ильмена до Бѣлоозера различныя звуковыя черты новгородскихъ говоровъ много разъ и появляются и исчезаютъ передъ наблюдателемъ, и притомъ такъ, что почти нигдѣ топографическихъ причинъ ихъ появленія и исчезновенія не оказывается.

Во многихъ уѣздахъ мѣстности, смежныя одна съ другой и не раздѣленныя ни рѣками, ни озерами, ни лѣсами, ни болотами, представляютъ большія разности въ звуковыхъ чертахъ языка населенія. На оборотъ — нерѣдко и то, что сходныя и даже тождественныя черты говоровъ можно встрѣтить на разныхъ, противоположныхъ концахъ губерніи. Цокають и чакають кое гдѣ по берегамъ Ильмена и — напримѣръ — въ череповскомъ и бѣлоозерскомъ уѣздахъ. Въ новгородскомъ уѣздѣ смѣняють *ъ* на *и* — въ Ямкѣ постоянно, въ Голинѣ (верстѣ 15 отъ Ямка) — иногда, въ Шимскомъ (верстѣ 9 отъ Голина) — вовсе не смѣняютъ; тоже напр. въ валдайскомъ уѣздѣ: въ самомъ городѣ *ъ* = *е*, въ Зимогорьи (подгороднее село) = *и*, въ Короцкомъ (4 версты отъ города) на мѣстѣ *ъ* опять *е*, въ Полосахъ (верстѣ 5 отъ Короц-

каго) опять *и*. Что сказано объ этихъ двухъ примѣтахъ — относится и къ прочимъ, звуковымъ и формальнымъ. По отношенію къ формамъ говоръ напр. Эстьянъ (новг. у.) уже нѣсколько разнится отъ говора Бронницъ (2 версты разстоянія), а въ Бѣлой Горѣ (близъ лежащее селеніе) опять уже, какъ выражаются мѣстные жители, — «рѣчь отмѣнитая».

На разности говоровъ и перестановку ихъ въ новгородской губ. вліяли различныя причины: 1) колонизація новгородской области жителями другихъ, — сопредѣльныхъ ей, а иногда и отдаленныхъ мѣстностей; 2) насильственное переселеніе крестьянъ волею помѣщиковъ и свободное, по разнымъ причинамъ совершавшееся, передвиженіе населенія; 3) скрещеніе говоровъ, порождавшее новыя особенности; 4) вліяніе одного говора на другіе и вслѣдствіе того ассимиляція нѣсколькихъ съ однимъ какимъ либо; 5) вліяніе городовъ на села и вслѣдствіе того нивелировка языка послѣднихъ.

Въ силу двухъ послѣднихъ причинъ на извѣстномъ пространствѣ могли стереться особенности мѣстнаго нарѣчія, сохранившись однако кое гдѣ. Не многія мѣстности, оказавшіяся наиболѣе устойчивыми передъ чуждымъ вліяніемъ, очутились съ теченіемъ времени изолированными. Каждая изъ такихъ мѣстностей, — сохранивъ одна — одну, другая — другія черты, — представляетъ собою относительно языка ея населенія нѣчто особенное.

Стремленіе говоровъ подойти подъ одинъ общій уровень замѣчается сильное. Есть мѣстности, въ которыхъ исчезновеніе звуковыхъ особенностей языка совершается, такъ сказать, во очію. Въ одной деревнѣ, гдѣ — какъ мнѣ сказали — *ъ* смѣняется на *и*, я говорилъ съ нѣсколькими крестьянами, и только у одной старухи замѣтилъ такое произношеніе. Молодежи казалось уже смѣшнымъ говорить — хлиб, сино и т. п. Въ другой деревнѣ я нашелъ лишь въ нѣкоторыхъ семьяхъ удержавшеюся интересную формальную особенность (см. ниже). Можно бы привести и не одинъ, два, а много примѣровъ того, что особенности говоровъ

видимо исчезаютъ, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами. Мѣстные нарѣчія все болѣе и болѣе уравниваются; но процессомъ этого уравниенія, какъ то замѣчено выше, создаются до времени какъ бы новыя діалектическія разности. Исчезновеніемъ нѣкоторыхъ особенностей языка въ однихъ мѣстахъ, нѣкоторыхъ—но иныхъ—въ другихъ, и сохраненіемъ ихъ—въ третьихъ,—дробится прежде цѣльное нарѣчіе или говоръ на части.

Можно поэтому думать, что нѣкогда въ новгородскомъ нарѣчіи было болѣе однообразія. Не принимая въ расчетъ одного изъ упомянутыхъ трехъ признаковъ, именно дзеканья, какъ встрѣчающагося очень рѣдко и, по всей вѣроятности, лишь въ средѣ петуземцевъ, можно даже признать, что въ былое время языкъ новгородской области представлялъ собою одно цѣлое, не знавшее, по крайней мѣрѣ рѣзкихъ, подраздѣленій. Такъ можно думать потому, что смѣна *ъ* на *и* нѣкогда была, вѣроятно, общою чертою новгородскаго нарѣчія: остатки произношенія *ъ* какъ *и* можно прослѣдить и теперь по всей губерніи: есть такія мѣста, въ которыхъ *и* изъ *ъ* уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ словахъ, смѣнившіеся въ большинствѣ случаевъ на *е*: хлѣбъ, но—сѣно и т. п. и безъ исключенія по всей губерніи можно слышать йисть=ѣсть и йиздить=ѣздить. Что же касается до мѣны *и* на *у*, то эта особенность, я думаю, сравнительно поздняя и коренится въ мягкомъ древне-русскомъ и отчасти современномъ сѣверно-великорусскомъ—*и*,—о чемъ сказано подробнѣе ниже.

При невозможности охарактеризовать отдѣльные говоры, я ограничиваюсь въ послѣдующемъ сведеніемъ въ систему того, что было мною подмѣчено на пространствѣ всей губерніи, указывая при каждой сообщаемой особенности мѣсто, гдѣ она была мною слышана. Хотя такой пріемъ описанія имѣетъ свой важный недостатокъ, такъ какъ въ немъ исчезаютъ индивидуальности говоровъ, я избралъ его, потому что охарактеризовать полно какой либо говоръ не могу, а расположеніе описанія по уѣздамъ считаю не основательнымъ. Замѣчанія по уѣздамъ,

представленные Далемъ въ его статьѣ о русскихъ нарѣчіяхъ, могутъ послужить прямымъ предостереженіемъ отъ такого приѣма описаній. Объѣхавъ тѣ уѣзды, о которыхъ говоритъ онъ, я нахожу, что почти ни одна черта, обозначенная имъ, не можетъ быть признана прямо характерною для мѣстности, къ которой она отнесена.

Всѣ нижеприводимыя данныя извлечены мною изъ непосредственнаго ознакомленія съ живою рѣчью народа. Все это—подслушано мною въ бесѣдахъ крестьянъ между ими, или замѣчено при моихъ разговорахъ съ ними. Поэтому, хотя приводимыя данныя и не имѣютъ въ большей части случаевъ характера новизны, — все же онѣ, думаю, не лишены значенія: извлеченныя изъ обыденной рѣчи народа, онѣ являются подтвержденіемъ дѣйствительнаго присутствія въ народномъ языкѣ многихъ изъ тѣхъ чертъ, которыя до сихъ поръ большею частію извлекались изъ памятниковъ народнаго творчества и по преимуществу изъ пѣсенъ.

Совѣтъ, данный мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ—обратить вниманіе на сказки, я желалъ выполнить тѣмъ болѣе, что и собственнымъ опытомъ убѣдился, какимъ важнымъ пособіемъ для выводовъ по языку могла бы послужить мнѣ сказка. При отсутствіи всякихъ общихъ интересовъ, мои бесѣды съ крестьянами не могли быть продолжительны, ограничиваясь большею частію немногими фразами. Особенности звуковыя еще можно было подмѣчать при такихъ бесѣдахъ, но онѣ почти ровно ничего не могли дать для синтаксиса. Сказка давала бы мнѣ возможность слушать въ теченіи продолжительнаго времени непрерывную рѣчь крестьянина. И, поэтому, вездѣ выискивалъ сказочниковъ, но — къ сожалѣнію — только въ Бѣлозерскѣ, дня за два, за три до выѣзда изъ губерніи, удалось мнѣ найти человѣка, отъ котораго я могъ выслушать и записать нѣсколько сказокъ ¹⁾.

¹⁾ Гораздо легче записать въ народѣ пѣсню чѣмъ сказку. Желаніе выслушать послѣднюю удивляетъ народъ, а желаніе записать ее вызываетъ даже недовѣріе, возбуждаетъ подозрительность. Это первое затрудненіе, на которое

Въ предѣлахъ новгородской губ. я оставался не много болѣе полутора мѣсяца. За это время и объѣхалъ пространство около 1200 верстъ, посѣтивъ, за исключеніемъ Крестцовъ и Тихвина (и ихъ уѣздовъ), всѣ остальные города губерніи и много селъ и деревень, названія которыхъ ниже приводятся. Было бы полезнѣе для дѣла ограничиться меньшимъ числомъ мѣстностей, избравъ для наблюденія немногіе, типичныя по отношенію къ языку, пункты. Но—къ сожалѣнію—я ни отъ кого не могъ получить вѣрныхъ указаній на такія мѣстности¹⁾.

Въ обозначеніи мѣстностей употреблены нижеслѣдующія сокращенія:

II. у. Новгородскій уѣздъ:

Ид. Новгородъ.

Т. Тесовщина (общее названіе нѣсколькихъ селъ въ сз. части уѣзда.)

Кс. Кусони.

Л. Люболяды.

Э. Эстьяны.

Бр. Бронницы.

М. Мстанѣ.

Г. Голино.

Ям. Ямокъ.

III. Пимское.

Ст. Р. у. Старорусскій уѣздъ:

Ст. Р. Старая Руса.

я наткнулся, выискивая сказки. Второе было въ томъ, что я объѣзжалъ новгородскую губ. въ «страдную» пору, въ пору лѣтнихъ работъ, когда крестьянину—понятно—не до сказокъ. Впрочемъ едва ли и въ другую пору года можно бы рассчитывать на богатую поживу матеріала этого рода: новгородская губ. хранитъ очень мало сказокъ, какъ меня увѣряли; да и по моимъ личнымъ наблюденіямъ губернія эта бѣдна народно-поэтическими произведеніями вообще.

¹⁾ Указывая на извѣстную мѣстность при обозначеніи извѣстной особенности, я отнюдь не хочу тѣмъ сказать, что особенность эта принадлежитъ исключительно этой мѣстности: указаніе на мѣстность есть лишь обозначеніе того, гдѣ особенность мною замѣчена.

Зв. Звадъ.

Кор. Коростыня.

Рам. Рамушево.

Пор. Порусье.

Д. у. Демьянскій уѣздъ:

Д. Демьянскъ.

Зал. Залучье.

В. у. Валдайскій уѣздъ:

В. Валдай.

Крц. Короцкое.

З. Зимогорье.

П. Полосы.

Кгр. Кагрино.

Ед. Едно.

Вл. Вельё.

Б. у. Боровичской уѣздъ:

Брв. Боровичи.

Ор. Орѣхно.

С. Сычево.

Пт. Пѣтухово.

Рк. Рѣчка.

Кр. Красное.

Бх. Бахмарово.

У. у. Устюженскій уѣздъ:

У. Устюжна.

Зас. Залѣсье.

Мр. Мирѡво.

Пр. Перя.

Ч. у. Череповскій уѣздъ:

Ч. Черёповецъ.

Дв. Давыдово.

Еп. Енюково.

Ив. Ивановское.

Б. Д. Большая Дора.

Г. Громичиха.

К. у. Кириловскій уѣздъ:

К. Кириловъ.

Ив. Б. Ивановъ Боръ.

Мтв. Матвеевское.

К. в. Казанская волость.

П. в. Петропавловская волость¹⁾.

Бз. у. Бѣлозерскій уѣздъ.

Бз. Бѣлозерскъ.

Извѣстно, что звуковая система древнихъ языковъ, въ частности старо-славянскаго языка, отличается строгою опредѣленностью, легко въ немъ подмѣтить существующія звуковыя отношенія и объяснить причины звуковыхъ явленій. Тоже можно сказать и о русскомъ языкѣ древнѣйшей поры. Иное дѣло живой, современный нашъ русскій языкъ. Безъ всякаго сомнѣнія и въ немъ есть своя звуковая система, свои звуковыя отношенія, на столько же опредѣленные, какъ и тѣ, какія представляютъ намъ старо-славянскій и древне-русскій языки. Но эти отношенія остаются во многихъ случаяхъ невыясненными, а потому и звуковой строй живаго русскаго языка не представляетъ повидимому выдѣржанности, опредѣленности явленій. Научное пониманіе этихъ явленій слишкомъ далеко отъ совершенства. Множество проблематическаго характера положеній замѣняетъ въ объясненіи ихъ строго выработанныя истины. Причины, подъ которыми подводятся извѣстныя группы явленій, оказываются нерѣдко несостоятельными въ виду многихъ фактовъ той же категоріи, не подходящихъ подъ выдуманнй законъ. Важнѣйшее затрудненіе при обобщеніи явленій живаго языка, мнѣ кажется, заключается въ слѣдующемъ: живой языкъ представляетъ всегда болѣе или менѣе діалектическаго разнообразія. И каждый говоръ его есть самостоятельная особь, имѣющая свою особенную жизненную дѣятельность. Я не думаю, чтобы такая особь отъ другихъ, бли-

¹⁾ Въ этихъ двухъ волостяхъ я не былъ.

жайшихъ къ ней, различалась лишь однимъ какимъ либо звуковымъ признакомъ. Одинъ такой признакъ только подмѣченъ, какъ наиболѣе рѣзкій, бьющій въ глаза; а ужъ если онъ есть, то должны быть, находящіяся съ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и другія черты—мелнія, трудно услѣдимыя, но не повторяющіяся въ особяхъ той же группы. Каждый говоръ есть самостоятельный организмъ, проявленія жизненной дѣятельности котораго могутъ стоять въ противорѣчій съ такими же проявленіями нѣкоторыхъ другихъ говоровъ того же нарѣчія. Поэтому, при объясненіи фактовъ даннаго нарѣчія, мы, быть можетъ, нерѣдко сопоставляемъ между собою, такъ сказать, несоизмѣримыя величины. . . . Къ строго научнымъ заключеніямъ, я думаю, скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на пространствѣ цѣлаго нарѣчія. Наблюдатель, поэтому, подмѣчающій только наиболѣе видныя черты говоровъ извѣстнаго нарѣчія, получитъ сумму данныхъ, характеризующихъ это нарѣчіе, но едва ли будетъ въ состояніи дать его особенностямъ прочныя научныя объясненія. Въ положеніи такого наблюдателя нахожусь и я. Многое въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся здѣсь, остается для меня не яснымъ.

Общая отличительная черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ отдѣлѣ *ласныхъ* звуковъ — сохраненіе неударяемаго о — выдерживается на пространствѣ всей новгородской губерніи. Даже спорадическихъ случаевъ перехода о въ а мы не встрѣtilось¹⁾.

¹⁾ За исключеніемъ двухъ собственныхъ именъ: Расея, Расейскихъ Зв. Яврей В. Последней формы въ другихъ мѣстностяхъ я не встрѣтилъ. Въ В. у. есть нѣсколько акающихъ селъ, тоже въ Ст. Р. у., а можетъ быть и въ другихъ. Жители этихъ селъ выселенцы изъ области южнаго нарѣчія. Ихъ произношеніе на а не только не заражаетъ ближайшихъ ихъ сосѣдей, но считается послѣдними смѣшнымъ и страннымъ.

Обратные случаи имѣютъ мѣсто въ новгородскихъ говорахъ, т. е. неударяемое *а* иногда переходитъ въ *о*:

а) въ началѣ словъ: Офонишко Ям.

б) въ срединѣ: работникъ Кс. пороход. Ст. Р. довиѣхонько Бз. опбривать *ibid*. Въ предлогѣ *раз* при сляніи его съ именами и глаголами я слышалъ постоянно *о*; постоянно же *о* вм. *а* и въ род. п. пр. им.: доброво и т. п.

в) въ концѣ: батюшко, дядюшко У. Бз. и др. мѣста¹⁾.

Ударяемое *а* въ *о* кажется не переходитъ, по крайней мѣрѣ мнѣ встрѣтился лишь одинъ случай такого перехсда, да и то въ иноземномъ словѣ: троур. Нд.

За исключеніемъ *о* звукъ *а* ни съ какимъ другимъ не сближается.

Въ отношеніяхъ звука *о* къ другимъ звукамъ замѣчается смѣшеніе звуковыхъ категорій: въ нѣкоторыхъ словахъ онъ переходитъ въ *у*. Такъ *у* вм. *о* я слышалъ, кромѣ собственнаго имени Русіи Зв. (форма, которая вѣроятно и не предполагаетъ формы—Россія), въ двухъ словахъ: морусит (дождь —) В. и севогуду Бз.²⁾

Въ томъ и другомъ случаѣ измѣнилось *о* неударяемое. Обратнаго явленія я не замѣтилъ.

У иногда переходитъ въ *ы*, но не наоборотъ: быгто (будто) В. слых. *ib*.

Звукъ *е* сближается съ *и* и съ *о*. Въ *и* переходитъ *е* очень рѣдко: жнит. Кс. Слышалъ я эту форму дважды, но отъ одного

¹⁾ Мнѣ говорили, что мѣстами въ Паозерьѣ (такъ называются селенія по берегамъ Ильмена, преимущественно на зап. и южн. берегу его) слышится: батюшки, матушки. Не знаю, на сколько вѣрно такое сообщеніе,—самъ я не слыхалъ такихъ формъ, — и не понимаю причинъ явленія, если оно дѣйствительно существуетъ. Во всякомъ случаѣ оно не принадлежитъ къ области фонетическихъ замѣненій.

²⁾ Сближенію звуковъ *о* и *у* находимъ и въ области южно-великорусскаго нарѣчія: ку(о)нда Пленн Шейна 28 с. изъ ру(о)ду *ib*. 455. Въ одной рязанской ибсѣ *о* вм. *у*: ко(у)нно шубу. Пленн, собр. Кирѣевскимъ VII. 56. (Можетъ быть послѣдній примѣръ слѣдуетъ объяснить иначе: не понито ли здѣсь слово кунно ил. смыслъ конно)?

лица; тамъ же говорятъ обыкновенно: жнет¹⁾. Форма — напилсі. У., конечно, предполагаетъ — напилсе изъ напился.

Чаще можно встрѣтить обратный переходъ. Рядъ примѣровъ измѣненія *и* въ *е* въ области свр. нар., извлеченныхъ изъ былевыхъ пѣсенъ, представленъ мною въ статьѣ «Матеріалъ для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія»²⁾. Случаевъ, подобныхъ отмѣченнымъ тамъ, измѣненія кореннаго *и* на *е* (пер, вехоръ и т. п.) въ новгородскихъ говорахъ я не встрѣтилъ; не разъ однако слышалъ я (все, впрочемъ, въ одной только мѣстности) такой переходъ *и* въ окончаніяхъ:

онѣ Бз.

не іѣ. какъ небудъ іѣ.

издале іѣ. впереди іѣ.

говорѣла іѣ.

Одинъ изъ этихъ примѣровъ можно объяснять смѣшеніемъ формъ; другой (предпоследній) быть можетъ слѣдуетъ отнести на счетъ особенностей словообразованія; въ остальныхъ, я думаю, нельзя не видѣть фонетическаго явленія³⁾.

Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ Валдаѣ («По борамъ-борикамъ»), встрѣчается форма-бравше (см. приложение). Я не слышалъ подобной формы въ живомъ употребленіи, но вѣроятно она встрѣчается: въ одной изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Новгородскомъ Сборникѣ, — в. III, отд. пѣсенъ, стр. 9-я, — есть форма тожественная съ приведенной: недостроивше (пѣсня записана въ Эстьянахъ)¹⁾.

1) Въ русской волости II. у. можно, какъ мнѣ говорили, слышать: пойдите.

2) Варшавск. Унив. Извѣстія 1874 г.

3) Приведенные мною въ упомянутой статьѣ примѣры перехода *и* въ *е* можно пополнить многими другими примѣрами, доказывающими несомнѣнное существованіе этого фонетическаго явленія въ различныхъ мѣстностяхъ живаго русскаго языка. См. въ Сборникѣ Шейна стр. 35, 58, 147, 531, 551, 560 и у Кирѣевскаго в. II с. 35, в. IV. с. 74, в. V. с. 4., в. X. с. 87 и 113. Иноземныя имена на *ир* по всей Россіи мѣняють *и* на *е*: квартера (Ср. бригадерушка, командиры. Кир. X. 113).

1) Упомянутая пѣсня: «По борамъ-борикамъ» напечатана въ брошюркѣ Те-

Въ виду сказаннаго, признаю несомнѣннымъ, что въ современномъ великорусскомъ языкѣ конечно и иногда мѣняется на *е*; не вижу, поэтому, причины отрицать такую смѣну и для древнерусскаго.

Начальное *е* иногда смѣняется на *о*, какъ въ древне-русскомъ: още У.

Обратное явленіе есть уже результатъ перегласованія. Говоря о древностяхъ языка Паозерья, нѣкоторые лица въ Новгородѣ увѣрили меня, что мѣстами тамъ можно слышать слово озеро въ древней формѣ изеро. Тамъ, гдѣ я былъ въ Паозерьѣ (Ям., Кор., Зв.), такой формы нѣтъ. Считаю однако вполне возможнымъ, что форма изеро мѣстами существуетъ; но безъ всякаго сомнѣнія она не остатокъ доисторической древности, а очень позднее явленіе, предполагающее между собой и озеро посредствующую форму йозеро¹⁾. Это явленіе того же рода, что встрѣчающееся мѣстами въ свр. енѣ, ены изъ онѣ, оны—черезъ йонѣ, йоны²⁾.

Въ срединѣ словъ *е* на *о* мѣняется часто, всегда оставляя свой слѣдъ на мягкости предъидущаго согласнаго звука³⁾.

ружина «Городъ Валдай». Спб. 1874. Форма бравши напечатана съ *и*, но за то смѣну *и* на *е* находимъ въ словахъ: ягоде (и), будите (н. н.), знобите (н. н.). Иѣния видимо была записана очень дурно: вм. приуснула — въ ней читаемъ брѣуснула, вм. шибнул — шубнул, вм. батажкомъ — батачкой, — рядъ безсмыслицъ; можно бы не довѣрить поэтому и указаннымъ, въ ней находящимся звуковымъ особенностямъ иѣния; но, что онѣ въ языкѣ возможны и дѣйствительны, доказываются другими свидетельствами: въ Сборн. Шейна въ одной изъ иѣсенъ Исковской губ. трижды встрѣчается форма несовр. накл. на *те* вм. *ти*: скопите, купите, носите. Ср. съ этимъ: грабите (н. н.) во Вр. Пест. Ип. списка и узате въ Грамотѣ 1229 г. То объясненіе, которое я далъ этимъ формамъ въ своемъ Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. (с. 91 и 152), считаю и теперь совершенно принятымъ.

¹⁾ Такихъ переходныхъ формъ мѣстами существуютъ. Въ Выксинскомъ приходѣ Чер. у. говорили, шцѣ: одинъ=одинъ (Новг. Сб. V. 39). Возможно, что изъ этой формы со временемъ образуется тождественная съ старо-слав. ѡдинѣ. Такая форма, впрочемъ, мѣстами въ русскомъ языкѣ и теперь есть: въ Симб. губ., какъ видно изъ иѣсенъ Кирѣвскаго, можно слышать: една (Кир. в. I, с. 5).

²⁾ При формѣ изеро слышится, какъ говорили мѣѣ, и лезеро. Это и есть, конечно, видоизмѣненное йотъ.

³⁾ Такъ для устраненія сбивчивости въ выраженіи обозначилъ я то явленіе,

На сколько мнѣ извѣстно, первые случаи такого превращенія *е* въ *о* (если не считать измѣненія *е* на *о* послѣ шипящихъ) относится только къ XV вѣку (Очеркъ и пр. 133). Съ того времени это явленіе распространилось на значительную массу словъ, являясь въ сѣверно-великорусскомъ болѣе широкимъ и менѣе опредѣленнымъ по употребленію, чѣмъ въ южномъ. Замѣченные мною въ Новгородской губ. случаи перехода *е* въ *о* сводятся къ слѣдующему.

а) Въ началѣ словъ довольно рѣдко:

ѣво Р. ёсть В. у. ¹⁾).

Формы эти непосредственно являются изъ *ево*, *есть*, не предполагая формъ съ нейотированнымъ *о* изъ *е*. Какъ въ срединѣ словъ *о* изъ *е* всегда имѣетъ передъ собою мягкій согласный звукъ, такъ въ началѣ словъ оно непременно облекается йотомъ: *ѣво*, т. е. *йово* и т. п.

б) Въ концѣ словъ:

Мѣстами постоянно послѣ *ь* = йотъ:

успенъйо (успенъё) Т.

Удареніе въ этомъ и подобныхъ, слышанныхъ мною словахъ, падаетъ на послѣдній слогъ; можно бы поэтому думать, что оно то и является причиною звуковаго измѣненія ²⁾; но другіе случаи въ сѣв. великор., аналогичные съ даннымъ ³⁾, противорѣчатъ такому мнѣнію.

которое, обыкновенно называется переходомъ *е* въ *ѣ*. Говорить о превращеніи *е* въ *ѣ*, разумѣя, подъ послѣднимъ *йо*, нѣтъ основаній, такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, что между формами, подобными напр. *вез* и *вѣз*, стояла нѣкогда какъ посредствующее знено *вѣоз*. Да, сверхъ того, превращеніе чистаго простаго звука *е* въ слогъ *йо* — немислимо. Слогъ *йо* изъ *е* можно бы понять лишь въ томъ случаѣ, если бы на мѣстѣ *е* можно было предположить *ю* (*йе*), т. е. если бы форма напр. *пѣз* предполагала ступени: *вѣозъ* — *вѣез*. Но и для такого предположенія нѣтъ никакого основанія. Что, наконецъ *ѣ* нельзя понять какъ звукъ цѣльный, подобный нѣмецкому *ö* или французскому *eu*, видно изъ самаго произношенія.

¹⁾ Послѣдній примѣръ привожу на основаніи сообщенія, сдѣланнаго мнѣ заслуживающимъ довѣрія лицомъ, а не на основаніи личнаго наблюденія.

²⁾ Успенъё, но — успенъе. Это однако факты разныхъ мѣстностей.

³⁾ См. Матеріалъ и пр. с. 15 отд. оттиска.

Кажется, подъ вліяніемъ ударенія перешло *е* въ *о* въ формахъ: хотитѣ, дадитѣ У¹⁾).

и) Въ среднѣхъ словъ переходъ *е* въ *о* встрѣчается очень часто:

слѣза Г.	пѣснѣ ib.	вѣдро	}	<i>е</i> неударяемое.
сѣстра Э.	сѣстры Кс.			
лѣв Гз.				
бочѣк ib.				
горѣвать ib.	воѣт Э.			
сымѣн ib.	будѣт ib.		}	<i>е</i> ударяемое.
дѣржит Гз.	трѣснул ib.			
отпѣхнутъ Э.	отпѣхнутѣ Кс.			
лебедѣй Кгр.	гостѣй ib.			
свадебный В.				

Ясно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, что переходитъ въ *о* какъ ударяемое, такъ и неударяемое *е*, какъ основное такъ и явившееся изъ *и* (гостѣй изъ гостей—гостии) и *ь* (суф. *ьк* и *ьб*).

Нѣкоторые изъ приведенныхъ примѣровъ аналогичны, а другіе и тождественны съ тѣми, какіе представляютъ изданные памятники народнаго творчества²⁾.

Измѣненіе *е* на *о* принадлежитъ къ числу неясныхъ чертъ сѣв. влкр. нар. Что удареніе, вліяющее на это измѣненіе въ южномъ, не вліяетъ на него въ сѣверномъ, видно какъ изъ того, что измѣняется въ *о* неударяемое *е*, такъ и изъ того, что не измѣняется иногда ударяемое. Многѣ встрѣчались даже такіе случаи, что слово, имѣющее уже *о* изъ *е*, восстанавливало этотъ послѣдній звукъ именно тогда, когда на него падало удареніе: вѣдрѣ Г., но ib: вѣдра (нм. мн. ч.).

Въ полногласной формѣ *ере* второе *е* обыкновенно обращается

¹⁾ И въ Шенкурскѣ: беритѣ Кир. V. 139. Но однакоже, не смотря на удареніе, изъ этихъ формъ остается *е*: придадитѣ, пойдѣтѣ Бз.

²⁾ Материалы и пр. III—16; Шени Кир. II 45—47, 52, 62; Шейна 546, 555—6.

въ *о*, какъ и въ онежскихъ говорахъ (Матеріаль и пр. с. 14): верѣхъ Нд., заберега Ш., на берѣгъ Бз. Однако — к бѣрегу *ibid*. Здѣсь какъ будто оказало свое вліяніе мѣсто ударенія въ словѣ. Мнѣ кажется, что неясность явленія, о которомъ идетъ рѣчь, обуславливается именно тѣмъ, что сопоставляются факты разныхъ мѣстностей и разныхъ слѣдовательно говоровъ, — условія же явленія для разныхъ говоровъ, не одинаковы¹⁾.

Объ отношеніи древняго *ъ* къ *и* и *е* выше уже сказано.

Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ употребленія *и* вм. *ъ* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно оно смѣняется на *е*: йистъ и йисъ (ѣсть) Г., ниту *ib.*, йти Крц. хлибца Ив., лис. *ib.* Ен., надинь, повисил, досѣдили, поизжант, листница Бз.

Въ нарѣчіяхъ — гдѣ и здѣсь (кѣде и съде) употребляется *и* вм. *е*: гди П., здисъ Бз., вѣроятно въ силу аналогіи, вліянія словъ имѣющихъ *и* на мѣстѣ конечнаго *ъ*: на столи П. вси Зал. и т. п.

Ѣ на *я* смѣнилось въ сѣв. влкр., какъ извѣстно, въ окончаніи сравн. степени: свѣтляе мѣсяця Ив. Б. росляе Ен. мудреные Бз.

Что касается до *я* въ *сял* (= сѣл), то оно должно получить иное объясненіе. Я убѣжденъ, что эта смѣна отнюдь не можетъ доказывать сродства звуковъ *ъ* и *я*. Она есть фактъ не фонетики, а словообразованія, именно стремленія къ уравниенію темы неопредѣленнаго наклоненія съ темой настоящаго времени: *сясть* и *сял* явились по аналогіи съ *сяду*.

При стеченіи двухъ гласныхъ звуковъ является мѣстами ассимиляція и стяженіе ихъ: почита(е)и Л. недовлѣ(е)т Т. Г. дума(е)и Мтв. ёи ба(е)т Г.

Стеченіе согласныхъ вызываетъ вставку гласнаго зв: столоб Пор. доли́н (т. с. длина) Кор. Дв.

¹⁾ Отъ одного и того же лица мнѣ пришлось слышать въ Бз. различныя звуковыя формы одного и того же слова: шатер и шатѣр, зеленый и зелѣный (см. сказки — въ приложеніи). Человѣкъ, говорившій такъ, былъ грамотенъ и не выдерживалъ въ своей рѣчи всѣхъ особенностей мѣстнаго выговора. Но человѣкъ неграмотный и исподдавшійся какимъ бы то ни было чужимъ вліяніямъ не можетъ въ своей рѣчи стать въ такое фонетическое противорѣчіе самъ съ собою.

Изъ случаевъ опущенія гласныхъ интересно сокращеніе полногласной формы: оболокись У. Ч. у. Бз., но — облочись Мтв.¹⁾

Перегласованіе встрѣчается: при шипящих: чешша (чаща) Бз.; при *ш*: вѣщенье Ив. Б.; при *р* и *л*: крени Пр., умышлеш (изъ умышлешш — умышляеш) Мтв.

Проявляющіяся особенности въ отдѣлѣ *согласныхъ* звуковъ разнообразны. Однако такихъ чертъ въ этомъ отдѣлѣ, которыя не были бы извѣстны и въ другихъ частяхъ сѣверно-великорусскаго, не замѣтно²⁾. Звуковыя мѣны согласныхъ можно отмѣтить слѣдующія:

г мѣняется съ *к* и *х*:

г(к)иль Ид. флак(г) Бз. перешах(г)ивал ів.

Разъ слышалъ я форму, въ которой *х* смѣнилось на *в*: трѣв(х) Ив.

Рѣдко, но встрѣчается древняя черта языка: смѣна *с* на *х*: опоях(с)ать Г. (ср. вху во Вкл. Варл.).

Перехода *в* въ *у* я нигдѣ не слышалъ. Онъ однако же существуетъ мѣстами въ Ч. у., какъ мнѣ говорили мѣстные жители и какъ то было засвидѣтельствовано Далемъ (О нарѣчіяхъ и пр. 22).

Тамъ же мѣстами можно встрѣтить смѣну *в* на *м*: нимцо.

Переходъ *м* въ *н* я замѣтилъ только въ одномъ словѣ: нодын(м)и Кс. Э. Вм. *н* стоитъ вм. *л* въ словѣ: сухмель В. Бх. (Ср. присталь въ Сб. Гильфердинга с. 284. 367).

Ф на *п* мѣняется въ словѣ и(ф)аниинникъ Ив. Б. *Ф* вм. *хв* въ фататъ Бз. и фатера (конечно, черезъ посредствующую форму хватера) ів. Вм. *х* является *хв* въ словѣ: охвотникъ Г.

Отзвучные зубные переходятъ иногда въ звучные:

збирается Бз. очудился ів.

Первый примѣръ — обыкновенное и понятное явленіе непол-

¹⁾ Ср. подобные случаи сокращеній въ Сборн. Гильфердинга (с. 455. 513. 928) и Барсова (Примѣтныя с. 4).

²⁾ Ср. нижеслѣдующіе примѣры съ тѣми данными олонекскихъ говоровъ, которыя собраны въ Матеріал. и пр.

ной ассимиляціи. Появленіе *д* вм. *т* во второмъ, быть можетъ, слѣдствіе народной этимологіи, т. е. быть можетъ это слово сближено народомъ съ — чудо.

Вмѣсто *ш* мѣстами двойное *ш*:

шшука П. свѣшшенникъ Ив. шшетинка, ешшо, чашша Бз.

Явленіе это не составляетъ неизмѣннаго правила: въ тѣхъ же мѣстностяхъ можно слышать и *ш*.

Смѣны *с* на *ш* не замѣтилъ¹⁾. Обратный случай только въ словѣ слюзы (шлюзы) Брв. Бз.

С вм. *ш* является въ — свѣты (цвѣты) В. свѣтики Бз.²⁾

З вм. *ж* я слышалъ въ словахъ:

рогозка Ив. зелѣзный В. порозной Бр. порознѣмъ Ш. на порозѣнкѣ Крц (т. е. порожнѣмъ³⁾)

ш вм. *шт* въ — що (что) Пр.

¹⁾ Смѣна эта однако же существуетъ въ сѣв. великор. См. Матеріаль и пр. с. 29. Кромѣ того: въ Шенкурскѣ говорится: *ш*(с)ельщина. Пѣсни Кир. I. 83, въ Онегѣ: тыщаць ів. 87.

²⁾ Форма — свѣт. вм. цвѣт — встрѣчается и въ южно-великор., напр. въ Тул. г. См. Пѣсни Шейна с. 446. Форма твѣты (цвѣты), которую мѣстами можно слышать въ В. у., тоже свойственна югу. См. Кир. II. 67.

³⁾ Форму — порозній — я считаю первичною по отношенію къ формѣ порожній. Эта форма вызываетъ меня на слѣдующія замѣчанія.

Какъ извѣстно, слова — порожній и праздникъ — тождественны по кореннымъ звукамъ, и представляемая ими звуковая разница обуславливается лишь особенностями фонетики двухъ нарѣчій: русскаго, которому принадлежитъ слово — порожній, и старо-славянскаго, собственность котораго слово праздникъ. Что такое *эд* послѣдняго?

Миклошичъ (Vergl. Gg. der Sl. Spr. I) считаетъ вѣроятнымъ, что *эд* есть смягченное *д*. Рѣшиться усомниться въ этомъ. Основаніи для сомнѣнія слѣдующія:

1) Остается совершенно непонятнымъ, почему *эд*, постоянно превращающееся въ *жд*, въ данномъ случаѣ и не многихъ другихъ (гоздь, звѣзда и т. п.) является въ формѣ *эд* (считать же *гроздь-эд* первичною по отношенію къ *жд*, т. е. предположить ступени: *дз* — *эд* — *жд*, нѣтъ никакого основанія).

2) Для смягченія *д* въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимаго условія: суффиксъ *ик* слова праздникъ-икъ не равняется *икъ*, а есть видоизмѣненіе *икъ* (ср. аналогичныя образованія въ словахъ: бѣдъ-икъ, муть-икъ и т. п.: *д* и *т* остаются неизмѣнными).

3) Соотвѣтствующія звуковыя формы этого слова въ другихъ славянскихъ

Самое важное звуковое явленіе мѣны согласныхъ звуковъ въ повгородскихъ говорахъ, да и вообще въ сѣверно великорусскомъ нарѣчіи, — это мѣна *и* на *ч* и обратно.

Такую мѣну я слышалъ въ Повг., Устюжскомъ, Череп. и Кириловскомъ уѣздахъ.

Вотъ нѣкоторые примѣры цоканья и чаканья:

вышедци III. ушодци T. лутце G. вцера Пр. легче *ib.* учить Дв. молоцка *ib.* угароцки *ib.* рущка с рущкой Ив. Б.;
отець, купецъ G. полотенче *ib.* молодича *ib.*

Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чаканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонятной. Самъ я однако нигдѣ не встрѣтилъ такого совпаденія (если не считать слышанной мною въ G. формы лутце: нѣкоторыя слова съ *и* на *ч* встрѣчаются по всей губерніи, не исключая мѣстностей, гдѣ не цоканютъ и не чаканютъ; такъ вездѣ я встрѣчалъ форму — ушодци произносятся мѣстами — ушодси T.).

Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснять нѣкогда бывшею въ

нарѣчіяхъ не таковы, какихъ слѣдовало бы ожидать, еслибъ *эд* этого слова явилось изъ *дј*.

На основаніи этихъ соображеній мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ относительно группы *эд* слѣдующее предположеніе.

Извѣстно, что въ старо-слав., да вѣроятно и въ древне-русскомъ, было два рода звука *г*: *г* = лат. *g* и *г* = лат. *h*. Рядъ высказанныхъ въ наукѣ замѣчаній о характерѣ перваго изъ этихъ звуковъ, привелъ къ убѣжденію, что *г* = лат. *g*, при смягченіи давало *дз*, выражавшееся буквою *з*. Самой группы *дз* изъ *г* указано не было.

Но есть ли группа *эд* результатъ этого смягченія? Ст.-слав. нарѣчію была свойственна звуковая перестановка въ извѣстныхъ случаяхъ: *жд*, *вм*, *дж* — изъ *дј*, *шт* им. *тш* — изъ *тј*; также, быть можетъ, и сочетаніе *дз* превратилось въ *эд*.

Я бы считалъ это несомнѣннымъ, если бы могъ доказать, что въ корнѣхъ словъ: *праздникъ*, *гвоздь* и другихъ подобнаго образованія былъ нѣкогда звукъ *г*. Не будучи въ состояніи этого сдѣлать, я высказываю мою мысль только предположительно.

говорѣ мягкостью *и*. Сочетаніе *ча*, *чу* и т. п. непременно, я думаю; предполагаютъ: *ця*, *цю*, а не *ца*, *цу*. Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* (т. е. *ся*, *с'а*, *с'а*) въ *ша*: тыщацъ (см. Пѣсни Кир. I. 87); 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *и*, нѣтъ формъ, подобныхъ *курича* и пр. По крайней мѣрѣ я не встрѣчалъ такого совпаденія явленій. Говоры съ мягкимъ *и* — переходные отъ тѣхъ, въ которыхъ *и* твердо, къ тѣмъ, въ которыхъ оно смѣняется на *ч*. А можетъ быть вѣрнѣе будетъ сказать такъ: основные говоры тѣ, которые имѣютъ мягкое *и*, отъ нихъ пошли въ одну сторону говоры съ твердымъ *и*, въ другую — съ *и* превращеннымъ въ *ч*.

Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *ч* въ *и*. Могу сдѣлать лишь слѣдующее предположеніе. Мѣстами *и* такъ мягко, что стоитъ на рубежѣ *и* и *ч*, — слышится не то тотъ, не то другой звукъ. Древне-русскому языку были свойственны не только мягкое *и*, но и мягкіе шипящіе — *ж*, *ч*, *ш*. Быть можетъ мягкое *ч* наклонилось, а съ теченіемъ времени и перешло въ *и* по особенному строю фонетики нѣкоторыхъ говоровъ? Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюденій.

Ц изъ *ч*, стоящее передъ *т*, произносится почти какъ *с*:
унистожилась Дв.

Мягкого *ч*, а равно и другихъ шипящихъ я не слышалъ; твердость же шипящихъ замѣчалъ не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ: не только: жѣнка, пошѣл Бз, пичѣво Нд., но и — чоловік Пт.

Ц мягко не рѣдко, но далеко не вездѣ: пятница Э. пятницу ів. конецъ Ів. отци Ів. танцюють ів. молодець ів., но напр. пальцѣв Бз. серцо ів.

Мѣстами слышится мягкое конечное *с*: оставъ Бз.

Изъ плавныхъ — *л* постоянно мягко, но *р* иногда твердо тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать его мягкости и наоборотъ: ря(а)ма В. вѣхор(ь). ів.

Въ словѣ лёд *д* мягко въ косвенныхъ падежахъ: льдю, льдѣм Бз.

Тотъ же звукъ мягокъ въ концѣ слова — назадъ.

Согласные *р, н, м, с* мягки передъ суффиксами прилагательныхъ *к* и *ск*, т. е. *ик* и *иск*. Мягкость ихъ—несомнѣнный слѣдъ въ этихъ суффиксовъ: барьской Зв. царьской ів.

Деревеньской Л. В. Э. Смоленское Г. Казанскій В. Демьянскій ів.

Шимьской Г. Зв.

Русская Э. петербургское З. пироськое оз. С. ивановскій Ив. московское У.

Въ примѣрахъ, подобныхъ послѣднимъ двумъ, *в* почти исчезаетъ (какъ въ подобныхъ же случаяхъ въ варшавскомъ говорѣ польскаго языка).

Обратное явленіе случаямъ приведенной мягкости представляетъ твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Тверды слѣдующіе звуки:

т: въ формѣ тых (тих изъ тѣхъ) Кс.;

н: въ — оны (вм. они) ів.,

и очень часто въ окончаніяхъ прилагательныхъ: осенная Зв. здѣшная У. дорожная Бз. вчерашново ів.;

д: передъ суф. *ми* тв. п. мн. числа: людмы Э.

м: въ томъ же суффиксѣ: *мы* вм. *ми*.

р: кричать Бз.

Мѣстами кромѣ обще-русскаго смягченія въ *ж*,—*д*, при сочетаніи съ *йотъ*, является въ формѣ *жд*. Съ такимъ смягченіемъ я слышалъ впрочемъ только одно слово и въ одной только мѣстности: урождѣй Злс.

Древняго смягченія гортанныхъ нѣтъ слѣдовъ.

Смягченіе, губныхъ проведено далѣе, чѣмъ въ литературномъ языкѣ: успенье. Злс. (но въ другихъ мѣстностяхъ: успеньё Т.).

Смягчающее губной звукъ *л*, являющееся въ 1 лицѣ наст. вр., выдерживается и въ прочихъ: засыплеш, задремлеш В.

Изъ явленія асимилиаціи согласныхъ мнѣ встрѣтились только случаи уподобленія *б*—*м*:

омморокъ Бз. оммѣривать іѵ. амманывать іѵ.

Примѣрами перестановки согласныхъ могутъ послужить слова: арбан (анбар) В. квардат Кр. намастырь В.

Выпадаютъ слѣдующіе звуки:

в и *с* въ началѣ словъ: (в)стал Бз., (с)колько іѵ.;

к передъ глагольною примѣтою *ну*: тол(к)нуть П. зам(к)-нул іѵ.;

т — передъ *и*: о(т)пустил Бз, и въ концѣ словъ послѣ *с*: хвос(т) Бз дас(т) іѵ, ес(т)ь Дв.;

й и *н*, явившесѧ изъ *й*: с ими (т. е. с йими) Бз. с ей Ст. р; подѣм (пойдѣм) Ст. р. да'ка (дай ка) Бз. сюды то' ди (йди) іѵ.

Вставнымъ *й* является въ словѣ: байна Бз.

Есть слова, представляющія выпаденіе цѣлаго слога: хотца (хочется) Г. видца (видится) іѵ.

Говоря выше о смягченіи *д*, я не упомянулъ о дзеканьи. Это потому, что я нигдѣ его не слышалъ. По примѣру, приводимому Далемъ, въ его статьѣ о нарѣчійхъ, для характеристики говора Бронницъ, я ожидалъ, что Броничане смягчаютъ *д* въ *дз*. Оказалось, что нѣтъ. Въ Боровичскомъ уѣздѣ есть дзекающія селенія; но гдѣ именно они есть, того—къ удивленію моему—никто мнѣ положительно указать не могъ изъ мѣстныхъ жителей; въ тѣхъ же селеніяхъ и деревняхъ Б. у., которыя я посѣтилъ, ~~этой~~ примѣты не встрѣтилось.

Сообщаю нѣкоторыя изъ встрѣчавшихся мнѣ особенностей въ постановкѣ удареній:

Им. существъ:

ручей Пд. (и по всей губерніи)

ворѣта Г.

пивá (им. мн.) Бз.

кобы́лица Бз.

жи́ла ꙗ́ѣтъ Зал.
 бра́тья (им. мн.) Бз.
 звѣ́рїи (род. ед.) іѵ.
 пальцо́въ. іѵ.
 на ко́нцѣхъ Бз.
 ко́нцѣй іѵ.
 се́но́гу(о)ду іѵ.
 за́берѣгъ. Ш.
 у бере́гу Бз.

Им. прил. и числ:

вре́менно́й Нд.
 крѣ́пко́й Ш.
 жа́рко́й де́нь. Зал.
 кру́пно́й Вл.
 гла́дко́й Зв.
 то́лсто́й В.
 то́лста́я іѵ. Ям.
 мо́лодь Бз.
 сто́бистѣ́е іѵ.
 по́лтора іѵ.

Мѣстоим:

нико́во. Нд. (и въ большей части губ.)
 ничо́во (почти по всей губ.) по —
 ничевó Бз.

Глаголы:

же́чи Бз.
 остано́вятся Бз.
 напи́леи У.
 по́лбжи́ль Бз.
 на́даѣт іѵ.
 не́сетѣ Бз. не прода́дите ли іѵ.
 хоте́те, да́дите Ч.
 мо́жно М.

Нарѣчіе:

тѣпло Нд.

глубоко гв.

быстро Э., но иногда — быстро Нд.

холодно Г.

дужо Зал. ¹⁾).

По отношенію къ *формамъ* въ новгородской губерніи мнѣ встрѣтились слѣдующія особенности, большая часть которыхъ находятся впрочемъ и въ другихъ частяхъ сѣвернаго нарѣчія.

Въ формахъ склоненія именъ существительныхъ самая рѣзкая особенность — это извѣстное смѣшеніе дательнаго падежа съ творительнымъ: с дровам, с верѣвкам Нд.; лошадымы, людьмы, (дат. п.) Э. и. т. п. Это смѣшеніе обще всей новгородской губ. Рѣже слышится оно на СВ. (кириловскій и бѣлозерскій) уѣзды, хотя имѣетъ мѣсто и тамъ: спиnam(и) Бз. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ губ. такое смѣшеніе слышится постоянно. Мѣстами суф. дат. п. служить и для дат. и. для твор., мѣстами же суффиксы этихъ падежей взаимно мѣняются ролями. Непонятно для меня происхожденіе этой особенности, причина возникновенія и существованія ея. Возобладаніе одной формы надъ другими и унодобленіе ей этихъ другихъ формъ — явленіе общее, замѣчаемое въ жизни всѣхъ языковъ. Но какъ объяснить то, когда двѣ формы сохраняются въ языкѣ, но смѣшиваются?

Иное дѣло смѣшеніе дат. ед. ч. съ родит., имѣющее также мѣсто въ новгородскомъ: к сестры Нд. В.: здѣсь одна форма ассимилирована другой: суф. род. употребляется въ дат., но не на оборотъ.

Имена съ суф. *к* (ѣк) мѣняютъ конечное *а* на *о* и склоняются,

¹⁾ Названія городовъ имѣютъ слѣдующія ударенія: Крѣстцы, Боровѣчи, Устюжна, Черѣповецъ.

какъ имена среднего рода: батюшка, к батюшку и т. д. Бз. и др. мѣста. Прилагательныя и мѣстоименія, относящіяся къ такимъ существительнымъ, согласуются съ ними не по грамматическому ихъ окончанію, а по смыслу.

Но прилаг. и мѣстоименія, относящіяся къ именамъ муж. р., оканчивающимся на *я*, иногда согласуются съ ними по окончанію: мировой судья Кр., Бх.

Слово день склоняется мѣстами по темѣ на *и*: к завтрашнему дни Бз.

По темѣ на *и* склоняется и слово—олень, употребляемое въ ж. р.: олени (р. п.) и т. д. Бз.

Имена съ суф. *ин-ъ* имѣютъ въ им. п. мн. ч. окончанія *е* и *а*. Разность окончаній обуславливается кажется разностью удареній: бѣира—бѣире Бз.

Слово рожь мѣстами переходитъ въ тему на *а*: ржа Ор. (но *іѵ*. и рожь.)

Собирательная форма отъ рожь—ржева́, отъ лён—льнева́ (сообщ.), или отъ рожь—ржице В., отъ овёс—овсице *іѵ*.

Въ согласномъ склоненіи нѣкоторые имена съ суф. *мя* въ род. мн. ч. оканчиваются на *ян* вм. *ен* (ен—е): сѣмян Б.

Имена собирательнаго значенія, оканчивающіяся на *ья*, имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: зятѣя́, братья́ Бз., какъ князья и т. п.

Имя именительнаго падежа такихъ формъ удерживается и въ косвенныхъ: князьѣй, зятѣѣй и т. п. Бз.

Слово пиво употребляется и во мн. ч., съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: пива́ Бз.

Во мн. ч. употребляются и нѣкоторые другія имена (въ смыслѣ нарѣчій), которымъ такое употребленіе не усвоено въ литературномъ языкѣ: вмѣстѣх Рам. вмѣстѣхъ Зал. на воляхъ (свободно) Кс.

Въ словѣ Новгородъ склоняются обѣ половины слова: Новгорода и. т. д. Пд. Т.

Нѣкоторые имена существ. муж. р. употребляются въ жен-

скомъ: эта олень Бз., вреда(ъ) ів., бѣлояровой пшены ів.; ужи-на готова У. Бз.,

Прилагательныя имена въ им. ед. оканчиваются большей частью на *ой*: доброй и т. п. (см. прилагаемыя пѣсни и сказки.)

Въ род. ед. неизмѣнно является *ово*: доброво, широково (см. ів.¹⁾).

Во мн. ч. им. п. оканчивается на *ыи*, *ые*, *іе*, при чемъ роды не различаются (см. ів.)

Иногда въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ прилагательныхъ вмѣсто полнаго окончанія ставится краткое: солова кобыла Ен. которо іbid.

Удлиненныхъ формъ прилагательныхъ (на *ою* вм. *ой* и т. п.), которыя такъ обычны въ пѣсняхъ и былинахъ, въ живой рѣчи народа, я, какъ и слѣдовало ожидать, не встрѣтилъ²⁾.

Мѣстоименіе *тот*—въ косвенныхъ надежахъ мн. ч. имѣеть *ы* вм *ѣ*: тыхъ Т.

Объ въ род. над. (вѣроятно и въ прочихъ) представляетъ стяженіе звуковъ: обѣх Нд., но—обѣихъ Э. Бр.

Вм. притяжательныхъ мѣстоименій его и ея употребляются формы: евоной Нд. ейный Зм.

Въ мѣст. иной—*и* удваивается: інной Бз.

Отъ род. пад. мѣстоименій *кто* и *что* образованы уменьшительныя формы: никимкбушки. В. ничѣвушки) Мтв.

нѣ, сложное съ который, кой, можетъ быть отдѣляемо отъ нихъ предлогами: нѣ въ коемъ (см. прилагаемыя сказки.)

Мѣстами сохраняются старинныя формы мѣстоименій лич-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ Новг. Сборн. встрѣчается въ р. п. прил. п. ого и даже аго (ныш. IV, с. 92.). Это значить лишь то, что пѣсни или записаны, или напечатаны дурно.

²⁾ Въ Выксинскомъ приходѣ Череп. у., какъ видно изъ Новг. Сб. (в. V, 39), употребляется удлиненное окончаніе въ тв. п. ед. ч. и въ дат. мн. въ прилагательныхъ: бѣлымъ платкомъ, сухіемъ дорогамъ. Судя по примѣру: не приходитцы молодыемъ ребятамъ по улицѣ шататыцы,—это особенность не пѣсенная. Цитованное мѣсто, замѣчу кстати, чуть ли не единственное во всѣхъ пяти томахъ Новг. Сб., дающее указаніе на особенности говоровъ губерніи.

наго и возвратнаго: про ся робота Г. (отвѣтъ на угощеніе; смыслъ: о себѣ помнимъ, себя не забываемъ), тя Бз. Таже форма и въ род.: у тя іѵ.

Въ глагольныхъ формахъ стоятъ вниманія слѣдующія особенности.

Вспомогательный глаголѣ *бытъ* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. употребляется мѣстами въ формѣ — е Г. Кр. (въ послѣдней мѣстности такое употребленіе уже исчезаетъ.)

Та же форма на значительномъ пространствѣ губ. произносится: есте В. Б. У. (и уѣзды этихъ городовъ.) Это единственный замѣченный мною въ повг. губ. случай слѣда глухаго звука въ окончаніи. Мѣстами конечное *с* этого слова произносится почти какъ *я* (я): ести Крц.

Глаголы *ѣсть* и *дать* хранятъ мѣстами старинныя формы—ѣси Мтв. Ч. даси Ч. Бз.

Глаголѣ одѣтъ имѣетъ въ повелительномъ наклоненіи форму, образованную отъ удвоеннаго корня *ded*: одежи Іѵ.

Въ 3 лицѣ ед. ч. глаголовъ наст. вр. окончаніе всегда *т*, никогда *тъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это окончаніе отбрасывается: идѣ Э. кося Г. ён ба(ет) іѵ.

Въ двухъ мѣстностяхъ слышалъ я форму 3 лица съ окончаніемъ на *та*: идѣта Э. летита Г. ¹⁾. Эта форма принадлежитъ къ числу исчезающихъ.

Въ 5). она хранится лишь въ нѣкоторыхъ ссмылахъ, да и въ тѣхъ не всѣ члены употребляютъ ее.

Говорящіе идѣта и т. п., не скажутъ идѣтъ и т. п., но безразлично употребятъ: и идѣта и идѣ.

Происхожденіе этой формы не ясно для меня. Безъ сомнѣнія однако она не коренится въ древней фонетикѣ и въ *а* окончанія *та* нельзя, разумѣется, видѣть замѣны древняго глухаго. Вѣроятно, форма эта вызвана стремленіемъ вокализовать окон-

¹⁾ Въ Бронницкхъ, къ которымъ отнесъ эту особенность Даль, ея не оказывается. Впрочемъ Остѣины отъ Бронницъ всего въ двухъ верстахъ.

чаніе. Но если и такъ, то все же остается вопросъ — почему этой цѣли служить звукъ *а*?

Глаголы съ окончаніемъ неопр. накл. на *и*, = *г + т (и)*, *к + т (и)*, не отбрасываютъ конечнаго *и*: жечі Бз. толчі ів.

Будущее время употребляется въ сложной формѣ — изъ неопр. н. спрягаемаго глагола и *буду*—вмѣсто формы совершеннаго вида, равной по окончанію настоящему времени: не отвинтитъ будетъ Л.

Сложныя формы прошедшаго времени—изъ прош. вр. вспомогательнаго глагола и дѣепричастія прошедшаго спрягаемаго: онъ былъ ушодци, были вставши и т. п. — постоянно слышатся по всей губерніи.

Въ словообразованіи именъ мѣ въ встрѣтилась лишь одна особенность: употребленіе въ прилагательныхъ суффикса *йк* (и слѣдовательно *ык*) вмѣсто *йн*: знойко Бз. (ср. болько Ол. г.).

Въ глаголахъ—словообразовательныхъ особенностей много.

Тема на *и* употребляется иногда вмѣсто темы на *а*: розгони Бз.,

и вмѣсто темы на *ну*: обманился Ш. расшатилися Бз.

Тема на *а* вм. темы на *я*: дыхать Нд.

Вмѣсто той же темы *я* иногда тема *ов-а*: не обидуйся Мгв.

Есть случаи уравниенія темы неопр. накл. съ темой наст. вр: розгони Бз. Сюда же относится, какъ то выше замѣчено, *сясть*.

Форма—накладываютъ Бз. или указываютъ на образованіе неоконч. вида отъ формы совершеннаго или предполагаетъ существованіе, — теперь или прежде — формы лажати.

Въ словѣ — закзено Зал. — причастная форма прош. вр. образована какъ бы отъ темы настоящаго.

Въ причастіи страдательномъ прош. вр. нѣкоторыхъ глаголовъ вмѣсто суффикса *тз* является *нз*: взяно Пр.

Встрѣчается изрѣдка безпредложное употребленіе глаголовъ,

въ литературномъ языкѣ слитыхъ съ предлогами: сидимъ Бз. (= посидимъ).

Вѣроятно стремленіемъ къ уравниенію въ звуковомъ отношеніи различныхъ формъ слѣдуетъ объяснять употребленіе е вм. о въ — ле(о)жисъ Бз., лежитъ Ив. Б.

Глаголь — вынуть — я постоянно слыналъ въ правильной формѣ — вынять Бз. (= ложится).

Накопленія предлоговъ при глаголахъ, столь обычнаго въ языкѣ пѣсенъ (вос-про... за-у... и т. п.) въ живой рѣчи народа я конечно нигдѣ не нашелъ. Слышалъ впрочемъ одинъ подходящій сюда примѣръ: исполать (устрой) Мтв. ¹⁾.

Относительно *синтаксиса* я не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго въ живой рѣчи народа. Кое-что, впрочемъ, можно извлечь относительно народнаго синтаксиса изъ прилагаемыхъ сказокъ: записывая ихъ, я старался сохранить приемы и обороты рѣчи рассказчика.

Различныя мѣстности Новгородской губерніи (какъ вѣроятно и многихъ другихъ) отличаются одна отъ другой по отношенію

¹⁾ Со стороны словообразованія стоятъ вниманія многія собственныя имена, названія мѣстностей въ Новгородской губ. Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ такихъ названій.

Горыни, Ворыни — образованы, кажется, также какъ древнія — рабыни, нуыни и т. п.

Велегощи напоминаетъ: худощи, лѣнощи и т. п.

Часто встрѣчаются сложныя имена древняго образованія: Люболяды, Ладомірь, Вѣщозеро и т. п.

Имена, сложныя съ предлогомъ *за*, постоянно оканчиваются на *ѣ*: Залужье, Заключение, Залѣсье, Замостье, Замощье, Заболотье, Заказарье и т. п.

Мѣстныя названія Новгородской губ. интересны впрочемъ не со стороны только языка, но и въ отношеніяхъ топо- и этнографическомъ.

Имена многихъ селъ и деревень повторяются какъ названія городовъ и селъ въ разныхъ краяхъ Россіи: Кіино, Витебско, Большая и Малая Велички, Шуя, Вятцы, Идолъ, Коростыни (ср. Коростень) и т. п.

Не лишены, конечно, своего значенія и такія имена, какъ Гридино, Смердять, Туриново, Тугариново, Заказарье, Ванда — село, Вандица — рѣка и т. п.

къ языку не только со стороны фонетики и формъ, но нерѣдко и особенностями лексическими.

Нѣкоторыя мѣстности имѣютъ свои особенныя слова, не употребляемая въ другихъ, даже ближайшихъ къ нимъ. Такъ въ П. в. К. у. (если вѣрно сдѣланное мнѣ сообщеніе, — самъ я въ этой волости не былъ) есть слово — *изуфренно*, имѣющее значеніе — превосходно и неизвѣстное въ другихъ пунктахъ того же уѣзда.

Одному и тому же мѣстному слову въ разныхъ уѣздахъ дается иногда различное значеніе. Такъ слово борокъ въ В. значить кладбище, а въ Бх. У. у. — бусы, монисты; окрутить — въ Ст. Р. у. значить вообще снарядить, а въ Бз. только — повязать голову.

Наконецъ есть и такія мѣстности, въ которыхъ обще-русскія слова употребляются кромѣ прямого ихъ значенія еще въ особенномъ. Такъ въ Бр. я слышалъ выраженіе — лошадь *прошла* — въ смыслѣ: лошадь пала, околѣла. Въ Г. говорятъ привелъ вм. привезъ и обратно (батьюшка, говоритъ мужикъ священнику, отслужи панихиду: я мертвеца *привелъ*). Въ Ям. я слышалъ слово — *нѣсколько* въ значеніи очень много; въ В. и Нд. слово *преданіе* въ смыслѣ вещественныхъ остатковъ старины.

Мѣста, близкія къ Ильмену, хранятъ много старинныхъ словъ. Въ Г. я слышалъ въ живомъ употребленіи слова: пѣстовать, челядь, довлѣть.

Особенныхъ мѣстныхъ словъ у меня, за время переѣздовъ по Новгородской губ., накопилось много; но провѣрка записаннаго по словарю Даля значительно уменьшила число ихъ¹⁾.

Въ нижеприведенномъ спискѣ особенныхъ словъ Новг. губ. я удержалъ однако не тѣ только слова, которыхъ у Даля не оказалось (такихъ очень немногихъ), и не тѣ только, которыя я слышалъ не въ томъ значеніи, какое имъ придано у него; но и тѣ,

¹⁾ Провѣрка эта вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не показать мнѣ ясно, какой важный трудъ имѣемъ мы въ словарѣ Даля и какого довѣрія этотъ словарь заслуживаетъ.

мѣсто употребленія которыхъ у него не обозначено; равно, наконецъ, и тѣ, которые отмѣчены имъ, какъ употребляющіеся только на востокѣ, или югѣ, или западѣ.

Въ списокѣ этомъ только часть такихъ словъ, которыя я слышалъ самъ въ живомъ употребленіи; многія слова внесены въ него на основаніи сдѣланныхъ мнѣ различными лицами сообщеній. Лексиконъ — это единственная сторона языка, по части которой мнѣ были полезны мѣстные жители.

Слова, сообщенныя мнѣ даннымъ лицомъ, я старался провѣрить — или на мѣстѣ употребленія ихъ, или черезъ распросы другихъ лицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда провѣрка не могла быть сдѣлана, я при словѣ ставлю сокращенное обозначеніе фамиліи лица, отъ котораго его слышалъ¹⁾; или—когда указаніе на лицо было бы бесполезно — отмѣчаю (*сбц*), т. е. сообщено.

Изъ лицъ, дѣлавшихъ мнѣ сообщенія, я нужнымъ считаю упомянуть здѣсь съ признательностью — протоіереевъ: Богословскаго²⁾ и Полетаева, Н. Ал. Дубинина (валдайскій купецъ, членъ новг. статист. комитета и Императорскаго Минералогическаго Общества) и Ф. Ф. Нардалоцкаго (бывшаго штатнаго смотрителя валдайскаго уѣзднаго училища)

Послѣдній обязательно передалъ мнѣ цѣлую тетрадь, заключающую собраніе мѣстныхъ боровицкихъ словъ. Словъ въ этомъ сборникѣ было до сотни. При провѣркѣ ихъ Словаремъ Даля оказалось однако нужнымъ удержать изъ нихъ не болѣе 10 — 15. Ниже они помѣщаются съ отмѣткою (Пр.).

¹⁾ (Б.) значить Богословскій.

(Пл.) » Полетаевъ.

(Д.) » Дубининъ.

(Пр.) » Нардалоцкій.

²⁾ Секретарь новгор. статист. комитета, редакторъ Новг. Сборн. Его со-
вѣщанія послѣдовали и въ общемъ направленіи своего пути по Новгородской
губерніи

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СЛОВА, СОБРАННЫЯ М. А. КОЛОСОВЫМЪ ВЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В.

Баско — хорошо Бз.

Батулька — сказка, прибаутка Зм.

Бахилы — родъ калошъ, мужскихъ башмаковъ съ красною по верху оторочкою Брв.

Богомолье — сговоръ Бз.

Бóжка — нянька П. в. (сбщ.).

Борина — отмель на рѣкѣ С.

Бредá — кора ракиты В.

Борок — 1) кладбище В., 2) бусы, манисты Бх. (сбщ.).

Бруснуть — отбивать головки льна В. у. (Д.).

В.

Вар — 1) смола для смазки колесъ, 2) горячая вода, но не всякая, а именно та, которая употребляется при печеніи баранокъ. В. (Д.).

Вѣльги — покось на болотистомъ мѣстѣ У. у. (сбщ.).

Верещага — яичница — глазуня Н. у. В. у. Д. у.

Веснуха — весенняя лихорадка Г.

Вехоть — мочало для мытья половъ К.

Витчина — вѣтьвь (Б.) Н. у.

Водолив = коренной Бз.

Вить (муха воѣт) Ъ).

Выскать (или Выскадь?) — стгнившее дерево В. Бх.

Вѣстимо* (ѹму не —) Бз.

Вякать (кошка вичит) Ъ).

Г.

Глажй — морошка Брв.

Глушить рыбу Бз.

Глыза и глызка — груда, комъ земли Г. Рам.

Глызобойка — молотъ, которымъ разбиваютъ глызы Рам.

Голубица }
Гоноболь } родъ черники Брн.

Д.

Деряба — вздорливый, сварливый Брв. (Пр.).

Долонись — третьяго года Ч. у.

Дубѡм — вертикально Крц.

Дянки см. у Даля дѣянки Брв. Ст. р.

Ж.

Живушник — срубъ, служащій садкомъ для рыбы Ям.

Жито — ячмень В. у. Б. у.

З.

Заберѣг — прибрежная вода по льду III.

Забирщик — торговецъ, закупщикъ товару на мѣстѣ производ-
ства В. (Д.).

Закутать — завереть Бх. Ч. у. К. завертывать Брв. (Пр.).

Заплав см. у Даля за́плавъ Нд.

Зато́ни — лодки, слѣдующія за тонями Зв.

Зима́рь — самый холодный вѣтеръ К.

Знимать — унимать Брв. (Пр.).

Знойко — знойно Бз.

И.

Изневѣсть — печально В.

Изуфренно — превосходно II. в. (сбц.).

Истѣханный В. }
Истѣхонный В. } см. у Д. истоконный.

Источница — источникъ, ключъ В.

К.

Кавы — столбики, къ которымъ привязываются лодки Нд.

Ка́лика — брюква Бх.

Ка́рзин — подполье В. у. (Д.).

Кастить — пачкать, марать Бз.

Кеп }
Кепецъ } цѣпь Г.

? Кера — липкій, мокрый снѣгъ Бз. (сбщ.).

Кержанки (ложки —) — кленовыя ложки Бз.

Кій — большой деревянный молотъ Г. (П.).

Кіюра — молотокъ меньшаго размѣра (глызобойка) Г.

Клеч — родъ коромысла К. (сбщ.).

Кляч — обрубокъ дерева Кр.

Кóкила — крюкъ, поддерживающій потокъ (желобъ) Брв. (Пр.)

Колобъ — 1) непомазанная творогомъ ватрушка В., 2) выбойки изъ масла, — разведенные въ водѣ служатъ пойломъ для скота Бх.

Кокора — дерево съ корнемъ клюкою, съ колѣномъ (Даль) Бз.

Кокорка — ватрушка П.

Кошунникъ = забирщикъ В. (Д.).

Корѣжить — мять, ломать Э.

Костолон — сарафанъ съ косыми клиньями Бз. (сбщ.).

Коренной — работникъ на судахъ, тоже что водоливъ — отли-
вающій воду Бз.

Красная доска (у барки) Брв. см. у Даля.

Крылошане — духовенство Брв. Кр.

Кружалка — ватрушка Ив. Б.

Крянуться — тронуться, двинуться В.

Кувалда — большой желѣзный молотъ Г.

Кукка — пирожокъ изъ ржаной муки П.

Куриш — индюкъ У.¹⁾

Л.

Ладиться — собираться, намѣреваться Э.

Лекало — форма для литья колоколовъ В.

Лисица — исподняя жердь въ повозкѣ.

¹⁾ Мальчики, гонясь за индюкомъ, поютъ:

Куриш, Куриш не богат,
Нѣту каменныхъ палат,
Курица богаче.

Листопадѣина — осенняя лихорадка Г'.

Ловец — рыбак Г'.

Лойной дождь — проливной Брв.

Лучить рыбу см. у Даля. Пр.

Любовать — разсматривать В.

М.

Малѣнка — мѣра К.

Малехтенный В.

Малехотѣнный Брв. } очень маленькій.

Милян — любовникъ Брв. (Пр.), К.

Могилѣк — кошелекъ Бз. ¹⁾

Морѣные уголья — затушенные, а не залитые В. (Д.).

Мурать — дразнить Ив. Б. К.

Мутникъ — родъ невода Бз.

? Мыргас — самый мелкій дождь Ч. (сбщ.).

Мыт — поносъ Н. у.

Мягкая погода — дождливая погода Кор.

Мямліна — слабый, плохой лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ Брв.

Н.

Налить ягодъ корзину — наполнить ее ими Г.

Напольно, напольное мѣсто — ровное, безлѣсное Э.

Небесный цвѣт — сійій, голубой Зв.

Небозжики во рту не было — ни крошки Брв. (сбщ.).

Независтный — завидный Зал.

Некореный лѣс — неочищенный отъ коры К. в. (сообщ.).

Никим коушки — ровно никого В. ²⁾

О.

Обжарка — яичница съ запеченымъ хлѣбомъ Бз.

Обиходовать — умѣть управляться съ чѣмъ Брв. (Пр.).

¹⁾ Это слово почти вышло изъ употребленія; можно его слышать только отъ нѣкоторыхъ старухъ.

²⁾ Въ Бз.: никим ково

Обогнуться — укрыться одѣяломъ У. у. Ч. у.

Оководничать: что тебѣ не молчитъ? Зачала оководничать. Бз.

Окобрить } замерзнуть: руки окоркли В. (сбщ.).
Окоркнуть }

Окорить лѣсъ — очистить отъ коры К. в. (сбщ.).

Опакиш. См. у Даля. Нд.

Остречѣк — мелкая рыба изъ породы окуни Зв.

? Опоряк — поняль Г. (П.).

Остатній — послѣдній З. Мр.

Отурить барку Брв. см. у Даля.

Обрядиться — убраться съ домашней работой Брв. (Пр.).

Обузовать — обуздать Брв. (Пр.).

П.

Павозки — мелкія суда Брв.

Папопник — бѣлый хлѣбъ Брв.

Погоня — рыбацкія лодки, слѣдующія для лова за уносимымъ теченіемъ льдомъ Бз.

Погонялка — кнутъ Бз.

Подсѣки — вырубленный лѣсъ У. у. (сбщ.).

Полулodka — родъ судна Нд.

Помахивать — походить Г.

Порсок — мѣсто въ печи, куда загребаютъ уголья В. (Д.).

Посад — свадебный столъ (передъ вѣнцомъ), за которымъ никто ничего не ѣстъ Бз.

Правиться — оправдываться Бз.

Праздницкое — село, гдѣ храмовой праздникъ и самый день праздника П. у.

Прибатуривать — говорить побасенки, присказки З.

Прибатурочка — присказка Бз.

Привоза — рукоятъ цѣпа Г.

Присиживать вамъ! привѣтствіе сидящимъ Г.

Притка б ты взяла! В. (Д.).

Пришва — родъ прессы для капусты В. (Д.).

Пу́та см. у Даля — путе́ Г.

Прѣспу́нка — ватрушка Ив.

Р.

Рази́ть — та́нчить: рази́зь-рази́ль бревно́ не въ мого́ту стало́.

Брв. (Пр.). — (Не рубить ли?)

Райда́ — ива. П. в. (сбщ.).

Рё́кать (о сви́ньѣ) Бз. (сбщ.).

Рель́ — поёмный лу́гъ Нд.

Рё́лка — сѣно́косъ В. (Д.).

Рже́ва — собира́тельное отъ ро́жь Н. у. (Б.).

Ржи́ще — поле́, засѣ́янное ро́жью Г. (П.).

Ро́г, Ро́жок — отло́гий мы́сь В.

Рогу́лька — ватрушка Ив.

Роднё́ть — причита́ться къ кому́ въ родство́: онъ къ тебѣ́ дю́же
близко́ роднё́ть Брв. (Пр.).

Росту́риться — собра́ться съ средства́ми Брв. (сбщ.).

Рудовый́ лѣ́с — крѣ́пкій, краси́ый лѣ́съ, противоп. мя́млинѣ́ Брв.

Руси́ см. у Даля. К. Бз.

Рыба́к — продаве́ць рыбы Г.

Рю́хи см. у Даля. Нд.

С.

Самохо́тка — дѣ́вушка, спозна́вшаяся съ парне́мъ до вѣ́ща Ив.

Сги́бни — покло́ны во вре́мя стоя́нья Мари́и Египте́ской К.
(сбщ.).

Сдобля́ться — собира́ться К. Бз.

Сильно́ — хорошо́ Ив. (сбщ.).

Сла́з см. у Даля. В. Брв.

Слю́тить — соску́чить. Н. у. (мѣ́стами). В. у. (Д.).

Слебо́вать — лако́миться, пользо́ваться вели́каго рода удо́воль-
стві́ями: были́ отъ отца́ остави́лись деньжо́нки, да всѣ́ про-
слебо́вать. Брв. (Пр.).

Смы́кать пла́тье — нано́сить В.

Соло́тина — боло́тина — то́нкое мѣ́сто Брв. (Пр.).

Сопка — горка Н. у. Д. у. В. у.

Сопилка — нижеколённая часть ноги. Г.

Сороковать — толковать, разговаривать Брв. (Пр.).

Спорынья — прибыль, избытокъ: «Спорынья въ тѣстѣ!» — при-
вѣтствіе приготавливающимъ тѣсто. Отвѣтъ: «сто рублей въ
мошню!» или — «здоровье въ голову!». Брв. (Пр.).

Спрошенница — певѣста Бз.

Спытай — узнай Mr.

Стѣбистѣе — крѣпче, прочнѣе Бз.

Стойщик — содержатель станціи У. Ч.

Столѣчник см. у Даля. Брв. (Пр.).

Столечница см. у Даля. Брв. (Пр.).

Степенный житель — коренной, не пришлый П.

Стырь — колъ, вбиваемый въ кадку съ капустой Брв. (общ.).

Сука — поплавокъ при якорѣ Gr.

Сульчина — ржаной блингъ, намазанный молочной кашей съ ко-
ровымъ масломъ и свернутый колбасой В. у.

Супротивный пирог — блинчатый пирогъ Ив.

Сумачей — разнощикъ В. (Д.).

Сучья — вырубленный лѣсъ. Сомино Ч. у. (общ.).

Сухмень — мѣста — въ рѣкѣ или въ озерѣ — поросшія тре-
стою (глубиной нѣ нѣсколько аршинъ) Бх.

Сѣпнуха см. у Даля Нд.

Сяза см. у Даля шугъ. Бз.

Т.

Тайбола — лѣсъ К. в. (общ.).

Талое мясо — мягкое, пѣжкое П. у. (Б.).

Трунье — тряпотье — ветошь Бз.

Тягушка — обрубокъ дерева въ формѣ бутылки съ прорѣзомъ
на одной изъ широкихъ сторонъ. Тягушкой тянуть паром-
ный канатъ, на который она накладывается прорѣзомъ.

III. 1)

1) У Даля тягушки — теплыя рукавицы. Въ такомъ значеніи этого слова
я не слышалъ.

У.

Уключины см. у Даля. В.

Улямить } замазать что въ грязь Брв. (Пр.).
Улюхать }

Умоскотать — уторговать Брв. (Пр.).

Унижак см. у Даля униженка. Бз.

Унакать — 1) угодить: на него не упакаешь Д., 2) поспѣть: до дождика упѣкали Бх.

Упетлять — опутать, обвязать Рк.

Утильный — крошечный Брв. (сбщ.).

Ф.

Фатѣ см. у Даля. К. Бз.

Х.

Хворост — зажаренные на маслѣ завитки тѣста, пряженцы Ив. Б. ¹⁾.

Ханапыга } праздношатающійся Брв. (Пр.).
Хандрыга }

Хвостать — бить кнутомъ, прутомъ Бз.

Хлыщик — кнутъ Бз.

Ходовая вода — текучая Бз.

Ч.

Чардак — 1) этажъ Бз. 2) щели на льду Бѣлаго озера Бз. ²⁾.

Чвелочка — щелочка Ив. Б. ³⁾.

Чернолѣсье — лиственный лѣсъ Н. У. (Б.).

Череп (у барки) см. у Даля Брв.

Числяне — гости на свадьбѣ Брв. (сбщ.).

¹⁾ Въ П. и. роги (сбщ.).

²⁾ Ежегодно зимою на этомъ озерѣ съ трескомъ и гуломъ ледъ мѣстами раскалывается. Кажется, чардакомъ называются не только образующіяся послѣ того щели, трещины, но и промя ихъ образованія и процессъ его. Говорятъ: чардакъ прошелъ. И не могъ опредѣленно выяснитъ себѣ то понятіе, которое у жителей жителей соединяется съ этимъ словомъ.

³⁾ Сначала только рѣкъ.

Чиверить, чиврить — имѣть на тѣлѣ много струповъ Брв.
(Пр.) ¹⁾.

III.

Шабалá — голова гагары П. в. (сообщ.).

Шамга — толпа дѣтей Брв. (Пр.).

Шáвань — толпа дѣтей; бранное слово Брв. (Пр.).

Шавить — бредить П. в. (сбщ.).

Шанóра — мелкая гагара П. в. (сбщ.).

Я.

Яровище — поле, засѣянное овсомъ Г. (П.).

Къ этимъ новгородскимъ словамъ присоединяю еще три слышанныя мною въ другихъ мѣстностяхъ: Биржевой поѣздъ — курьерскій, скорый. Царское Село (отъ кондуктора). Конка — конно-железная дорога. Петербургъ. Пролёт — перегонъ поѣзда отъ станціи до станціи. Въ вагонѣ Минск.-Брестск. жел. дор.

2. Олонецкая губернія.

1.

Почти всѣ нижеприводимыя данныя языка Олонецкой губерніи сводятся къ немногимъ пунктамъ Каргопольскаго (по преимуществу) и Вытегорскаго (частію) уѣздовъ, именно къ слѣдующимъ:

Каргопольскаго уѣзда:

Каргополь

Есино.

Игнатьевская.

Лекима.

Ошмарино.

Шалга.

Шмаково.

Вытегорскаго уѣзда:

Вознесенскій посадъ.

Береговая.

Кузнецкая.

Чуриловскій посадъ.

Главною цѣлью моей поѣздки въ Олонецкую губернію былъ городъ Каргополь. На него было указано мнѣ Вторымъ Отдѣленіемъ, какъ на «пунктъ, богатый остатками народной старины въ преданіяхъ и языкѣ». Имѣя въ виду это указаніе, я оставался въ Каргополѣ довольно продолжительное время (съ 31 августа по 16 сентября).

Прекъвание мое въ Каргополѣ было не безплодно. Кромѣ отмѣтокъ по языку, сдѣланныхъ мною на основаніи обыденной живой рѣчи народа, мнѣ удалось собрать достаточно матеріала по части народной поэзіи. Значительная доля нижеприводимыхъ чертъ народнаго языка извлекается изъ записанныхъ мною въ Каргополѣ сказокъ. Приводимыми данными я не исчерпываю всего того, что дастъ прилагаемый матеріалъ. Ограничиваюсь немногими примѣрами.

Изъ того, что я могъ замѣтить и что сообщаю здѣсь, видно, что въ языкѣ Каргополя и его уѣзда немного такихъ чертъ, которыя можно считать важными остатками старины. Я не ошибусь даже, сказавъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новгородской губерніи народный языкъ носитъ на себѣ отпечатокъ болѣе древности.

Въ названныхъ выше пунктахъ вытегорскаго уѣзда я былъ только мимоѣздомъ (по дорогѣ изъ Бѣлозерска въ Каргополь и изъ Каргополя въ Вытегру и Вознесенскій посадъ). На сколько могъ замѣтить, въ говорѣ этого уѣзда сказываются тѣ же черты, что и въ каргопольскомъ.

Весьма вѣроятно, что долгіе и упорные поиски по олонецкой губерніи могли бы прибавить къ тѣмъ чертамъ языка ся, которыя намъ извѣстны, еще нѣкоторыя, и—быть можетъ—интересныя. Но объ языкѣ этого края и теперь — благодаря сборни-

камъ Барсова, Гильфердинга и Рыбникова, — мы знаемъ болѣе, чѣмъ о языкѣ какой либо другой мѣстности Россіи. Думая поэтому, что благоразумно будетъ сохранить время для наблюденій въ другихъ краяхъ области сѣвернаго нарѣчія, намъ менѣе извѣстныхъ, я, исполнивъ, на сколько могъ, порученіе Отдѣленія относительно Каргополя, снѣшилъ оставить Олонецкую губернію.

Переходъ *а* въ *о* замѣчается: окоянной и т. п., но рѣдко.

Обратнаго явленія вовсе не встрѣтилось мнѣ. На возможность его (конечно, какъ явленія спорадическаго) указываютъ случаи смѣны *е* на *я*: чая-(е)-м (см. прилагаемыя пѣсни), кучяр (сказка № 6, но *іѵ*. и кучер), головянка. (Шалга).

Не знаю, слѣдуетъ ли отнести сюда такіе случаи, какъ — злодѣйка, видяли.

Имянной, стремяно, — конечно, сюда не относятся: въ нихъ я фактъ позднѣйшаго словообразованія, фактъ неправильной народной этимологіи.

Не предполагаетъ *е* и то *я*, которое является въ словахъ — камяну (стѣну —), пѣтлями (с тремі —): весьма вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что *я* въ нихъ есть непосредственная замѣна *а*.

И въ *е* переходитъ рѣдко: девизія, некак нѣтъ, чье-(и), к невѣстену. Такихъ случаевъ, какъ — пер (= пир) и под., находящихся въ Онежскихъ былинахъ¹⁾, мнѣ не встрѣтилось вовсе.

Формы — ходѣ(с)ли, говорѣ(с)ли (Вознесенскій посадъ и Карг. у.), — быть можетъ, фактъ фонетики, а быть можетъ — и словообразованія.

Чаще слышится *и* вмѣсто *е*: знаит, скушаит, с рибятами. И

¹⁾ Матеріалы для характеристики сѣверно-великорусскаго или окающаго нарѣчія. Стр. 10 — 11.

такихъ случаевъ, впрочемъ, немного. Гласные звуки въ олопецкихъ говорахъ, какъ и въ новгородскихъ (и какъ-вѣроятно вообще въ сѣверномъ нарѣчьи), являются довольно устойчивыми.

И вм. *ь* встрѣчается, но лишь спорадически; рѣдко въ корняхъ, чаще въ тематическомъ *ь* глаголовъ: одіало, одіться, діется, ричь, не смію, свитаест, дитей, линив, облетить и т. и.

Е въ *ё* переходитъ въ *тѣхъ* же случаяхъ, что и въ новгородской губ.: ёво, колёдовщик, царёвна (Чур. п.), денёжка, шёлк, утиральницёк, платьё; калёну стрѣлу; будёш, настигаёт, ступаёт, накладываёт и т. и.

Къ словамъ съ кореннымъ *ё* вм. *е*, означеннымъ въ 1 отчетѣ, можно добавить: тѣсак, пѣбо.

Случай смѣны *о* на *у* я слышатъ въ одномъ только мѣстѣ (Лекима), отъ одного только лица и въ одномъ только словѣ: нуді (пойди), пудь (пойдь, подь).

Ой, ей вм. *ый, йй* являются постоянно, хотя и не всегда; *о, е* звучать въ этихъ формахъ отчетливо.

На мѣстѣ древняго глухаго *ь* слышится изрѣдка (въ Шалгѣ) гласный чистый тамъ, гдѣ обыкновенно слѣдъ этого *ь* замѣчается лишь на мягкости предъидущаго ему согласнаго звука: межу лошадами (между лошадами), рѣдеки (рѣдки).

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ *е* произносится ясно, во второмъ оно едва слышимо, являясь краткимъ, какъ бы глухимъ звукомъ. Лицо, употребившее (дважды) форму — рѣдеки, при переспросѣ сказало уже-рѣдки.

Очень важна и интересна эта звуковая форма, напоминающая нѣкоторыя данныя сборника Гильфердинга, но явно не подходящая подъ то объясненіе, которое можно приложить къ этимъ послѣднимъ¹⁾.

Къ сожалѣнію, она стоитъ для меня одиночнымъ фактомъ.

¹⁾ Матеріалъ и пр. стр. 18 — 19.

Удерживаюсь пока отъ всякихъ заключеній о ней. Считаю однако возможнымъ, что аналогичные съ даннымъ случаи еще встрѣтятся мнѣ гдѣ либо въ области сѣвернаго нарѣчія.

Измѣненіе *а* (*я*) въ *е*, — явленіе такъ называемаго нерегла-сованія, — встрѣчается очень часто. Въ замѣченныхъ мною при-мѣрахъ оно совершилось послѣ звуковъ:

й: остое(*я*)тсья (Шалга), единъ едново (*ib.*), ёднево (Чур. пос.)

и: повѣнце(*я*)лись (Шалга, но *ib.*: повѣнцѣли), запечелитсе *ib.*

з: зеть (зять), взе(*я*)ли *ib.*

и: исполнеть (— ять), минеть, понеть *ib.* едново Чур. пос.

р: гре(*я*)зь *ib.*

л: легем (лягем, ляжем) Чур. нос.

т: перекресте(*я*)сь, натегивает *ib.*

и: чешша Чур. нос.

Придыхательными звуками при гласныхъ являются и *е*: выюн-ный; и *и*: Егорьгій.

Слѣдъ древняго смягченія гортанныхъ замѣтилъ я лишь въ одномъ словѣ: лузя.

Въ спряженіи глаголовъ, тема которыхъ (= корню) окан-чивается на *и*, звукъ этотъ остается въ 3 л. ед. ч. несмягченнымъ: стерегет.

Обратное явленіе — смягченіе *и* тамъ, гдѣ его не должно бы быть, въ глаголахъ этой категоріи: могутъ, — не относится, я думаю, къ области фонетики: *ж* въ этомъ случаѣ вызывается, вѣроятно, аналогіей съ другими лицами: можешъ и пр.

Конечное *и* мѣстами (Шалга) звучитъ почти какъ *к*: рок(*г*)
Конечные губные мягки: кровь, рубь, корабь.

Ч ить *и* нидѣ не слыхатъ *и*; но обратное явленіе, за исклю-чениемъ г. Каргополя, слышится во всѣхъ вышеназванныхъ мѣстностяхъ: (калац(*ч*)а).

Ц — мягко (хотя и не всегда — см. приложенія), но не въ такой степени, какъ мѣстами въ новгородской губ. Тамъ мягкость *и* приближаетъ его къ *ч*, здѣсь оно отчетливо слышно. Кажется, оно въ олонекской губ. на пути къ отвердѣнію. Сочетаніе *ци* слы-

шится очень рѣдко: попинить (Шалга), купци (ib.), но—сестрицы, пьяницы и т. п. (ib.); *иц*, *иц* встрѣчаются гораздо чаще: дворцю (Чур. пос.), лица, дѣвица, купцю и т. п. (Шалга). Сочетанія *иц* не слыхалъ я, но *иц* встрѣчается изрѣдка: колаца (ib.), сейчас (Кузнец). *Ц* передъ согласными и въ концѣ словъ иногда мягко, иногда твердо: собацка, клиц.

С передъ суффиксомъ прилагательныхъ *ск* (ьск) мягко: русьской, но на звукахъ *н* и *р*, предшествующихъ этому суффиксу, слѣдъ древняго *ь* уже ничѣмъ не сказывается: царской, девьенской: *н* и *р* — тверды.

Случаевъ смѣшенія согласныхъ звуковъ въ олонекской губ. много¹⁾.

Изъ замѣченныхъ мною упомяну о слѣдующихъ:

ф вм. *х*: куфарка (Берегов.).

д вм. *т*: д(т)ак.

к вм. *в* (только въ словѣ): кук(в)шинъ.

р вм. *в* (только въ словахъ): скр(в)озь р(в)и(ѣ)ки.

Твердость нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ вмѣсто обычной ихъ мягкости и наоборотъ, такъ нерѣдко встрѣчаемая въ новгородской губ., замѣчается и здѣсь: нижней (нижній), больнѣй (больной); во снахъ (во снахъ); сгоря(а)етъ; перьвый; шкатулька. Карг., Шалга.

Выпаденіе согласныхъ звуковъ замѣчается въ слѣдующихъ случаяхъ:

п отпадаетъ передъ *т* въ началѣ слова: (п)таика, (п)таица; *б* выпадаетъ передъ *м*: о(б)манулъ;

т — передъ *п*, *с*, *д* и *н*: о(т)пусти, о(т)стегнул, о(т)дай, сгло(т)нул (*и* передъ *н* глагольнаго слога *ну* остается: остегнул, розднн(н)ули).

Конечное *т*, слѣдующее за *с*, опускается, какъ и въ новгородской губ. мѣстами: кос(т)ь, цес(т)ь.

Форма — оче вм. очче — представляетъ, я думаю, не просто

¹⁾ Матеріалъ и пр. Стр. 29 -- 83.

выпаденіе *т*, а указываетъ на мягкость его въ этомъ словѣ (отъче), въ силу которой оно ассимилировалось съ *ч*¹⁾.

Постановка удареній въ Каргопольскомъ краѣ представляетъ нѣкоторыя особенности. Привожу рядъ примѣровъ.

а) Существительныя имена:

улицá. Каргоп.
дѣвóчка ів.
шахмáтнїца Шалга
чáщá Чур. пос.
с тремí пѣгáмн
пз дверí в дверí
карáндшн ів. и Чур. пос.
дрóва Карг.
туловá
с берегá
соколá (род. п.)
змѣ́я (род. п.) Игнаш. дер.
сахарóм. Карг. (въ пѣснѣ).

б) Прилагательныя имена:

пѣшóй
усталóй
колькóй час. Карг.
хорóнна
дрúгoе слово

¹⁾ О другихъ, здѣсь не упоминаемыхъ, явленіяхъ, въ области какъ согласныхъ, такъ и гласныхъ звуковъ, легко составите понятіе по прилагаемымъ даннымъ народнаго творчества.

ѣдин еднѣво

ѣднево Чур. пос.

в) Глаголы:

пойдетѣ Карг.

выдаи(ѣ)м іѣ. (въ пѣснѣ)

ѣдитѣ

явитѣсь

изловиш

завил

сикци.

г) Неизмѣняемыя части рѣчи:

заутра

ѡпасно Карг.

Въ формахъ особенностей немного. Можно отмѣтить слѣдующія.

Въ именахъ на *а* въ дат. п. ед. числа употребляется форма родительнаго: к воеводы, но и — к воеводѣ.

Въ твор. мн. числа сущ. ж. р. вмѣсто окончанія *ами* иногда *ми*: палицми.

Случаевъ смѣшенія дат. мн. чис. съ творительнымъ мнѣ не встрѣтилось.

Нѣкоторыя имена темы на *и* и согласной темы склоняются по темѣ на *а*: в грязѣ, в банѣ, во ржѣ; стремяна (род. п.).

Йотъ именительнаго падежа собирательныхъ на *ья* сохраняется во всѣхъ падежахъ косвенныхъ, не исключая родительнаго: братьей.

Удлиненныхъ формъ прилагательныхъ именъ, такъ часто встрѣчающихся въ былинахъ, въ обыденной рѣчи народа не встрѣчается.

Въ измѣненіи мѣстоименія личнаго 3 лица женс. рода замѣ-

чается употребленіе формы дат. п. вмѣсто винительнаго и твор. вм. родит.: схватил ей, вывел ей, но — увидал ее; за бѣлые руки ее взял, в сахарны уста цѣловал ей; снял с нею шеи..

Послѣдняя форма для меня непонятна; что касается до *ей* вм. *ее*, то, кажется, здѣсь фонетическое, а не формальное явленіе.

На ряду съ формами *ее* и *ей* употребляется мѣстами въ Каргопольскомъ уѣздѣ и древняя форма *ю*¹⁾.

Особенности словообразованія сводятся къ слѣдующимъ немногимъ чертамъ.

Нѣкоторыя имена употребляются въ первообразной, или относительно первообразной формѣ, сравнительно съ формами общеупотребительными:

пяла — пяльцы,

крѣпь — крѣпость.

тулова — туловища,

лягуха — лягушка,

улка — улица.

Сравнительная степень прилагательныхъ изрѣдка встрѣчается съ окончаніемъ на *яе*: поскоряе.

Въ глаголахъ замѣчается нерѣдко измѣненіе темы:

ъ на *ну*: виснит — висит;

и на *ъ*: ходѣли, говорѣли²⁾;

и на *а*: увидаси — увидиши;

и на *оо* — *а*: запечаливался — запечалился.

¹⁾ Сообщаю это со словъ нижеупоминаемаго дважды протоіерея Попова, лица, стоящаго полного довѣрія. Самъ я формы *ю* въ живой рѣчи ни разу не слышалъ. По увѣренію того же г. Попова, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каргопольскаго уѣзда есть и другой замѣчательный архаизмъ: форма *да(с)т* употребляется въ значеніи наст. времени.

²⁾ Ср. сказанное объ этихъ формахъ выше.

а на и: погонилися — погналися, постуц(ч)ился — постучался¹⁾.

Образованіе формъ — заблудявши, ходявши *вм.* заблудивши, ходивши — для меня не ясно: въ неопр. наклоненіи глаголовъ, отъ которыхъ произведены эти формы, сохраняются *и:* заблудить, ходить.

Для выраженія повторяемости и многократности дѣйствія или возвышается коренной гласный звукъ: я не бира́л (Игнаш. дер.); или тема глаголовъ, оканчивающаяся на гласный звукъ, расширяется слогомъ *ев:* не продае́вали. (Чурил. нос.²⁾.

Вмѣсто *чи* встрѣчается въ неопр. накл. болѣе древняя форма на *ци* (*чи*), при чемъ однако не органически восстанавливается коренной горла́нный звукъ: сикци.

Нарѣчіе хорошо, хорошенько, слы́шалъ я (между Вознесенскимъ посадомъ и Вытегрой) въ формѣ — хороше́нѣ.

Мѣстный синтаксисъ представляетъ нѣсколько стоящихъ вниманія особенностей.

Въ живо́й рѣчи Каргопольцевъ очень часто можно слышать оборотъ рѣчи, въ которомъ сказуемое вмѣсто дѣйствительнаго залога ставится въ страдательномъ: доуче́нсь до того, что... *вм.* (мы, вы, они) доу́чились до того, что....

У нас потру́женсь было *вм.* мы потру́дились.

Изъ прилагаемаго матеріала можно по части синтаксиса извлечь слѣдующія данныя.

При неопр. накл. глаголовъ существ. женск. рода ставится, какъ и въ новгородскихъ говорахъ, въ формѣ именительнаго над. *вм.* *вишит.*:

Пужно взять негодная скотинная кос(т)ь...

¹⁾ Употребленіемъ инаше выраженіемъ — *измѣненіе* глагольной темы я не хочу сказать, что приведенныя формы предполагаютъ общеупотребительныя: онѣ могли существовать искони на ряду съ послѣдними.

²⁾ Ср. съ этимъ аналогичные примѣры, представляемые Онеж. был. Г—га.

Не нужна солдата служба исполненная, а нужна солдата жена в замуж взять.

Часто дѣспричастіе замѣняетъ въ сказуемомъ глагольную форму прош. вр. на лѣ:

...и навши лебедь в камыш траву... Царь уѣхал и заложивши он свое зало...

Через трой сутки родивши она сына... Павши Михайло царевич въ колодезь, у него приросли руки...

Там дѣцкіе игрушки на столѣ стоявши...

Царь Каприк пришедши въ преклонныя лѣта¹⁾...

Управленіе нѣкоторыхъ глаголовъ и предлоговъ разнится отъ общеупотребительнаго.

Глаголъ *стоять* употребляется (въ Каргополѣ) въ значеніи дѣйствительнаго въ выраженіи — стоять станцію, т. е. держать станцію²⁾.

При глаголѣ *жертвовать* ставится винит. пад.:

Царь их жертвовал.

При глаголѣ *показать* — родительный вм. вин.:

Покажи своей молодой.

Выучить не чему, а *во что*.

Выучил ево в полную грамоту.

Вм. дательнаго — винительный при предлогѣ *по* въ выраженіи: по усы текло.

Предлогъ *на* замѣненъ *в(ъ)* въ выраженіи: снесли в рынок.

Межу требуетъ иногда предложнаго вм. родит.:

Межу трех верстах они разѣхались.

Мимо и *омѣстѣ* постоянно требуютъ винит. пад.:

Ходит мимо лѣтней сад царской. Возлѣ дорогу...

¹⁾ Приведенные примѣры относятся къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ. Въ живой рѣчи этой особенности я однако ни разу не встрѣтилъ.

²⁾ Содержатель станціи — *стойщик*, какъ и въ новгородской губерніи.

Значительная доля заключающихся въ прилагаемомъ спискѣ мѣстныхъ словъ сообщена мнѣ смотрителемъ Каргопольскаго духовнаго училища протоіереемъ Александромъ Ивановичемъ Поновымъ. Живое участіе принятое этимъ почтеннымъ лицомъ въ моемъ дѣлѣ вызываетъ меня на заявленіе ему здѣсь искренней моею признательности.

Слова, мѣсто употребленія которыхъ не обозначено, относятся къ г. Каргополю, или Каргопольскому уѣзду¹⁾.

В.

Бабье ухо — уродливый грибъ.

Болѣмога — по силѣ — возможности.

Буево — не только пустырь (какъ у Даля), но и площадь.

Буйло — бревна, сдерживающія движенія пловучаго моста.

Бычек — корзина съ двумя ушками.

В.

Винокосина — притча, случай.

Вираз — остатокъ отъ пола.

Виранда — лгунъ.

Вырядить (изъ сѣдла) — выбить (изъ сѣдла).

Д.

Дождить — идти дождю.

Докука — потребность.

Ж.

Жарѣтка — см. у Даля: жаратокъ.

¹⁾ Всѣ вышеприведенные въ текстѣ отчета примѣры особенностей языка, не сопровождающіеся отмѣткой о мѣстѣ употребленія ихъ, заимствованы изъ прилагаемыхъ данныхъ народной поэзи.

З.

Запомшиться — попритчиться.

Застой }
Забѣги } пристанища для судовъ въ заливахъ Онежскаго озера.

Знаток — колдун.

И.

Иверень — кусочек.

Изнимок — бранное слово.

К.

Калѣтка — род ватрушки.

Капустник — огородъ.

Кеш — пойло для лошадей: из овсяной муки разболтанной водою.

Клин: посадить подъ клин — взять въ полицію.

Козни — бабки.

Кокач — пирог из ржаного кислаго тѣста (Олон. у.).

Котач — род шила; употребляется при работѣ лаптей.

Колотливый = поколотка.

Кормыхаться — пробавляться.

Кус: пойти по кус — побираться.

Курьма — вѣрша.

Л.

Ламан — бранное слово: ламан тя возьми!

Лаять — бранить.

Лепак — кусок, лоскут.

Либивый — изнуренный¹⁾ Петроз. у.

Линуть: дождь линул.

Липки — блестки, нашиваемыя, для украшенія, на полотенца, приготавливаемыя въ Чурил. посадѣ.

Лобоз — помост межъ деревьями, въ лѣсу (шириною пол сажени, длиною сажень): съ него стрѣляютъ в медвѣдей.

¹⁾ У Даля съ вопросомъ сомнѣнія.

Ложить — наровить, отыскивать удобнаго случая.

Льдистан рѣка — рѣка съ крѣпкимъ льдомъ ¹⁾

Лѣнгарь — лѣнивецъ.

М.

Малег. см. у Даля: мѣлега.

Мелуз см. у Даля.

Моль — мелкая рыба.

Море — не только то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ словомъ, т. е. большая масса соленой воды, но и такая же масса прѣсной воды: былъ в морѣ, пошелъ в море, говорятъ о плавающихъ или плававшихъ на Онежскому озеру. Взн. п. ²⁾

Н.

Налобник — см. у Даля.

?Настольник — простыня.

Нерест — время, когда рыба мечет икру.

Нереститься (о рыбѣ) — выпускать икру.

Новины — новый хлѣбъ на подсѣкахъ.

О.

Оклитян — скупецъ

Обмалахтаться — обдѣлать дѣло, покончить с нимъ.

Отпуски — длинныя веревки, к которымъ прикрѣпляются крючки для ловли рыбы.

П.

Панья — дама (в картахъ)

Пеледь см. у Даля.

Пѣринова — тоже, по берегамъ Онежскаго озера, что в Бѣлозерскѣ чердакъ.

¹⁾ О рѣкѣ Онегѣ мнѣ говорилъ одинъ Каргополь, что она не льдистанъ, въ томъ смыслѣ, что ледъ ея не глубокъ, не крѣпокъ, легко растаиваетъ.

²⁾ Мысль о такомъ значеніи слова море въ древне-русскомъ высказана была, помнится мнѣ, г. Потебнинымъ, на основаніи памятниковъ (если не ошибаюсь, — въ статьѣ «о долѣ и сродныхъ съ нею существахъ»).

Плѣсо — глубокое мѣсто в рѣкѣ между двух порогов.

Пѣрка — см. у Даля.

Площадка — кресало, огниво. Чур. пос.

Пожинахи — сельскій праздник по окончаніи жатвы.

Поколотка — сварливый человѣкъ.

Пониток см. у Даля.

Пононаче — получше.

Почѣнка — ручка из *вицы* (тойкаго прутья) у бурака (род корзины).

Поч(ц)инить — поправить, вылѣчить (см. приложенные сказки).

Потеси см. у Даля.

Просиво: пойти в просиво—пойти побираться, нищенствовать.

Простни — натеки.

Прикобенить (на силу прикобенил) — убѣдить, уговорить.

Пячига — гной в глазах.

Р.

?Ряис — рваная одежда.

С.

Сгибни — створцы, створчатые образа.

Склѣмы — сплетни.

Собинка — ласкательное слово.

Сорога — см. у Даля.

Сопля (о штанах) см. у Даля.

Спольё — пространство между жилыми мѣстами и кладбищем.

Т.

Тяпша — грязное, тонкое мѣсто.

Тетюньки — игрушки (см. прилагаемыя сказки)

У.

Утробистый см. у Даля.

Ухтей — напрасно, даром: ухтей работать не станем.

Ф.

Фрянка — распутная женщина.

Фіюс см. у Даля.

Х.

Хряночник — бранное слово.

Ц.

Цямка — связь колеса.

Ч.

Челядь (о насѣкомых: сколько челяди на лошадь насѣло!).

?Чика — двоюродная сестра. Вытег. у.

Чупа — неряха.

Ш.

Шáлги — палки, замѣняющія веревки на качелях.

Шóга — полевой шалаш из вѣтвей.

Шóльга — прибрежная трава въ рѣкѣ.

Щ.

Щекатый см. у Даля.

Щипанцы — пирожки изъ ржаного прѣснаго тѣста.

Изъ словъ, тождественныхъ по значенію съ находящимися въ Толковомъ словарѣ Даля, помѣщены здѣсь тѣ, которые отнесены имъ только къ югу или западу Россіи, и тѣ, мѣсто употребленія которыхъ у него вовсе не обозначено.

3. Вятскій край.

Вятскій край и вятская губернія — понятія далеко не совпадающія. Въ тѣсномъ смыслѣ слова, подъ вятскимъ краемъ я разумѣю только ту часть вятской губерніи, нѣ которой говоръ населенія представляетъ нѣкоторыя специально ему свойственныя особенности. Этотъ край составляютъ слѣдующіе уѣзды: полипскій, вятскій, орловскій, котельничскій и — частію — слободской. Первые четыре заселены почти исключительно русскими; въ слободскомъ около половины всего числа населенія составляютъ инородцы. Также велико число инородцевъ въ уѣздахъ малмыжскомъ и елабужскомъ; въ сарапульскомъ русскіе составляютъ $\frac{2}{3}$ населенія, а въ глазовскомъ, по преимуществу инородческомъ, вотяцкомъ, даже менѣе половины.

Процентъ инородцевъ въ уѣздахъ уржумскомъ и иранскомъ не великъ, но русскіе жители того и другаго своего рѣчью почти не отличаются отъ жителей смежной съ вятскою казанской губерніи и слѣдовательно, въ племенномъ отношеніи, по всей вѣроятности не представляютъ тождества съ Вятчапами собственно. Тоже слѣдуетъ сказать и о русскомъ населеніи малмыжскаго, сарапульскаго и елабужскаго уѣздовъ. О глазовскомъ русскомъ населеніи не имѣю свѣдѣній. О сарапульскомъ и елабужскомъ уѣздахъ говорю на основаніи сообщеній. Все, что сказано выше и будетъ приведено ниже объ остальныхъ восьми уѣздахъ, основано на непосредственныхъ, личныхъ наблюденіяхъ.

Указавъ, въ какихъ уѣздахъ говорятъ такъ называемымъ вятскимъ нарѣчіемъ, я не могу опредѣлить точно естественныхъ границъ его на сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Съ южной стороны предѣломъ его служитъ теченіе Пижмы и Вятки, отъ устья Пижмы до устья Вои. Главнымъ центромъ вятскаго нарѣчія слѣдуетъ признать нынѣшній вятскій уѣздъ и небольшую прилегающую къ нему часть слободскаго. Такъ и должно быть по

ходу заселенія края. На югъ отъ Вятки (города) до Вои говоръ въ сущности тотъ же, что и на сѣверѣ отъ нея. Теченіе р. Вятки отъ устья Вои къ югу (урижумскій и малмыжскій уѣзды) не разграничиваетъ говоровъ. Не знаю, такъ ли къ сѣверу, отъ устья Пижмы до устья Моломы и по берегамъ послѣдней. Знать это было бы важно: извѣстно, что Котельничъ (по народному — *Котельница*) основанъ хотя почти и одновременно съ Хлыновымъ, но не той ватагой переселенцевъ, которая заложила послѣдній. По преданію та и другая ватага была по племени Новгородская¹⁾ Новгородцамъ же приписываютъ основаніе Орлова²⁾. Племенное тожество жителей этихъ трехъ городовъ, засвидѣтельствованное преданіемъ, подтверждается ли тожествомъ языка ихъ?

Застигнутый въ моихъ странствованіяхъ по вятской губерніи весеннею распутицею, сдѣлавшей проселочныя дороги совершенно не проѣздными, я не могъ сдѣлать обстоятельныхъ наблюдений надъ языкомъ жителей орловскаго и котельничскаго уѣздовъ. Я проѣхалъ спѣшно, по большому тракту, не значительную часть перваго и отъ Моломы до Пижмы второй. То, что я могъ замѣтить по пути, даетъ мнѣ основаніе орловцевъ и котельничанъ отнести къ вятчанамъ, но невольная поверхностность моихъ наблюдений въ двухъ уѣздахъ, о которыхъ говорю, препятствуетъ мнѣ сказать съ рѣшительностью, что орловцы и котельничане ничѣмъ существенно не разнятся другъ отъ друга и отъ жителей другихъ уѣздовъ, составляющихъ собственно вятскій край. Какъ бы то ни было, но представленное выше общее раздѣленіе русскаго населенія вятской губерніи на двѣ группы — вѣрно. Если, быть можетъ, орловецъ и котельничанинъ чѣмъ и отличаются отъ вятчанина и нолинца, то несомнѣнно, что каждый изъ нихъ рѣзко и опредѣленно, однѣми и тѣми же чертами, отличается отъ уржумца, малмыжца, яранца и т. д.

¹⁾ Повѣсть о градѣ Вяткѣ. — Исторія Вятки Вештомова. Казанскій Вѣстникъ 1824 — 26 гг. — Исторія Вятскаго края Васильева и Бехтерева.

²⁾ Памятная книжка Вятской губ. 1873 г.

Въ вятскую губернію я вѣхалъ изъ казанской и въ казанскую возвратился изъ нея. Знакомство мое съ вятчанами я началъ съ малмыжскаго уѣзда и закончилъ яранскимъ. Около 1000 верстъ проѣхалъ я по вятской губерніи. Путь мой образуетъ огромный уголь, вершина котораго на сѣверѣ въ Слободскомъ, а концы сторонъ въ пограничныхъ съ казанскою губерніей селахъ и деревняхъ уѣздовъ малмыжскаго и яранскаго. За исключеніемъ весьма немногихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ нѣкоторыми лицами, всѣ остальные нижеприводимыя данныя добыты моими личными наблюденіями. Хотя, вѣзжая въ вятскую губернію, я и имѣлъ очень уважительное основаніе разсчитывать, что найду въ ней нѣсколько подготовленную для себя почву, но разсчетъ оказался невѣрнымъ. Наибольшее число наблюденій сдѣлано мною въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ. Предпосылаю сообщенію данныхъ перечень тѣхъ мѣстностей, къ которымъ онѣ относятся:

М. у: Малмыжскій уѣздъ:

Рж: Рожекъ.

У. у: Уржумскій уѣздъ:

Б. Р: Большой рой

Птр: Петровское

Н. у: Нолинскій уѣздъ:

Мл: Мальшево

Ож: Ожоговское

Взн: Вознесенское

Юн: Юнга

Зил: Запольское

Еп: Елихова

Обх: Обуховщина

Сух: Сухарева

Сп: Сунское

Двр: Дворищенская

Врх: Верхнесунское

В. у: Вятскій уѣздъ:

В: Вятка

Шв: Швецова

Чц: Чепца

Баб: Бабино

Пр: Першина

Бс: Басаргина

Бх: Бахта

Шх: Шиховская

Кст: Кстинская

Кум: Куминское

Влч: Волчестройцкая

С. у: Слободской уѣздъ:

Сл: Слободской

Дм: Демьянка

Сп: Спасское

Ал: Алферово

Лз: Лузская

О. у: Орловскій уѣздъ:

Ор: Орловъ

К. у: Котельничской уѣздъ:

Кч. Котельничъ

Ос: Осикина

Жр: Жареныхъ

Зц: Зайцева

Пж: Пижемская

Яр. у: Яранскій уѣздъ:

Кж: Кужа

Щ: Щеглова

Мр: Маркова

Выше употреблено не разъ выраженіе — вятское *нарѣчіе*. Конечно, это не точно: рѣчь вятчанъ не на столько обособлена, чтобъ имѣть право назваться нарѣчіемъ. Она не больше какъ *говоръ*. Но если говоръ, то *какого* нарѣчія?

Этотъ вопросъ кажется не возбуждаетъ спора. Сколько мнѣ извѣстно, всѣ признають вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцевъ.

Такъ ли это? Вѣрно ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?

Нижеприведенныя данныя языка жителей вятской губерніи могутъ, я думаю, при сравненіи ихъ съ тѣми данными, которыя я сообщилъ въ первомъ моемъ отчетѣ, послужить, до нѣкоторой степени, къ рѣшенію этого вопроса. Частностямъ моихъ настоящихъ замѣтокъ я считаю однако не лишнимъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о населеніи вятскаго края и о языкѣ его.

Раньше чѣмъ было обращено вниманіе на послѣдній, составилось и окрѣпло мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ. Оно основалось на свидѣтельствѣ Хлыновскаго лѣтописца. Древнѣйшія лѣтописи (не только лаврентьевская и ипатьевская, но и новгородская) ничего не говорятъ объ основаніи Хлынова и объ заселеніи вятскаго края. Хлыновскій лѣтописецъ, поздній по времени составленія и содержащій въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность сказаннаго преданія. Въ виду этого нѣкоторые историки (см. напр. Бестужева-Рюмина Русскую Исторію т. I, с. 385) указываютъ на черты языка и характеръ вятскихъ построекъ какъ на вѣское подтвержденіе преданія о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ.

Данныя языка представляются здѣсь на общее обсужденіе для возможныхъ заключеній. Нѣкоторыя замѣчанія о немъ предложу ниже. Что касается до построекъ, то — на сколько могу судить — онѣ далеко не тождественны по характеру съ новгородскими. Не говоря уже о томъ, что въ вятскомъ краѣ нигдѣ не

видно того стремленія къ украшенію жилищъ (снаружи), которое такъ часто бросается въ глаза въ новгородскихъ селахъ, указывая на эстетическія потребности населенія, — домъ крестьянъ вятской губерніи ничѣмъ, на мой взглядъ, не отличаются отъ тѣхъ, которые можно наблюдать хотя бы напр. въ казанской губерніи.

Мнѣ кажется, что весьма существенною чертою новгородской постройки слѣдуетъ признать то, что отъ крыши избы всегда почти идетъ откосъ, прикрывающій ходъ въ избу и часть надворнаго строенія. Такихъ откосовъ я не встрѣчалъ въ извѣстныхъ мнѣ селахъ и деревняхъ вятской губерніи¹⁾.

Впрочемъ сходство или несходство постройки еще не есть важный доводъ въ пользу мысли объ этнографическомъ тождествѣ или таковой разности населенія двухъ отдаленныхъ одна отъ другой областей. Черты языка въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе, но думаю, что и онѣ еще не рѣшаютъ вопроса окончательно.

Мы знаемъ особенности древняго новгородскаго нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языкѣ многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова и болѣе древней. Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородскаго нарѣчія было въ такой же мѣрѣ свойственно и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Такъ смѣну *и* на *и* и обратно мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ.

Изъ племенъ, перечисляемыхъ Несторомъ, къ концу XII ст. (времени основанія Хлынова) кажется этнографически сохранилось лишь одно — вятское. Мысль Надеждина о томъ, что это племя инородческое²⁾, едва ли кто теперь признаетъ состоятель-

¹⁾ Говорили мнѣ однако въ вятской губ. нѣкоторые лица, что прежде, при большомъ количествѣ лѣсовъ, тамъ строились избы съ откосами.

²⁾ Надеждинъ. Опытъ исторической географіи русскаго міра. Б. для Чт. 1837 г. XXII. 60.

ною: нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать славянство Вятичей и даже то родство ихъ (вмѣстѣ съ Радимичами) съ Ляхами, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Не знаю, высказывалъ ли кто и когда мысль о томъ, что вятичи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но — напротивъ — я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣтъ возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть.

Конечно, дѣлаетъ честь нашимъ изслѣдователямъ, что ихъ не соблазнило сходство именъ *Вятичи* и *Вятчане*. Но, съ другой стороны, не тоже ли звуковое сходство заставляетъ въ имени Вятчанъ видѣть Вотяковъ? Народъ, жившій въ нынѣшней вятской губерніи по обоимъ берегамъ главной рѣки ея русскіе переселенцы, измѣняя его народное имя От—Ут., назвали сперва Вотами, потомъ Вотяками ¹⁾. Край, населенный Вотяками, естественно было имъ назвать вотскимъ краемъ. Но какъ изъ *вотскій* сдѣлалось *вятской*. Измѣненіе *вот* на *вят* по звуковымъ законамъ невоозможно. Правда, при видоизмѣненіи чужихъ словъ далеко не всегда соблюдаются дѣйствующие въ языкѣ законы. Звуки даннаго иноземнаго слова измѣняются иногда не органически, такъ какъ слово неизвѣстное ассимилируется извѣстнымъ, припоравливается въ звуковомъ отношеніи къ нему. Не потому напр. изъ слова *магадеург* вышло *міродѣръ*, что *а* въ русскомъ языкѣ можетъ измѣниться на *и* (этого, какъ извѣстно, не бываетъ), а потому лишь, что слово *міродѣръ* созвучно съ словомъ *мародѣръ*, и послѣднее, какъ непонятное, чужое, *замѣнено* первымъ — понятнымъ, своимъ. Но имя *вятскій* (край) не могло быть для новгородскихъ выселенцевъ понятнѣй имени *вотскій*. Со стороны же звуковой послѣднее слово не могло, конечно, затруднять пересе-

¹⁾ Островскій. Вотяки Казанской губ. Казань. 1873 г. (Приложеніе къ Трудамъ Общ. Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ, т. IV. № 1. Стр. 5. Пр. 2.)

ленцевъ: была же у нихъ *вотская* пяттина. Вятчане могли получить свое имя отъ рѣки Вятки. Но какъ же объяснить названіе послѣдней? Въ имени ея видятъ указаніе на то, что на берегамъ ея жили Вотяки, и думаютъ, что она первоначально называлась не *Вятка*, а *Вотка* ¹⁾. Но изъ Вотка также невозможна Вятка, какъ изъ Вотскій—Вятскій.

Съ другой стороны нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятичи, есть селенія Вятское, Вятчина ²⁾. Едва ли кто станетъ и эти названія производить отъ имени Вот, Вотякъ. И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, на столько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи калужская и вятская.

Нисколько не отрицая возможности участія Новгородцевъ въ завоеваніи и заселеніи вятскаго края, я не вижу почему бы не признать, что то и другое совершилось при значительномъ количественномъ движеніи Вятичей на сѣверъ. На возможность такого движенія указываетъ уже то обстоятельство, что этому племени всего легче было проникнуть—но Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ—въ край Вотяковъ. Могло быть такъ, что толпа предприимчивыхъ Новгородцевъ увлекла за собою массу Вятичей, которые дали свое имя покоренному краю и особый отгѣнокъ его исторіи. До самаго паденія Хлынова Вятка остается чуждою другимъ областямъ древней Руси; съ князьями и Новгородомъ Вятчане въ постоянной борьбѣ; христіанство среди нихъ прививается слабо; но характеру политическаго устройства вятская республика стоитъ одиноко. Въ исторіи Вятичей, какъ племени, нельзя не

¹⁾ Ibid. Стр. 3.

²⁾ Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. 136. По поводу этихъ именъ г. Барсовъ гоноритъ, что онѣ «можетъ быть, остатки земельного, имени Вятичей». Если нѣтъ основаній допустить, что въ этихъ селеніяхъ живутъ позднѣйшіе переселенцы изъ *вятской губерніи*, то слѣдовало бы сказать, по моему мнѣнію, не *можетъ быть*, а *несомненно*.

замѣтить, по извѣстіямъ лѣтописи, аналогичныхъ съ этимъ чертъ: они позже другихъ племенъ принимаютъ христіанство, долѣе другихъ сохраняютъ свою этнографическую особенность, долѣе другихъ борются за нее съ кievскими князьями.

Но при рѣшеніи этнографическихъ вопросовъ, какъ то выше и замѣчено уже, нужно принять въ расчетъ и привлечь къ сравненію не одну — двѣ, а очень много сторонъ народной жизни: народный бытъ, обычаи, преданья, повѣрья, поэтическія произведенія, языкъ, одежду, постройки, и пр. Я въ вятскомъ краѣ специально наблюдалъ только языкъ и получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о народной поэзіи. О послѣдней нѣсколько словъ скажу въ своемъ мѣстѣ. О языкѣ отмѣчаемымъ ниже фактамъ предпосылаю теперь лишь одно замѣчаніе.

Мнѣ не разъ приходилось и читать и слышать, что вятскій край по отношенію къ языку — богатое хранилище далекой новгородской старины. Въ такомъ мнѣніи, послѣ личнаго знакомства съ краемъ, я вижу или недоразумѣніе или предубѣжденіе.

Сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими не отрицаемо, но ощутительна и разность. Разность эта проявляется съ двухъ сторонъ: она сказывается отсутствіемъ тѣхъ чертъ, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ говорахъ, и присутствіемъ такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ.

Но обращаюсь къ самимъ фактамъ, располагая ихъ въ той системѣ, которую принялъ въ первыхъ двухъ отчетахъ.

По словамъ Даля (о нарѣчіяхъ русскаго языка. Стр. 27 отд. оттиска) говоръ вятчанъ самый низкій.

Я не нахожу возможнымъ сказать тоже. Вятское *о* нерѣзко. Оно не поражаетъ такъ слуха, не отчеканивается, какъ во владимірской, ярославской и нерѣзко въ новгородской губерніяхъ. Оканье слабѣе къ югу, сильнѣе къ сѣверу.

На *а* говорить только пришлые люди, переселенцы. Такъ акаютъ въ уржумскомъ уѣздѣ—на заводахъ шурминскомъ и буйскомъ.

Начальное *а* измѣняется на *о*: Олександр Ен. и т. п.

Случаевъ измѣненія *а* на *о* въ срединѣ словъ мнѣ не встрѣтилось.

За все время пребыванія моего въ вятской губерніи я только три раза слышалъ *а* вм. *о*: за поясника (обыкновенно *ко* вм. *ка*: батюшко и т. п.) Еп., палтора Ож., саводни вм. соводни Шв. Сюда же слѣдуетъ отнести и форму: серядь вм. середь (среди) Ож.

О вм. начальнаго *е* часто слышится въ словѣ *еще*: оише Ал.

Въ одномъ словѣ *о* является на мѣстѣ *ы*: рохлый снѣгъ, т. е. рыхлый Зил.

Полногласныхъ формъ, подобныхъ новгородскимъ — верѣх, столобъ въ вятскомъ краѣ я вовсе не слышалъ. При пѣсенномъ сокращеніи полногласныхъ формъ являются, какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, формы *ла*, *ра* вм. *оло*, *оро*, но разъ встрѣтилось *ло* вм. *оло*: по виноцѣку по злотому Дм. Такія формы сокращенія изрѣдка встрѣчаются въ Олонецкой губ.¹⁾

По утвержденію Даля (о нарѣчіяхъ и пр. 27) «вятское *о* произносится мѣстами *уо* или *уы*, почти какъ въ задеснинскомъ черниговскомъ краѣ: ничевуо, сируюо, собуолья».

Къ сожалѣнію, Даль не указываетъ, гдѣ именно въ вятской губ. пришлось ему услышать этотъ двугласный звукъ. Я напрасно искалъ его. Такъ какъ мнѣ въ моихъ поѣздкахъ нигдѣ не удалось подмѣтить его и никто изъ мѣстныхъ жителей, къ которымъ я обращался по этому поводу съ вопросами, не слышалъ такого звука, то я готовъ допустить, что Даль ошибся, что его обманулъ слухъ. Это легко могло случиться, такъ какъ мѣстами Вятчане говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничевоо

¹⁾ Матеріалъ для характеристики Сѣв. великор. нарѣчія. С. 7.

и т. п. Но это растяженіе замѣчается не на одномъ только звукѣ *о*; кажется всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу. Считаю возможнымъ употребить это слово — *долота*, такъ какъ растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ вятскомъ и слободскомъ уѣздахъ. Только разъ имѣлъ я случай наблюдать ее въ бесѣдѣ съ однимъ крестьяниномъ села Ченца. Очень жалѣю, что не могъ записать ни одной сказки отъ человека, въ рѣчи котораго проявилась бы эта особенность. Для уясненія дѣйствующаго въ ней закона требовалось бы собраніе множества данныхъ. Я могу привести лишь нѣсколько, схваченныхъ, такъ сказать, на лету:

вѣт (вѣот)

ничевѣ

говорятъ, уѣдутъ

синѣтъ

ѣзерѣ

возитѣ, братѣ

пожалустѣ

И изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, что —
1) долгота гласнаго можетъ проявиться независимо отъ ударенія;
2) въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ, изъ которыхъ одинъ ударяемый.

Можно бы несомнѣваться въ вѣрности употребленнаго мною термина *долота*, если бы не было (считаю необходимымъ эту оговорку) случаевъ, когда одно и тоже слово въ фразѣ, повторяясь, является и лишеннымъ долготы и имѣющимъ ее: не берѣтъ вѣдь ѹж, молодые то не берѣтъ.

Въ этомъ случаѣ и подобныхъ — ясно, что строй фразы, тонъ рѣчи вызвалъ растяженіе гласнаго. Однако, что растяженіе это не играетъ той роли, какую имѣетъ такъ называемое логическое удареніе, видно уже изъ того, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ.

«Нигдѣ нѣтъ столько *ѣ*, *іо*, какъ на Вяткѣ», по словамъ Даля (О нарѣчіяхъ. 28). Это утвержденіе, по моему, невѣрно: *ѣ* въ вятскомъ краѣ слышится гораздо рѣже, чѣмъ напр. въ новгородскомъ.

Могу привести только слѣдующіе случаи (опускаю аналогичныя явленія) измѣненія звука *е*:

до нѣба Сух. вѣрх. Н. у. Сбщ. (никогда—верѣх).

рёбро Еп.

спокоёв Ож.

ей У. у. о пей Шв. своей Ож. Устиньей Чц.

сберёгла П. у. (Сбщ.)

поминаёт Ож. пловёт ів. Чц. тинё Чц. милуё ів. скажёт ів.

можот Прш.

будёт Кж.

проѣдѣш Еп.

поѣдѣм Ож.

спойтё Чц.

Число случаевъ съ *ѣ* вм. *е* въ вятскомъ краѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ окающаго нарѣчія, потому, между прочимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ѣ* превратилось въ *о*; другими словами и, какъ думаю точнѣй, послѣ превращенія *е* въ *о* исчезла съ теченіемъ времени мягкость предшествовашаго этому гласному согласнаго. Это явленіе въ вятчинѣ замѣчается не только при шипящихъ (именно *ж*) можот Прш, но и при другихъ согласныхъ:

доржі Ож. доржит Взн.

запрягом Кум., Ор.

переволоком. Ор.

россѣком Зпл.

соводни. Шш., Шх.

Форму доржи вм. держи (новг. дѣржи) можно слышать и въ казанской губерніи; остальныхъ я нигдѣ не слыхалъ за исключеніемъ вятчины, почему и считаю такія явленія спеціально вятскою особенностью.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что между формами, напр., *россѣком*, *соводни* и основными *россѣкем*, *сєводни* должны стоять посредствующія: *россѣкѣм*, *сєводни*. Такія формы, какъ извѣстно, не предполагаются только, а существуютъ въ другихъ краяхъ въ дѣйствительности. Они, по моему мнѣнію, представляютъ собою явленіе относящееся къ области не гласныхъ, а согласныхъ звуковъ. (Если же это такъ, то сказанное въ первомъ моемъ отчетѣ о *ѣ*—правильно).

Иногда *е* не измѣняется тамъ, гдѣ можно бы ожидать ея измѣненія:

ее Ож. *каленую ів. сѣ(е)дла ів. еще ів. ще ів. (штѣ Шв.)*

е почти постоянно остается при своемъ звукѣ. Очень рѣдко вмѣсто него является *и*:

байт Еп. *проѣдите ів. нильзя Ож. испю (еще) ів.*

Еще рѣже обратное явленіе въ срединѣ словъ:

ле (=ли) Ож. и др. мѣстн., к своем (къ своим) П. у. (Сбщ.), дек (=дик) Ож. Эту послѣднюю форму я слышалъ только разъ, и нигдѣ, за исключеніемъ означенной мѣстности, ея не встрѣтилъ.

О формѣ *лежись вѣ. ложись я имѣлъ* уже случай говорить (см. 2-й отчетъ).

е вѣ. начальнаго о слышится мѣстами въ словѣ одинъ: *единово Сух. Чц., едново Еп.* Это явленіе также было уже разъ отмѣчено и оговорено (см. 1-й отчетъ).

о вѣ. е въ срединѣ слова представляетъ только слово *робенок Чц.* Нѣтъ основанія, однако, видѣть здѣсь позднѣйшее звуковое видоизмѣненіе: форма *роб.*... можетъ идти изстари.

Кажется, спеціально вятскую особенность составляетъ встрѣчающееся мѣстами произношеніе *е*, которое звучитъ иногда тверже общерусскаго мягкаго *е* и мягче *э*. Такой звукъ слышится не только въ срединѣ словъ или въ концѣ послѣ согласнаго: *не Шх: нѣнь Зц.*, что можно бы объяснить отвердѣніемъ этого согласнаго, но и въ началѣ слова: *стот Бс.*

Не такъ ли звучитъ *е* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонцакаго

края? Быть можетъ у Рыбникова, Гильфердинга и Барсова ¹⁾ формы, подобныя еще, отѣц, молодѣцкая въ звуковомъ отношеніи переданы не точно?

Если явленіе о которомъ говорю, отнести на счетъ согласныхъ звуковъ, то съ нимъ будетъ однородна звуковая форма слова пятый, произносимаго пѣтой Чц., т. е. съ болышею чѣмъ обыкновенно твердостью звука *п*.

Вполнѣ, на сколько мнѣ извѣстно, специально вятскую особенность представляетъ слышимое мѣстами *у* вм. *и* въ нѣкоторыхъ формахъ глагола быти:

було Шв. (но и—было *ib*) иобувал, бувал (никогда не бувал еще) Чц. не бувал. Зц.

это *у* не рѣзко, но его нельзя однако смѣшать ни съ какимъ другимъ звукомъ.

По словамъ Даля «буква *ь* на Вяткѣ только въ началѣ слова произносится какъ *и*; истъ, издить;... очень рѣдко въ срединѣ, напр. въ слободскомъ: штѣ нюни ти повисихъ» (О нарѣчіяхъ 27.). Это невярно: *и* вм. *ь*, кромѣ случаевъ отмѣченныхъ Далемъ, встрѣчается и въ срединѣ словъ. Привожу слышанныя мною слова съ *и* вм. *ь* въ корнѣ:

обидня Сух. Шв.

писня Чц. писельник Юн.

рицьки Ен., но *ib*: рѣцьку

истрича *ib*.

диги *ib*.

дило *ib*.

звирь *ib*.

мисни Влч.

ситъ Чц.

сызидитъ *ib*., но фхати Ен., фзда *ib*.

Нигдѣ въ итской губ. смѣна *ь* на *и* не выдерживается какъ

¹⁾ См. Рыбникова и Есени III 318. 368. 381. Барсова Причитанія 101. 271. Гильфердинга Он. Былина 757-8. 780. 843.

постоянное явленіе: тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *e* изъ *ъ*. Глаголъ *нит* часто слышится въ формѣ *нит*, ниту Чц. Шх. Прш. Кум. Въмѣсто здесь (здѣсь)—здысь Взн. Шв. Чц.

Въ глаголѣ смотрѣть вмѣсто темитическаго *ъ*—*и*: смотреть Сух. посмотрил Прш. Быть можетъ, однако, это особенность не фонетики, а словообразования ¹⁾. Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій смѣны *ъ* на *и* мнѣ вовсе не встрѣтилось.

Во второмъ отчетѣ отмѣченъ мною случай глухаго *e* на мѣстѣ древняго *ъ*. Въ вятскомъ краѣ слышалъ я въ такомъ же случаѣ такое же *и*: моцики Прш., т. е. мочки, мочки (куделя). Къ сожалѣнію и этотъ случай единственный. Приведенную форму я слышалъ, что именно важно, въ живой рѣчи. Аналогичныя съ ней, которыя могъ бы привести здѣсь, относятся къ пѣсенной рѣчи, (колецико, сердечико, сударыка (—рка), гдѣ явленіе, понятно, можетъ получить уже инос объясненіе.

Стяженіе гласныхъ въ вятскомъ краѣ (сипина(е)м. Чц., ба(е)ш, ба(е)т Об.) имѣетъ мѣсто, но слышится нечасто.

Перегласованіе можетъ опредѣлиться слѣдующими примѣрами:
ѣ: евился Еп. евляться Шв.

и: забрецело, (забрецало, забренчало) Шх. завѣцею (завѣцаю, завѣчаю) іѣ. обвѣнцели Шв.

з: зеть Шв. взяли Дм.

и: опеть Шв.

и: зняли (сняли) Ож.

л: не гленился (не глянется=не понравится) Шх.

р: преники Врх.

Можетъ быть однако, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ *e* и не предполагаетъ *и* (и) явившись непосредственно изъ *а*.

Въ фонетикѣ согласныхъ вятской рѣчи обращаетъ прежде всего вниманіе на себя рѣзкая и грубая твердость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Выше уже отмѣчено нѣсколько случаевъ отвердѣнія

¹⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р. яз. 77. пр. 3.

д, к, с при о изъ е. Въ уѣздахъ—нолинскомъ, уржумскомъ и котельничскомъ слышится мѣстами вм. мягкаго твердое л въ словѣ большой, произносимомъ болшой.

ж и ш въ сочетаніяхъ съ о и е тверды: ошшо Ал. ешшо, также Шв. Но тѣже звуки мѣстами мягки при сочетаніи съ и: мужикъ Чц. шити Бс. произносятся такъ, какъ здѣсь написано.

И то твердо, то мягко. Такое колебаніе въ его произношеніи замѣчается иногда не только въ одной мѣстности, но и у одного и того же лица:

нацяльник Юн. цяшу Ож. птиця ів. цяря Шв. умняця ів. тепериця Шх. метелиця ів., но-крыльця Ож. сейчас Двр. яисница Шв. встриця Лз.

парнищѣк Юн. винцѣ Чц. молотцѣв Пр. ружьецо Шв. отци Шв. красавици Шв. пономарцики Ож.

кузницу Шх. хоцю Прш.

куроцька Шх. Лукиць Юн.

Мягкость и, приближающая его къ ч и образующая какъ бы средній звукъ между ч и и (см. 1-й отчетъ), слышится рѣдко: сѣнц-ч-я Юн.

Чаще можно слышать вполне определенное ч изъ и:

половичи Взн. овчи Зпл. птичи Ен. руковичи Сн. чаря Шв.

Однако и это явленіе далеко не заурядно. Иное дѣло обратное: смѣна ч на и. Эту смѣну встрѣчаешь такъ часто, — въ нолинскомъ и вятскомъ уѣздахъ, — что невольно привыкаешь къ ней, какъ къ нормѣ мѣстнаго говора. Вотъ нѣкоторые изъ множества примѣры доконья:

перез Ен. цетыре Ож. цецьверо Прш. цешу (чешу) ів. ноцевать Шв. цево ів. целовик ів

плотницитѣ Шв.

пономарцики Ож. удится Шв.

доцька Шв. рицьки Ен. ¹⁾

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ текста, мною приводятся примѣры почти исключительно изъ живой рѣчи.

Мягкое *и* изъ *ч* передъ *н* звучитъ какъ *с*: яисъница Шв. дивисъникъ іѵ. Изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ видно, что обоюдная мѣна звуковъ *ч* и *и* возможна для одной и той же мѣстности, но количество случаевъ *ч* изъ *и* всегда несравненно меньше случаевъ обратнаго явленія.

Мягкость звуковъ *н*, *р*, *с* передъ суффиксомъ *ск* (ѵск) хотя и встрѣчается въ вятскомъ краѣ, но далеко не выдерживается съ тѣмъ постоянствомъ, съ какимъ существуетъ это явленіе въ новгородскихъ говорахъ. Чаше можно слышать мягкое *с*, рѣже мягкое *н*, еще рѣже мягкое *р*. Последнее въ одномъ и томъ же словѣ произносится то твердо то мягко въ одной и тойже мѣстности и даже однимъ и тѣмъ же лицомъ:

деревеньской Ож. Чц. ильинская Дм. правленьской Бс.

русьское Взн. Жр. московская Бс. (*с* почти не слышится) царьской Шв., но царской и царство іѵ. боярской іѵ. боярская Шх.

Мѣстами можно слышать мягкое *м* передъ тѣмъ же суффиксомъ: земьское Ос.

Отвердѣніе звуковъ *н*, *м* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ часто замѣчаемое въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ ¹⁾, въ вятчинѣ слышится рѣдко:

верхний Ож. лишнюю Шх.

Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ *т* въ *птѣ* слышалось мнѣ (Чц.) мягче чѣмъ *тз* и тверже чѣмъ *тѣ*; *с* въ сейчасъ Ал. хорошосъ Чц. вчерасъ Ал., — ²⁾ тверже *сѣ* мягче *сз*. *д* мягко въ словѣ назадъ Шв., какъ въ новгородскихъ и олонецкихъ говорахъ.

Случаевъ смягченія гортанныхъ (разумѣю архаическія явленія) не встрѣтилъ; равно какъ и особенностей въ смягченіи зву-

¹⁾ См. 1 и 2 мои отчеты и брошюру Матеріалы и пр. стр. 21.

²⁾ Не въ смыслѣ вчерась, т. е. вчера, а въ смыслѣ вчерасъ-сѣ. Впрочемъ по поводу формъ *пѣтъ*, вчерас, и пр. я долженъ сказать, что слышалъ ихъ только отъ двухъ лицъ (двухъ близлежащихъ мѣстностей).

ковъ *д* и *т*. Касательно послѣдняго можно отмѣтить развѣ только форму *цецьверо* Прш. = *ц(ч)етверо* и предполагающую *цетъ-веро*.

з постоянно является нѣмымъ; но въ словахъ *господинъ*, *исударь* оно должно быть звучало какъ *н*: мѣстами это слово имѣетъ форму—*оснодин* Шв. *осподином* ів. *осударь* Ож. Конечное *з* произносится иногда какъ *к*: *лѣг* Ож, но—на *берек(г)* Шв. *долок(г)* Шх.

Конечные губные и зубные часто изъ звучныхъ переходятъ въ отзвучные: *корон(б)* Шв. *вос(з)* Ож.

Изъ случаевъ мѣны звуковъ, кромѣ вышеотмѣченной смѣны *ч* на *ц* и обратно, могу привести слѣдующее:

щ рѣдко терпится, обыкновенно замѣняясь двойнымъ *ш*: *ешшо* Еп. *обвѣшшался* ів. *нушше* ів. *свишшет* Ож. *вѣшшан* ів. *выпушшу* Шв.

Вм. *х*—*ф* въ словѣ *фомьяк* (крыса) Шв.

Вмѣсто *з*—*б* въ словѣ *благолит*. Дм. (только въ нѣснѣ № 15).

Вмѣсто того же звука *с* въ словѣ *пов(г)ост*. Шх.

с вмѣсто *х* встрѣтилось разъ въ выраженіи—на трѣхъ дубахъ(*х̄*) Еп. ¹⁾.

л вм. *н* въ словѣ—*помл(н)или* Еп.

д вм. *д* въ—*свал(д)ебная* Шх, но *ів*. *свадьба*.

м вм. *н* въ словѣ—*м(н)рав* Ож.

с вм. *м* въ словѣ *с(м)ного* ів.

з вм. *ж* въ—*зелѣзпой* Дм. Шх. *рогозка* Жр.

Въ группахъ согласныхъ замѣчаются слѣдующія видоизмѣненія:

чи превращается въ *ши*, если, конечно, *ч* не переходитъ въ *ц*: *скушно* Еп.

ль въ *ль*, *сь*: *жизнь* (жизнь) Еп. *болѣсь* (болѣзнь) ів.

¹⁾ Ср. аналогичный фактъ, приведенный въ 1 отчетѣ. Здѣсь и ниже я привожу данныя, не разграничивая явленій несомнѣнно фонетическихъ отъ тѣхъ, которыя вызваны аналогіей.

Въ сочетаніи *зд*, заканчивающемъ слово, *д* выпадаетъ: •уѣз
(д) Баб.

стн = *зн*: груз(ст)но Еп.

дств = *див*: родш(ст)ва Ож.

т уподобляется *д* въ —од(т)дать Еп.

Вм. *зл* — *дл* въ словѣ —вод(з)лѣ Ож.

Вм. *когда* почти вездѣ слышится *колды* Чц. Шх. и пр., вѣроятно черезъ формы: *коода*, *кооды*.

Мѣстоименіе *что* въ собственно вятскомъ краѣ произносится большею частію — щѣ, що, ще, шгѣ. Об. Шх. Чц. и пр.

Сочетаніе *тся* (въ глаголахъ) звучитъ различно. Я не находилъ тожества въ его произношеніи даже у однихъ и тѣхъ же лицъ. Мнѣ слышались и *тця* и *тца* и *цця* и *тса*: ругаетця Шв. женитця ів. дожидаютця Шх. добратся Шв. собираются Шх.

Изъ случаевъ опущенія звуковъ, кромѣ отмѣченныхъ, стоятъ вниманія: опущеніе

й: овча (овчья) Ож. дяков (дьяков) ів. убира(й)сь ів. по(й)дѣм Шв.;

ѳ: за(в)се Чц (завсегда);

н: у (н)ево Дм. в (н)ѣм ів.

Иногда встрѣчается удвоеніе *н*, вызванное вѣроятно аналогіей: воронново Еп. коноплянная Ож.

Изъ случаевъ перестановки отмѣчу два: камешн(нш)ик Врх. придикоте (= придитеко) Прш.

Особенностей въ удареніяхъ немного. Вотъ нѣкоторые, характеризующіе его, случаи:

пáстух Баб.

кóней Ож.

холóд Шв., но ів.: хóлодно.

на лошади́ Ож. на горóу ів.

оныхом Шв.

видомъ іѡ.

на цѣтырехъ лошадяхъ Ал.

імя Шх. (= им), обыкновенно слышится имя: с нимя Боб.

пропадите Еп. лежите іѡ. не полетите Кж. спите Боб.

послал Боб. погналъ іѡ. понудилъ Ож.

ужаснулся Шв.

отдохнемъ іѡ.

должили Еп.

Вятскимъ говорамъ, какъ и новгородскимъ, свойственно смѣшеніе падежей дательнаго и творительнаго множественнаго числа. Это смѣшеніе встрѣчается не только въ собственно вятскомъ краѣ, но, насколько знаю, почти по всей губерніи:

мѣстамъ(и) Рж. Б. Р полямъ(и) іѡ. с плечамъ Сух. за крутымъ горамъ Еп. с ножамъ Щ. надъ намъ Еп. обѣимъ руками іѡ. къ пола-тамъ іѡ.

Хотя эта особенность — одна изъ рѣзкихъ чертъ сходства вятской рѣчи съ новгородскою, но уже конечно не ею же можно подкрѣпить мысль о новгородскомъ происхожденіи вятчанъ: эту особенность не могли принести съ собою новгородскіе выселенцы: какъ извѣстно она совершенно чужда древней новгородской рѣчи. Эта особенность — явленіе новое. Въ вятскомъ краѣ она должна была развиваться самостоятельно, независимо отъ Новгорода.

Почти вездѣ по вятской губ. можно слышать и странную форму — *имя* (д. п. мѣст.) Мл. Еп. Чц. и пр. вм. *имѣ*.

Кажется, только эти двѣ черты — форма *имя* и смѣшеніе падежей дат. и твор. — роднятъ рѣчь собственно вятскаго края съ рѣчью уѣздовъ — малмыжскаго, уржумскаго и яранскаго.

Древней чертой сѣвернаго нарѣчія, сохраняемой и теперь новгородскими и олонецкими говорами, — употребленія вин. пад. женскаго рода единственнаго числа въ формѣ именительнаго при

неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ — я напрасно искалъ въ вятской губерніи. Только разъ и въ одной лишь фразѣ подмѣтилъ я ее: ошибка чтоб не сдѣлать Шх, но лицо, сказавшее такъ, въ другихъ случаяхъ употребляло при неопредѣленномъ наклоненіи винительный на у. Въ пѣснѣ, записанной въ той же мѣстности: жеравиха брать.

Въ другихъ мѣстахъ не встрѣтилась мнѣ этой формы даже какъ архаизма.

Архаического въ именахъ вообще очень мало. Могу отмѣтить только древнюю форму имен. единственного слова дочь: дочи Еп. доци Бс. Км. (дочерь. Еп. (им.)).

Въ глаголахъ прежде всего поражаетъ ухо древняя форма неопредѣленнаго наклоненія на *ти*, встрѣчаемая очень часто въ живой рѣчи. Эта форма по преимуществу придаетъ вятскому нарѣчію оттѣнокъ древности.

Сѣяти Еп. ѣхати ів. поѣти ів. носвистати ів. выпити Чц. возити ів. заплатити ів. брати ів. шити Бс.

Употребленіе этой формы неопр. накл. не исключаетъ и поздней на мягкое *т*: сѣздитъ Чц. синѣтъ ів.

Глаголы съ звукомъ *ч*, изъ гортаннаго—*т*, въ неопр. накл. удерживая *ч*, неорганически возстановляютъ гортанный: запрек(г) чи Боб.

Въ настоящемъ времени замѣчается мѣстами опущеніе личнаго признака 3-го лица:

пойдѣ Взн. буде Еп. милуѣ Чц. ѣздя(т) Еп.

Дѣепричастія вмѣсто прошедшаго на *л(ъ)*, — замѣны столь употребительной въ новгородской губерніи, — въ вятской почти не встрѣчается. Только разъ слыпалъ я такую форму: взявши = взял Еп.

Въ заключеніе этихъ немногихъ замѣтокъ о вятскихъ формахъ упомяну еще о частицахъ: *о—т*, *та*, *то*. Даль вѣрно замѣчаетъ, что онѣ «прилагаются на Вяткѣ не безразлично, а по родамъ» (О нарѣчіяхъ 28). Во множ. числѣ для всѣхъ родовъ безразлично одна форма — *ти*: гоны ти Взн. Въ вин. ед. ж. р.

ту: дорогу ту Еп. дѣвку ту Бх. Другихъ формъ не слыхалъ. Нужно замѣтить еще, что употребленіе этихъ частицъ далеко не общее явленіе въ вятскомъ краѣ.

Привожу нѣсколько замѣченныхъ мною данныхъ для характеристики вятскаго *словообразованія*:

братовья Еп.

лягуша (—шка) Шв.

ягунки (—нига) Зпл.

тулово Боб.

ржище Взн.

ужина(ъ) Зпл.

по своей изможѣ Взн.

колокольница іѳ.

пословка (—ица) Ож.

посидѣнцы.

на ускорѣ (на скоро) В.

плесковская (плясовая) пѣсня Ож.

всяковато Б. Р.

одина(о)кой Шв.

вѣсится (висит) Боб.

повѣнуло (повѣяло) Шв.

подаывал Боб.

удѣлатъ В. (слышится не только по всей вятской губ., въ смыслѣ обдѣлатъ, сдѣлатъ, но и въ казанской), лежись вм. ложись Шв. (см. выше)

загопу Об.

запрекчи Ож.

воздымается Взн.

обгорѣли = погорѣли Нен.

промокнет = промочит Ож.

Характерной черты сѣвернаго словообразованія — сравнительной степени на *ѣе* — въ вятскомъ краѣ почти не слышится. Если, очень рѣдко, гдѣ и встрѣтится эта форма, то на ряду съ нею, и въ огромномъ большинствѣ при томъ случаевъ, является и форма на *ѣе*: мудреняе Шв., по хитрѣе *іѣ*.

Вятскій лексиконъ, при сходствѣ съ новгородскимъ, представляетъ и разности. Случаевъ разности можно бы привести много. Укажу на нѣкоторые.

Въ новгородской губ. почти вездѣ вмѣсто слова *лошадь* говорится *конь*; въ вятской на оборотъ — употребленіе слова *лошадь* преобладаетъ.

Ячмень въ новгородской губерніи зовутъ *жито*, въ вятской жито — яровой хлѣбъ.

Въ новг. губ. землю *орутъ*, а избу *пашутъ*; въ вятской землю пашутъ, избу метутъ.

Слово *очень* въ вятской губ., какъ и въ новгородской, почти не слышится, но въ послѣдней оно замѣняется словомъ *гораздо*, въ первой вмѣсто его говорятъ *болно*.

Словъ — *рель*, *дянки*, *горой* (берегом), *сонка* и многихъ другихъ, весьма обычныхъ въ новгор. губ., въ вятской нѣтъ. За то въ ней есть свои особенныя слова, которыхъ не знаетъ Новгородъ.

Списокъ вятскихъ словъ при этомъ прилагаю. И въ него, какъ и въ прежде сообщенные, вошли не новыя только слова, но и тѣ, которыя есть у Дала, по которыхъ мѣстность употребленія у него не обозначена или которымъ придано не то значеніе, въ какомъ я слышалъ ихъ.

Б.

Больно—очень, весьма.

В.

Ванда—рыболовный снарядъ Сл.

Вискирь—см. у Даля: выскирь Щ.

Волок—большой лѣсъ, не менѣе верстъ 15-ти, по которому пролегаетъ дорога; непроѣзжій же—*раменье*. Ел. Чц. Ших. и пр.

Вѣнец: *вѣнец сронила* — нарушила супружескую вѣрность. Н. Сбщ.

Г.

Голка—см. у Даля: голица. Взн.

Гоны—длина полосы на паниѣ: 30—50 саж.; народная мѣра разстоянія. Взн.

Готово: на готово—окончательно. Н. у. Сбщ.

Грудица—10 сноповъ яроваго хлѣба. Уц. Ших.

Д.

Дек: дек человекъ—веселый до безумія. Ож.

Декаться—веселиться. ib.

Дековство—баловство. Чц.

Дыгать—прыгать. См. сказку № 4-й, Шв.

Е.

Ерызнуть—ударить. Чц. Ших.

З.

Завсе—всегда. Взн.

Забродить: дѣвка забродила — сбилась с пути, спозналась с мужчиной II. у. Сбщ.

Занос: *в заносъ*—говорится о небѣ, когда оно дѣлается пасмурным. В.

Зарость—зависть Ожг.

Зарыск }
 Зарысь } околица, окольный путь. Кст. Чц.
 Заспа — крупа Сл.

И.

Изладиться — обрядиться, собраться Н. у. Сбщ.

К.

Кабан — стог сѣна круглой формы. Нѣсколько кабанов (неопре-
 дѣленное число) составляют *зарод*, — скирду продолговатой
 формы. Взн. Зпл.

Колѣно — куплет, часть нѣсни, повторяющаяся с небольшим измѣ-
 неніем нѣсколько раз. См. напр. нѣсню № 7-й. Шв.

Крошки см. у Даля: крошни Шв.

Крыльца — плечи, спина Еп.

? Кусёр — лог, поросшій травой Н. у. Сбщ.

Кутник — полук. Чц. Ших.

Л.

Лавы — деревянные мостки, образующіе тротуар. Дм. Сл.

Лизун — коровій язык. Урж.

Лопотина — одежда Мли. Шв. Лопоть — тоже, въ собирает. значе-
 нія. Шв.

Лукаться — бросаться чѣм Ал.

Лыва — лужа. Дем. Сл.

Лять (лядь? ледь?) — гололедица Чц.

М.

Мостина — сѣни Еп.

Молишь — рѣзать скот. Кст. Чц. ¹⁾.

Н.

Назѣм — навоз. Сл.

Нѡ — да. Чц.

¹⁾ Ibid. употребляется и рѣзать. *Рѣзать* можно все, *молишь* — только скот.

Несрушен — неискусен. Взн. ¹⁾.

Несрушно — неудобно Шв.

О.

Ординки — рукавицы, мѣхомъ наружу, выдѣланныя изъ шкуры
стеннаго барана Взн.

Обретивиться — сдѣлаться ретивымъ, воспринять бодрость Еп.

Обрыситься — осердиться, оцетиниться, Обх.

Обизорной — красивый? Шв.

П.

Подсад — мелкая трава, проросшая въ овсу Взн.

Подсада — мелкая трава, остающаяся под папней Шв.

Посзгаться — пообщаться Чц. Ших.

Помзя — рыболовный снарядъ. Чц. Сп. Дм. Сл.

Поначе — лучше Шв.

Потерять — погубить Шв.

Потѣснить душеньку — наѣсться до отвалу, обожраться Н. у. Сбщ.

Поцалычить — поболтать Юн.

Причалить — привязать Еп.

Проворен — силён Еп.

Просынь — поемые луга Ших.

Пѣстовать } см. у Даля. П. у Сбщ.
Пѣстуныя }

С.

Сильки — циплята В.

Скленица — см. у Даля. Сп.

Сдѣлалось — пришлось. Еп.

Соковые лапти — лапти изъ луба, содраннаго весною. Сл. Ал.

Столованье — см. у Даля П. у. Сбщ.

Сутки — передній уголъ въ изб. Чц. Ших.

¹⁾ Несручен? несручно?

У.

Убиваться — сожалѣть о ком. Бхт.

Узг — угол съ наружной стороны зданія. Чц. Шх. и въ другихъ мѣстах.

Утроба — живот. Пж.

Х.

Хлибить: *хлибит* — говорится о лошади, разбитой на ноги. Влячтр.¹⁾

Хлам — багаж, поклажа, имущество. Ос.

Ш.

Шубянка — мохнатая рукавица, противоположна голкѣ. Взп.

Въ Вятской губерніи я записалъ пять сказокъ и 35 №№ пѣсенъ. Почти весь этотъ матеріалъ имѣетъ значеніе только со стороны языка. По содержанію большая часть собранныхъ пѣсенъ ничтожны.

Кажется, Вятская губернія принадлежитъ къ числу очень бѣдныхъ народно-поэтическими данными.

Древнихъ историческихъ и былевыхъ пѣсенъ въ ней, на сколько мнѣ извѣстно, вовсе нѣтъ. Пѣсни повседневныя не отличаются поэтическими красотою. Даже въ свадебныхъ нѣсняхъ не много поэтического элемента. Нѣкоторые изъ нихъ по своему содержанію даже грязны.

Изъ сказокъ по содержанію стóитъ вниманія двѣ былины въ прозаической формѣ. Подъ страннымъ именемъ Осипа Прекраснаго является никто другой какъ Илья Муромецъ.

¹⁾ Если звѣзда упадетъ на лошадь, то она хлибитъ задомъ или передом. *ibid.*

Нѣкоторыя нѣсни записаны мною съ голоса, нѣкоторыя по пересказу. Замѣчательно, что весьма немногія лица способны пересказать нѣсню. При пересказѣ большею частію выходитъ путаница: вставляется одно, выпускается другое; являются ненужныя слова — *отды, молъ* и т. п. и исчезаютъ тѣ частицы, которыми условливается стройное теченіе нѣсеннаго стиха.

Собранный мною матеріалъ можетъ служить къ характеристикѣ говоровъ и — частію — народной поэзіи — двухъ только уѣздовъ: Вятскаго и Нолинскаго.

ЗАМѢТКИ

О

ЯЗЫКЪ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

М. А. Колосова

Отчеты Отдѣленію русскаго языка и словесности.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXX^{му} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

—
○—○—○—○—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1877 г.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

4. Владимірско-суздальскій и ярославскій край.

Въ промежутокъ времени съ октября до половины декабря я объѣхалъ большую часть владимірской губерніи¹⁾, значительную часть ярославской²⁾, нижегородской³⁾ и казанской⁴⁾, и малую часть тверской⁵⁾ и вологодской⁶⁾ губ.

Въ вологодскую я только заглянулъ, въ тверской былъ лишь проѣздомъ; казанская и даже нижегородская (несмотря на всю важность, представляемую ею въ діалектическомъ отношеніи) имѣли для меня лишь второстепенный интересъ. Такъ какъ главною цѣлью я поставилъ для себя наблюденіе народнаго языка въ тѣхъ краяхъ, гдѣ русское населеніе осѣлось изстари; въ краяхъ, имѣющихъ значеніе историческихъ центровъ, то — послѣ новгородской области — въ предѣлахъ окающаго нарѣчія естественно долженъ былъ привлечь особенное мое вниманіе владимірско-суздальскій край и частью ярославскій.

1) Посѣтилъ слѣдующіе города и ихъ уѣзды: Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Юрьевъ, Александровъ, Ковровъ, Шуя, Ивановъ-Вознесенскъ.

2) Ярославль, Ростовъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ.

3) Отъ Нижняго до границы нижегородской губ. съ казанскою.

4) Казань, Чебоксары, Свияжскъ, Царевококшайскъ.

5) Тверь.

6) Вѣлгодда, Грязовецъ.

Сообщеніе о томъ, что я вынесъ изъ путешествія по этимъ краямъ, могло-бы быть сдѣлано мною Отдѣленію еще въ началѣ текущаго года, слѣдовательно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Это сообщеніе замедлилось по непредвидѣннымъ мною и зависящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Считаю не лишнимъ упомянуть о нихъ.

Уже на первыхъ порахъ своихъ странствованій я убѣдился, какъ не только важна, но рѣшительно необходима помощь мѣстныхъ жителей въ такомъ дѣлѣ, какъ то, за которое я взялся. Мнѣ казалось, что помощь эта не замедлится, — стоитъ только ясно выразить, въ чемъ должна состоять она. Отдѣленіе повидимому раздѣлило такое мое убѣжденіе, напечатавъ составленную мною «программу для собиранія данныхъ въ области сѣверно-великорусскаго парфчія». Снабженный въ октябрѣ достаточнымъ количествомъ экземпляровъ ея, я думалъ, что болѣе, чѣмъ прежде, гарангированъ въ успѣхѣ дѣла. Личныя наблюденія тѣ сообщенія, которыя, на основаніи программы, предполагалось, сдѣлаютъ мнѣ, въ интересахъ науки, лица, знакомыя съ краемъ — должны были дать многое. Такое естественное ожиданіе оправдалось однако далеко не вполне.

Между тѣми лицами, къ которымъ я обращался за содѣйствіемъ, нашелся лишь одинъ человѣкъ, затруднившійся обѣщать мнѣ его ¹⁾; всѣ остальные съ полною готовностью брались за дѣло, и — за двумя, тремя исключеніями — ровно ничего не сдѣлали.

Между тѣмъ мои личныя наблюденія во владимірской и ярославской губ. не были особенно счастливы. Не смотря на то, что я въ первой изъ нихъ посѣтилъ десятки селъ и деревень, многое изъ того, что мнѣ хотѣлось знать, осталось для меня неизвѣстнымъ. Два мѣсяца провелъ я въ Казани, куда должны были послѣдовать изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ обѣщанныя мнѣ такъ обязательно сообщенія, долженствовавшія пополнить

¹⁾ Директоръ народныхъ училищъ нижегородской губ.

пробѣлы въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Ожиданія этихъ сообщеній оказались однако напрасными. Въ половинѣ февраля я уѣхалъ въ вятскую губ., откуда возвратился въ концѣ марта. Сообщеній не было ¹⁾).

Я увидѣлъ себя вынужденнымъ посѣтить еще разъ нѣкоторые изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ былъ уже зимою и осенью. Отославъ въ Отдѣленіе отчетъ о вятскомъ краѣ, я, въ половинѣ апрѣля, съ первымъ пароходомъ, отправился снова во влади-

¹⁾ Не могу обвинить себя въ томъ, что довѣрился сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніямъ: они шли отъ лицъ министерства народнаго просвѣщенія; лицъ, слѣдовательно, близко стоящихъ къ наукѣ, интересы которой, казалось бы, не должны быть чужды имъ. Главнымъ образомъ рассчитывалъ я на директоровъ народныхъ училищъ и смотрителей уѣздныхъ. Они, ревизуя училища по селамъ и деревнямъ, находятся въ частомъ общеніи съ народомъ, и, безъ особаго труда, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы сдѣлать не мало интересныхъ наблюденій надъ языкомъ его. Кромѣ того, находящіеся въ ихъ распоряженіи сельскіе учителя не преминули бы, конечно, собрать и доставить имъ пригодный для дѣла матеріалъ, послѣдуй только съ ихъ стороны хоть косвенное заявленіе желанія имѣть таковой. Странно, что представители учебной администраціи въ 20, 30 и 40-хъ годахъ вовсе не отличались такимъ равнодушіемъ къ дѣлу науки, какъ нынѣшніе. Областной Словарь Академіи Наукъ составленъ, какъ извѣстно, въ значительной степени на основаніи сообщеній директоровъ, учителей и штатныхъ смотрителей. Паходились прежде директора училищъ, но собственному даже, какъ кажется, побужденію, заботившіеся о собраніи данныхъ для характеристики народнаго языка. Директоръ ярославской гимназіи передалъ мнѣ не вонеднешее мѣсто описъ гимназическаго архива «дѣло о собраніи провинціальныхъ словъ». Въ «дѣлѣ» этомъ находится нѣсколько списковъ мѣстныхъ (углицкихъ, рыбинскихъ, ростовскихъ, молодежскихъ, любимскихъ) словъ и рапорты смотрителей, препроводившихъ эти списки директору училищъ (Клименку), въ силу его предписанія. Не безъ интересны эти рапорты для лѣтописи русскаго просвѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ «отъ угличскаго народнаго училища учителя и кавалера Любимова», между прочимъ, есть слѣдующіи строки: «въ разсужденіи предписанія вашего ко мнѣ отъ 24 декабря прошлаго 1819 года № 238, о сдѣланіи вамъ каталога провинціальныхъ словъ... я отношеніемъ просилъ Земскій Судъ, чтобъ благоволилъ дать знать мнѣ о таковыхъ, употребляемыхъ въ подвѣдомственномъ ему уѣздѣ словахъ; на что сей Судъ отношеніемъ... извѣстилъ меня, что онъ касательно тѣхъ словъ въ сносѣмъ уѣздѣ видимости не имѣетъ. По сему сколько могъ я самъ собою отъ постороннихъ людей собрать такихъ реченій, сдѣланный мною онымъ каталогъ, при семъ имѣю честь къ вамъ препроводить». Способъ собиранія народныхъ словъ при посредствѣ Земскаго Суда, конечно, не можетъ не казаться забавнымъ, но неумѣлость вести дѣло все же лучше полнаго равнодушія къ нему.

мірскую губ. ¹⁾. Сверхъ владимірской, я, въ эту поѣздку, оставился (на короткое, впрочемъ, время) въ костромской губ. ²⁾.

Отмѣтивъ прискорбный фактъ равнодушія къ дѣлу науки тѣхъ, кому ея интересы должны бы быть дороги, я тѣмъ съ большею признательностью долженъ упомянуть о лицахъ, оказавшихъ мнѣ свое содѣйствіе не на словахъ только.

Члены владимірскаго статистическаго комитета, жители г. Муромъ, — Н. Г. Добрынкинъ и Е. П. Добрынкина, въ особенности послѣдняя, сообщили мнѣ многое касательно языка населенія муромскаго уѣзда. Большая часть нижеприводимыхъ данныхъ, относящихся къ этой мѣстности, извлечена мною изъ письменныхъ сообщеній, обязательно сдѣланныхъ мнѣ г-жою Добрынкиной.

Г. Рогозишниковъ, инспекторъ ярославской гимназіи, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на поляхъ моей программы о языкѣ населенія ярославской губ. и кашинскаго уѣзда тверской губ.

Этими матеріалами я располагалъ уже въ январѣ текущаго года. Въ сентябрѣ, уже по возвращеніи въ Варшаву, я получилъ два экземпляра своей программы съ отмѣтками о языкѣ населенія ярославской губерніи — отъ директора народныхъ училищъ этой губерніи, г. Шпеера ³⁾.

¹⁾ Здѣсь я убѣдился, что изъ лицъ, отъ которыхъ я ждалъ сообщеній никто и не подумалъ нанести хотя бы самыя общія справки по вопросамъ мною намѣченнымъ. Вообще, безучастіе къ моему дѣлу, въ средѣ лицъ нашего вѣдомства, нигдѣ не обнаружилось, ни раньше ни позже, въ такой степени, какъ во владимірской губ. — Во вторую поѣздку свою въ эту губ. я, сверхъ владимірскаго и суздальскаго уѣздовъ, гдѣ былъ и раньше, я посѣтилъ еще города Муромъ и Судогду съ частію уѣздовъ ихъ.

²⁾ Кострома, Кинешма и отъ Кинешмы внизъ по Волгѣ, по пути къ Нижнему.

³⁾ Кто именно дѣлалъ отмѣтки на поляхъ этихъ двухъ экземпляровъ программы, мнѣ осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Отмѣтки эти интересны и обстоятельны, и однако же лишь весьма немногое я могу ввести изъ нихъ въ настоящій отчетъ. Это потому, что — къ крайнему сожалѣнію — въ отмѣткахъ этихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ означена мѣстность, къ которой слѣдуетъ отнести ту или другую изъ сообщенныхъ звуковыхъ особенностей.

Въ разъѣздахъ моихъ по названнымъ выше губерніямъ (за исключеніемъ Вологодской) я поставилъ себѣ главною цѣлью—опредѣлить отношеніе, существующее между такъ называемыми сѣвернымъ и *восточнымъ* нарѣчіями.

Я не признавалъ дѣленія велико-русскаго языка на четыре части по четыремъ странамъ свѣта, различая въ немъ только два нарѣчія: окающее (сѣверное) и акающее (южное). Но было важно выяснитъ, точно-ли первое имѣетъ два подраздѣленія, какъ несомнѣнно имѣетъ ихъ второе.

Даль говоритъ (О нарѣчіяхъ, 34), что между владимірскимъ (восточнымъ) и новгородскимъ (сѣвернымъ) нѣтъ ни одного всеобщаго отличительнаго признака, и что всѣ частные признаки—отрицательные. Но и отрицательныхъ признаковъ достаточно, чтобы признать разность двухъ нарѣчій, или по крайней мѣрѣ поднарѣчій. Меня занималъ поэтому вопросъ: точно ли отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ.

Къ послѣднему Даль относитъ губерніи: Владимірскую, Ярославскую, Костромскую (частію), Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую. Въ Оренбургской я не былъ. Изъ остальныхъ шести я, по вышеуказанной причинѣ, въ послѣдующемъ приведу данныя, касающіяся языка лишь первыхъ трехъ, по преимуществу — первыхъ двухъ, какъ наиболее типичныхъ въ области восточнаго (по Далю) нарѣчія.

Какъ первый признакъ восточнаго нарѣчія Даль ставитъ слѣдующее относительно его утвержденіе: «Говоръ окающій, самый низкій; не только *о* никогда не обращается въ *а*, но даже и письменное *а* слышно тамъ только, гдѣ на него падаетъ удареніе; *о* произносится грубо, протяжно самою глубиною пасти, еще звучнѣе, чѣмъ въ нарѣчіи сѣверномъ; равно буква *е* чаще произ-

носитя ё; о никогда не обращается въ двугласную *уо* или *уы* (О нарѣчіяхъ, 33).

Все это я долженъ признать или прямо не вѣрнымъ или не точнымъ. О звукахъ *а* и *о* въ восточномъ нарѣчiи¹⁾ я, по личнымъ моимъ наблюденіямъ и сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу утверждать слѣдующее:

1) Никакъ нельзя сказать, чтобъ въ восточномъ нарѣчiи *о* никогда не обращалось въ *а*. Случаи такого обращенія *о* въ *а* также спорадически встрѣчаются и здѣсь, какъ и на сѣверѣ. Въ Муромѣ, напр., говорятъ: какушка. Въ Зарѣченской (т. е. на правомъ берегу Оки) сторонѣ муромскаго уѣзда: кокушка, но — тамъ-же: карабъ, залотой, скварница, слабода, ча(е)рдакъ, малонья (но лѣвую сторону Оки — мѣлонья), Михайла. Этими примѣрами исчерпываются кажется, всѣ случаи измѣненія *о* на *а* въ означенной мѣстности. Въ срединѣ владимірской губ. мнѣ такихъ случаевъ съ *а* вм. *о* не встрѣтилось²⁾.

Что приведенные примѣры *а* вм. *о* въ Зарѣченскомъ говорѣ нѣтъ нужды объяснять непременно влияніемъ рязанскаго нарѣчiя, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются и на сѣверѣ³⁾. Кромѣ того, и въ ярославской губерніи, — по преимуществу, какъ мнѣ кажется, окающей, — встрѣчаются тоже случаи измѣненія *о* на *а*: во многихъ мѣстахъ — монастырь, манахъ, канвой, Расея; въ ростовскомъ уѣздѣ: карабъ, мастовая, Михайла, Пѣтра (Петро); въ романовскомъ уѣздѣ слышится *а* вм. *о* въ род. пад. прил. м. р. ед. ч.: великова, доброва и т. п.⁴⁾

Отъ случаевъ спорадическаго измѣненія *о* на *а* слѣдуетъ отличить *а* изъ *о* условленное влияніемъ московскаго говора. Не смотря на близость къ Москвѣ, сношенія съ нею и отхожіе про-

1) Употребляя пока этотъ терминъ, я не придаю ему никакого дѣйствительнаго значенія.

2) Изъ чего я однако еще не заключаю, что ихъ вовсе нѣтъ тамъ.

3) Матеріалъ и пр. стр. 3.

4) И эти случаи не чужды сѣверу. Хотя мнѣ въ сѣверныхъ губ. и слышалась постоянно *ова*, но въ сборникахъ Гильфердинга и Барсова есть случаи окончанія прилагательныхъ на *ова* (см. *ibid.* I. с.).

, ярославцы относительно коренной черты своего нарѣ- (з сохраненія неударяемаго *о* — оказываются гораздо устой- оговонхъ сосѣдей владимірцевъ. Я не встрѣтилъ въ ярослав- стѣб. ни одного акающаго села; во Владимірской же въ тѣхъ

и деревняхъ, жители которыхъ ходятъ на заработки чаушественно во владимірскомъ и суздальскомъ уѣздахъ) де развилось на столько, что говоръ почти не отличается отъ вѣвскаго ¹⁾. Туже, и даже еще большую податливость къ чу- невліанію, выказалъ говоръ костромичей. Въ костромской

и, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, аканье слышится во (в тѣхъ уѣздахъ, жители которыхъ занимаются отхожими обслами: перехтинскомъ, галицкомъ, солигаличскомъ, чух- отмъ. И кажется, аканье распространяется: имъ заражаются чти тѣ, мѣстами, селенія, жители которыхъ не находились непосредственнымъ вліяніемъ московскаго говора. Такъ теворили, что въ плещеевской волости солигаличскаго уѣзда, динцѣ съ буйскимъ, сильно акаютъ, несмотря на то, что жи-

гой волости отхожими промыслами занимаются мало ²⁾. Въ слѣ уѣзды этой губерніи (ветлужскій, варнавинскій, коло- Сій, часть макаръевского) аканье, конечно, не проникло; ослышится оно и нѣ фабричныхъ уѣздахъ (костромскомъ, щкомъ и кишиемскомъ) ³⁾.

по Невѣрно и то утверждеііе Даля, что *а* слышно лишь тамъ, об _____

¹аково — для примѣра — село Борисовское, на большой дорогѣ между ромъ и Суздалемъ, населенное каменщиками, природными владимір- иоричами однако по московски.

ообщено секретаремъ костромскаго статистическаго комитета г. Пи- ть.

овори о смѣнѣ *о* на *а*, нельзя не отмѣтить слѣдующаго страннаго слѣ хотя оно и не принадлежитъ къ области собственно народныхъ гово- ѣ г. Муромѣ есть нѣсколько купеческихъ семействъ, члены которыхъ мѣ превращаютъ нѣ *а*. Они говорятъ: май вм. мой, кашка вм. кошка, пядом и т. н. Куицы эти природные муромляне. По крайней мѣрѣ извѣ- о ужъ нѣсколько поколѣній ихъ живетъ въ Муромѣ. Какъ и когда о лась въ ихъ языкѣ эта особенность (выдерживаемая, какъ меня увѣ- ЗВостоянно) — неизвѣстно (Сбщ. гг. Добрынкиными).

гдѣ на него падасть удареніе. Неударяемое *а* измѣняется на *о* нерѣдко, можетъ быть даже чаще чѣмъ на сѣверѣ, но все же гораздо больше случаевъ сохраненія неударяемаго *а*, чѣмъ перехода его въ *о*.

Начальное *а* измѣняется на *о* часто въ собственныхъ именахъ: Ондрей, Онтон, Окулина, Офанасей и т. п. ¹⁾; рѣдко въ нарицательныхъ: онбар (Мур. у.) ²⁾.

Въ срединѣ словъ—и во владимірской и въ ярославской губерніяхъ—постоянно, какъ и на сѣверѣ, *о* вм. *а* въ производныхъ отъ корня роб = раб: роботать, работник и т. п. Постоянно же измѣняется *а* на *о* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.: ово и ова вм. аво (= аго) ³⁾.

Въ концѣ словъ и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *о* вм. *а* только въ словахъ съ суфиксомъ уш-ка (юш-ка) муж. р.: батюнко, дядюшко ⁴⁾.

3) Ярославское *о* произносится дѣйствительно звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ, — это рѣзко отчеканенный звукъ; но во владимірской и костромской губ. выговоръ *о* нисколько, по моимъ наблюденіямъ, не отличается степенью звучности отъ новгородскаго. Во владимірской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владиміра, слабѣе къ сѣверу.

4) Совершенно вѣрно утвержденіе Даля, что нигдѣ въ восточномъ *о* не переходитъ въ двугласный *уо*, *уы*, но, на сколько мнѣ извѣстно, такого перехода нѣтъ и на сѣверѣ ⁵⁾.

¹⁾ См. въ 3-мъ отчетѣ о вятскомъ *уо*. Если даже и допустить, что гдѣ либо въ Вятчинѣ слышится такой звукъ, то все же нельзя его признать однимъ изъ отличительныхъ звуковыхъ признаковъ сѣвернаго нарѣчія по сравненію съ восточнымъ.

²⁾ Такъ во многихъ мѣстахъ и владимірской и ярославской губ.

³⁾ Другихъ примѣровъ не знаю, но конечно они есть.

⁴⁾ оно вм. аво представляетъ измѣненіе на *о* звука *а*, слѣдующаго за ударяемымъ слогомъ: дѣброно. Во всѣхъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, случаяхъ перехода *а* въ *о*, — *а* предшествуетъ ударяемому слогу: боранъ, ломпѣдка, локѣй, не зомѣй и т. п. (См. Потесни Два изслѣд. 76. Ср. Матеріалъ и пр. 6.).

⁵⁾ Есть-ли однако основаніе считать въ подобныхъ случаяхъ суфиксъ *ка* болѣе первичнымъ, чѣмъ *ко*?

Встрѣчающіеся изрѣдка на сѣверѣ случаи измѣненія *о* на *у* и обратно изрѣдка же встрѣчаются и въ восточномъ нарѣчій. Въ Мур. уѣздѣ можно слышать — Бу(о)городица (дер. Корниловка), ко(у)кушка (Зарѣченская сторона того же уѣзда); въ Ярослав. губ.: и — коковать и — куковать¹⁾. По аналогіи съ измѣненіемъ *о* на *у* есть случаи измѣненія *е* на *ю*. Знаю, впрочемъ, только одинъ относящійся сюда примѣръ: очю(с)нь (Зарѣч. стор. М. у.). Въ такой формѣ это слово мѣстами слышится и на сѣверѣ²⁾.

Не оправдывается, кажется мнѣ, и то положеніе Даля, по которому *е* въ восточномъ, по его термину, нарѣчій произносится чаще какъ *ё*, чѣмъ въ сѣверномъ. По моимъ наблюденіямъ, во владимірской губерніи (за исключеніемъ муромскаго уѣзда) такое превращеніе *е* встрѣчается не чаще, чѣмъ, на примѣръ, въ новгородской.

Тѣмъ не менѣе, число случаевъ съ *ё* вм. *е*, какъ во владимірской такъ и въ ярославской губ., — огромно.

Случаи эти тѣже, что на сѣверѣ. Даже кругъ словъ съ корневымъ *ё* вм. *е* — тотъ-же, или почти тотъ же. Привожу въ доказательство сказаннаго рядъ словъ, записанныхъ въ муромскомъ, судогодскомъ и переславскомъ уѣздахъ: бѣда, бѣдрó, бѣрѣгъ; вѣшка (вѣха), вѣрста, вѣшной, вылѣтáтъ; дѣржит; ѣда, ёво; нѣсла; óтпѣхнуть; пѣсок; рѣка; сѣло, слѣза, сѣстра.

Слѣдовательно, не только *ё* изъ основнаго *е*, но и изъ *е*, смѣнившаго *ь*. Случаевъ послѣдняго рода въ ярославской губ. не знаю.

Излишне было бы приводить здѣсь нѣкѣ извѣстные мнѣ — по личнымъ наблюденіямъ и полученнымъ отъ вышеозначенныхъ лицъ сообщеніямъ — случаи перехода некореннаго *е* въ *ё*. Ограничусь

¹⁾ Въ одномъ изъ экземплярѣ программъ, пересланныхъ мнѣ г. Шнееромъ, при рубрицѣ *о—у* приведены слова: ну(ой)демъ, у(о)кунисъ, у(о)городи. Самъ я нигдѣ такихъ случаевъ не встрѣтилъ, и не знаю, какой именно мѣстности губерніи принадлежатъ они.

²⁾ Въ Кижахъ олонецкой г. См. Сборникъ Гильфердинга стр. 471.

общимъ замѣчаніемъ, что на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ¹⁾ примѣры могутъ быть приведены²⁾. Иногда и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, *е* остается при своемъ звукѣ, не переходя въ *о* (ѣ), при условіяхъ, которыя въ южно-великорусскомъ неизбѣжно вызвали бы такое превращеніе. Въ ярославской губ. я не встрѣтилъ такихъ случаевъ, но во владимірской (въ переславскомъ и владимірскомъ уѣздахъ) слышалъ: далѣско, черненькой, тѣпленькой.

Въ шуйскомъ уѣздѣ слышалъ я — сожгомъ вм. сожгѣмъ. Въ губерніяхъ, о которыхъ я говорю теперь, — это единственный извѣстный мнѣ случай явленія, которое нерѣдко встрѣчается въ говорѣ Вятчанъ. Я былъ, слѣдовательно, не совсѣмъ правъ, посмотрѣвши на формы, подобныя — росѣкомъ, переволокомъ и т. п., какъ на специально вятскую особенность³⁾. Вѣрно однако то, что подобныя звуковыя формы чрезвычайная рѣдкость во всѣхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ, за исключеніемъ вятскаго, по чему и могутъ быть признаны характерной чертой говора Вятчанъ.

Начальное *е* обращается въ восточномъ нарѣчій, какъ и на сѣверѣ, въ однихъ случаяхъ въ *йо*, въ другихъ въ *о*.

Древняя форма — *оше* = *еще* слышится мѣстами въ ярославской губ. (романовскій уѣздъ); во владимірской я ее не встрѣтилъ.

Превращеніе начального *е* въ *о* и *йо* (*йово* = *ево* и т. п.) въ оказуемъ нарѣчій совершается независимо отъ ударенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, чѣмъ условливается измѣненіе *е* и разность этого измѣненія (*о* и *йо*)?

Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что дѣйствующая причина явле-

¹⁾ Стр. 6—8 отдѣльнаго оттиска программы; стр. 100—102 отд. оттиски первыхъ двухъ отчетовъ моихъ.

²⁾ Конечно, если взять въ расчетъ различные говоры владимірской и ярославской губ. (исключая однако пошехонскій и ситскій послѣдней, которые я не имѣю въ виду).

³⁾ См. 3-й отчетъ мой: Вятскій край. Въ олонекской губ. (Кигли) есть, какъ видно изъ сборн. Рыбникова (I. 70), форма — бодрущъ бѣдру (Матеріалъ 23). Сюда же слѣдуетъ отнести и формы съ *со* вмѣсто *ся* черезъ *се* — *сѣ*. См. Матеріалъ 22.

нія въ обоихъ случаяхъ одна: стремленіе языка избѣжать начальнаго *е*. Это стремленіе породило въ древне-русскомъ рядъ словъ съ начальнымъ *о* вм. *е*. Разумѣю здѣсь не такіе случаи, какъ обще-русскія формы — олень и под., а такіе какъ сѣверно-великорусскія — още, Олена и т. д.¹⁾ Эти формы и подобныя имъ предполагають, по моему мнѣнію, не формы — ище, Ёлена (йеще, Йелена), а формы еще, Елена, т. е. формы съ четвѣрымъ не йотованнымъ *е*. Тѣ слова, въ началѣ которыхъ *е* а не *е* (ево и т. п.), даютъ формы съ *йо*, а не *о* (йово-ёно). Форма ищо (йещо), являющаяся при още, не предполагается послѣднею и не противорѣчитъ сказанному: мѣстами въ окающемъ нарѣчїи сохраняется и нейотованное начальное *е*. Къ отмѣченнымъ уже случаямъ такого рода²⁾ могу теперь добавить — муромское ещо (эщо) и (по сообщенію) кологривское — если (эсли).

е на *и* измѣняется рѣдко какъ и на сѣверѣ. Вообще можно сказать, что въ восточномъ, какъ и въ сѣверномъ нарѣчїи, гласные звуки отличаются несравненно болышею устойчивостью, чѣмъ въ южномъ.

Словъ съ *е* вм. *и* я въ восточномъ не слышалъ вовсе³⁾. Что такое измѣненіе спорадически встрѣчается и здѣсь, можно заключить изъ прилагаемой сказки. Въ ней вм. барин — барен⁴⁾ вм. поставил — поставел, вм. положил — положел. Форма — гнѣт

1) Быть можетъ такія формы (какъ и формы съ начальнымъ *о* вм. *а*) составляли нѣкогда принадлежность всего русскаго языка. Южно-великорусск. Алѣна не могло явиться непосредственно изъ Елена, а предполагаетъ посредствующую форму Олена; ищѣ — южно-велико-русское, являющееся и на сѣверѣ на ряду съ още, быть можетъ явилось изъ послѣдней формы, черезъ позднѣйшую йотацию *о* и видоизмѣненіе этого послѣдняго подъ вліяніемъ йота. Ср. сказанное въ первомъ отчетѣ о формахъ, подобныхъ — Ёзеро, Ёднн.

2) См. 3-й отчетъ.

3) Формы, подобныхъ — на лошади, к матерѣ (яросл. г.) не беру въ расчетъ: онѣ представляютъ собою, безъ сомнѣнія, не фонетическое, а формальное явленіе.

4) Ср. псковское воен. вм. воин. (Шейнъ, Русскія народныя пѣсни 551).

вм. гнѣт (Зарѣч. ст. м. у.) быть можетъ должна быть объясняема уподобленіемъ звуковъ.

Формы съ *ей* вм. *йй*, свойственныя сѣверу, нерѣдко встрѣчаются и здѣсь. Чаше такое измѣненіе имѣетъ мѣсто въ собственныхъ именахъ Василей и т. п.; рѣже въ прилагательныхъ, въ которыхъ *е* большею частію слышится не вполне ясно¹⁾.

Вмѣсто *ый* я вездѣ слышалъ *ой* независимо отъ ударенія: тихой и т. п.

Въ срединѣ словъ *и* переходитъ въ *о* только въ словѣ *нонѣ*, какъ въ древне-русскомъ и современномъ сѣверно-великорусскомъ.

и им. *у* только въ словахъ — бытто, слыхъ, слѣдовательно опять таки въ тѣхъ же случаяхъ, что и на сѣверѣ.

О мѣнѣ *и* съ *и* сказано ниже.

Второй признакъ, отличающій восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго по Далю слѣдующій: «никогда не произносятъ (въ восточномъ нарѣчій) *и* вм. *н*, ниже *я* вм. *е*, ни на оборотъ». (О нарѣчійхъ 33).

Измѣненіе *е* на *я*, какъ извѣстно, на столько же не свойственно окающему нарѣчію, какъ и смѣна *о* на *а*. Вѣроятно Даль разумѣетъ здѣсь такіе случаи, какъ имянинникъ, сѣмяна и т. п., но это явленіе, имѣющее мѣсто и въ восточномъ нарѣчій, не принадлежитъ, по моему мнѣнію къ области фонетики, а объясняются народною этимологіей²⁾.

Обратное явленіе *е* вм. *я* есть такъ называемое перегласование, о которомъ — ниже.

Смѣна *н* на *и* считается обыкновенно одною изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ сѣверной или новгородской фонетики. Если бы дѣйствительно оказалось, что восточному или владимірско-суздальскому нарѣчію смѣна эта вполне чужда, слѣдовало бы признать его относительную особность отъ сѣвернаго, уже въ силу

¹⁾ Ср. замѣчаніе объ этомъ звуковомъ явленіи во 2-мъ отчетѣ стр. 120.

²⁾ См. Матеріаль стр. 41.

отсутствія въ немъ одной только этой черты. Но оказывается, что спорадическіе случаи смѣны *н* на *и* встрѣчаются и здѣсь. Нельзя не вспомнить при этомъ, что и въ новгородскомъ нарѣчій лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ новгородской губ. выдерживается эта смѣна, какъ болѣе или менѣе постоянное явленіе; затѣмъ, въ большей части мѣстностей этой губ. и всѣхъ другихъ, отчисляемыхъ къ сѣверному нарѣчію *и* вм. *н* является лишь изрѣдка, въ ограниченномъ кругу словъ, нерѣдко въ двухъ только: *исть* и *издѣть*¹⁾.

Спорадическіе случаи измѣненія *н* на *и* въ восточномъ нарѣчій отмѣчаетъ и Даль, опредѣляя признаки говоровъ по уѣздамъ.

Во владимірской губ. онъ указываетъ на ковровское: засмотрился. Глаголь *смотреть* я слышалъ въ формѣ *смотреть* (посмотрить, до-смотреть) не только въ ковровскомъ, но и въ уѣздахъ владимірскомъ (къ югу отъ Владиміра) и судогодскомъ (вблизи Судогды). Въ последнемъ (деревня Сойма) слышалъ я, сверхъ того, *поисти* (*пойисти* = *поѣсть*)²⁾. Въ ростовскомъ у., яросл. г., мѣстами *ѣсть* = *исъ* (но, какъ и въ судогодскомъ владим. г., на сколько знаю, — *ѣздить*, а не *издѣть*). Тамъ же изрѣдка слышится, свойственно сѣверу, *здѣсь* вм. *здѣсь* (здесь). Въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій *и* вм. *н* я нигдѣ не слышалъ ни во владимірской ни въ ярославской губ. Не встрѣтилъ ни въ той, ни въ другой и смѣны кореннаго *н* на *и*³⁾.

1) См. 1-й отчетъ.

2) Тамъ же, вѣроятно, по аналогіи съ *исть* = *ѣсть*, и *есть* (3 л. н. пр. глагола *быти*) произносится почти какъ *исть*.

3) Весьма однако вѣроятно, что при большемъ знакомствѣ съ краемъ отыскались бы и такіе случаи. Мени увѣрили, что въ судогодскомъ уѣздѣ можно слышать мѣстами (но, гдѣ именно, указано не было) — *писня*. Въ виду меленковского *хлебъ*, приводимаго Далемъ (О нарѣчіяхъ 36), можно придать вѣроятность этому сообщенію. Въ одной изъ программъ, доставленныхъ мнѣ г. Шпееромъ, есть слѣдующій примѣтъ: «*мѣстностями* (въ яросл. г.) выдерживается измѣненіе *н* на *и* почти постоянно: недѣля, мѣсто, медвѣдь, беда, сивер, звирь, свит и пр.». Понятно, что такимъ неопредѣленнымъ сообщеніемъ воспользоваться нельзя. Самъ я такихъ мѣстностей не встрѣтилъ, и ни отъ кого о нихъ не слышалъ. Справка по этому поводу будетъ наведена.

Въ селѣ Карочаровѣ слышалъ — сивер. Но — не лишнее будетъ при этомъ замѣтить — и въ области южно-великорусскаго можно слышать мѣстами сиверко (по однако же — сѣвер)¹⁾.

Въ костромской губ. случаи смѣны *ъ* на *и* чаще, чѣмъ въ двухъ вышеназванныхъ. Даль говоритъ, что «гдѣ окажутъ, тамъ (въ костромской губ.) смѣняютъ въ глаголахъ *ъ* на *и*». (О нарѣчійхъ 38). Но кромѣ тематическаго *ъ* глаголовъ, встрѣчается эта смѣна и въ корняхъ словъ. Случаи этой смѣны представляютъ не только сѣверные уѣзды, пограничные съ вологодской губ., и восточные (ветлужскій, варнавинскій), по говору, какъ кажется, примыкающіе къ Вяткѣ, но и пограничный съ ярославской губ. костромской уѣздъ²⁾.

Свойственное сѣверу *яе* вм. *те* въ окончаніи сравнительной степени прилагательныхъ, оказывается не чуждымъ и восточному нарѣчію. Во владимірской губ. такихъ формъ я не встрѣтилъ; въ ярославской мѣстами онѣ слышатся: свѣтляе, бѣляе, тепляе — говорятъ въ юго-восточномъ углу ярославскаго уѣзда, вѣроятно и еще гдѣ либо.

«Никогда, говоритъ Даль, буквы *у*, *в* не замѣняются (въ восточномъ нарѣчій) одна другою, какъ въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчій». (О нарѣчійхъ 34).

Это справедливо³⁾. Но и въ новгородскомъ видѣ нарѣчій смѣна *у* и *в* такое рѣдкое явленіе, свойственно столь немногимъ мѣстностямъ и столь немногимъ словамъ, что конечно отнюдь не можетъ считаться характерною для него чертою.

Остальныя звуковыя черты, указанныя Далемъ, какъ отличительныя для сѣвера и востока, относятся къ области соглас-

¹⁾ Слыхалъ часто въ курской губ., при томъ тамъ, гдѣ нельзя предполагать малорусскаго вліянія. У Дали при формѣ сиверко (въ Словарѣ) указано только на *сива* и *воси*.

²⁾ Деревни: Саметь, Шунга, Мизкое.

³⁾ Не принимаю въ расчетъ сообщенной мнѣ формы *вдарил*, которая слышится въ Стародубѣ (мур. у.). На говоръ Стародубья могло въ этомъ случаѣ оказать свое вліяніе южно-великорусское (ризанское) нарѣчіе.

ныхъ звуковъ. Прежде чѣмъ перейти къ нимъ, сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній о гласныхъ.

Формы *стораго* полногласія (столоб, верѣх, смерѣтушка) и т. п., — одна изъ отличительныхъ чертъ сѣверной фонетики.

Такихъ формъ въ восточномъ, на сколько знаю, нѣтъ. Исключеніе—вышеприведенное муромское молонья, встрѣчающееся и въ романовскомъ уѣздѣ ярославской губ.

Изъ словъ перваго полногласія, не встрѣчающихся на югѣ Россіи по свойственныхъ сѣверу, въ тѣхъ же двухъ уѣздахъ слышится мѣстами: оболоко, оболокоться (мур. у.), вередить (ром. у.).

Изрѣдка встрѣчающееся на сѣверѣ сокращеніе полногласныхъ формъ *оро* и *оло* въ *ро* и *ло*¹⁾ — въ восточномъ мѣста, кажется, не имѣетъ.

Случаевъ глухаго произношенія *е* и *и*²⁾ не встрѣтилось; не могу привести ни одного примѣра и съ гласнымъ чистымъ на мѣстѣ древняго глухаго въ концѣ словъ³⁾.

Вмѣсто формъ ржаной, льняной (рѣж—, льн—) слышится (въ судогодскомъ уѣздѣ) — рожаной, ленная, съ постояннымъ *о*, *е* на мѣстѣ древняго глухаго.

Стяженіе гласныхъ (отдѣлат = отдѣласт, знан = знаешь) чаще слышалось мѣ въ ярославской губ., чѣмъ во владимірской; въ послѣдней чаще въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ, чѣмъ въ другихъ.

Опускаются гласные звуки не рѣдко, — чаще въ началѣ (Лексѣй вм. Олексѣй, мепины вм. именины), рѣже въ срединѣ словъ: плит вм. палит (мур. у.).

Есть случаи встанокъ гласнаго звука, условленныхъ группою согласныхъ: искры, скворецъ (іѣ.; въ другихъ мѣстностяхъ не слышалъ).

¹⁾ См. Матеріалъ и пр. стр. 7 и первые три отчета мои.

²⁾ См. второй и третій отчеты.

³⁾ Разумѣю здѣсь случаи, подобные отмѣченнымъ въ «Матеріалѣ» и пр. на стр. 17—20.

Случаевъ перегласованія во владимірско-суздальскомъ и ярославскомъ краяхъ меньше чѣмъ на сѣверѣ: *е* вм. *а* слышалъ я только послѣ йота и — изрѣдка — послѣ шишащихъ.

Обращаюсь къ замѣчаніямъ Дали касательно особенностей согласныхъ звуковъ въ восточномъ нарѣчіи.

«Буква *з* произносится твердо, никогда не обращаясь въ придыханіе». (О нарѣчіяхъ 33).

Но-тоже и на сѣверѣ... Впрочемъ нельзя сказать, что *з* никогда не произносится какъ *h*. Въ очень немногихъ словахъ такое произношеніе встрѣчается и на сѣверѣ и на востокѣ¹⁾.

«Въ окончаніи прилагательныхъ *аю*, *яю*, *ею* произносятся *е* вм. *з*, но не по московски, а съ оканьемъ» (ibid.). Но — какъ извѣстно — тоже самое по всему сѣверу. Ни въ новгородской, ни въ вятской, ни — даже — въ олонцкой я не слышалъ *з* въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. рода. Въ послѣдней мѣстамъ *з* въ этой формѣ сохраняется²⁾, но и въ немногихъ мѣстностяхъ тѣхъ губерній, которыя относитъ Даль къ восточному нарѣчію, можно слышать *аю*, *ею*, какъ то видно изъ его же статьи³⁾.

«Дзеканье, свойственное сплошь западному говору и перешедшее мѣстами въ сѣверное, нигдѣ не встрѣчается въ томъ же видѣ въ нарѣчіи восточномъ» (ibid.).

По дзеканью слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать исключительно западно-русскою принадлежностью; оно на столько же несвойственно восточному нарѣчію, на сколько и сѣверному⁴⁾.

¹⁾ См. третій отчетъ. Въ казанской губ. *з* почти какъ *h* произносится въ словѣ богатый.

²⁾ Гдѣ именно, Даль неопредѣляетъ (О нарѣчіяхъ 31). Въ сборникѣ онежскихъ былинъ Гильфердинга и *аю*, *аю* и *аво*, *аво*. Тоже и у Рыбникова. См. Матеріалъ. 42—3.

³⁾ О нарѣчіяхъ 38. Въ Судогдѣ на ярмаркѣ, толкаясь межъ народомъ, я слышалъ, между прочимъ, отчетливое *з* въ формѣ *чего*. Но мнѣ осталось неизвѣстнымъ, изъ какой мѣстности лицо, такъ зговорившее. Вообще замѣчу, что наблюденія надъ языкомъ народа въ сборныхъ пунктахъ очень надежны.

⁴⁾ См. первый отчетъ мой. Стр. 2 и 21. — Жители дзекующихъ мѣстностей

«Никогда не замѣняютъ буквѣ *ѣ*, *е* буквами *х*, *хе*, ниже на оборотъ, какъ въ рязанскомъ и мѣстами въ новгородскомъ нарѣчій» (ibid. 34).

И въ новгородскомъ такая смѣна — рѣдкость; рѣдкость она и во владимірскомъ. Но и въ послѣднемъ можно однако отмѣтить нѣкоторые, сюда относящіеся случаи. Такъ въ муромскомъ уѣздѣ слышится мѣстами — Хавронья, Хевраль (дер. Корниловка), куфарка, куфия (Муромъ и его окрестности). Слѣдовательно, вм. *ѣ* иногда является *х* и вм. *х* — *ѣ*; *хе* вм. *ѣ* нигдѣ мнѣ не встрѣтилось.

«Частица *что* всюду на востокѣ произносится *што*» (ibid.).

Это вѣрно. Но вѣдь и на сѣверѣ *што* является господствующею формой. Съ другой стороны, *що* и *ште*, свойственное нѣкоторымъ мѣстностямъ сѣвера, не составляетъ его исключительной принадлежности, встрѣчался кое гдѣ и въ области южно-великорусскаго нарѣчія¹⁾.

Я коснулся всѣхъ выставленныхъ Далемъ *отличительныхъ* признаковъ восточнаго нарѣчія, по сравненію его съ сѣвернымъ. Вмѣсто ожидаемой разности, оказалось между тѣмъ и другимъ сходство, доходящее почти до тождества.

Повторяются въ восточномъ и другія черты, свойственныя согласнымъ звукамъ сѣвера.

Такъ отвердѣніе однихъ согласныхъ и умягченіе другихъ — явленіе, столь не рѣдкое на сѣверѣ²⁾ — встрѣчается, хотя и не часто, и въ восточномъ нарѣчій.

И въ ярославской и во владимірской губерніяхъ вмѣсто — прежней, утреннее, поздняя, спальня, простыня — слышится мѣ-

стей тверской губерніи — очевидно бѣлорусскаго происхожденія. Во владимірской губ. и дѣканія нигдѣ не встрѣтилъ, хотя, по Далю, оно встрѣчается въ ней «на весьма ограниченной мѣстности» (О нарѣчійхъ 33), именно въ судогодскомъ и визиниковскомъ уѣздахъ (ibid. 36). Въ ярославской, какъ извѣстно, дѣкаютъ только ситакри.

²⁾ Потебня. Два изслѣдованія 70.

¹⁾ См. «Матеріалъ» и первые три отчета.

стами: прежней, утреннее, поздняя, спальна, простина. Т. е. *вм. н-ей* и *пр. н-ый* и *пр.*; *вм. ня* (п'а) — *на*.

Губные въ концѣ словъ большею частью мягки въ обѣихъ губерніяхъ: *корабѣ*, *рунѣ* (рубль), *кровь*, *оставѣ*.

Изрѣдка слышится въ концѣ словъ мягкое *н* *вм.* твердаго: *сернѣ*, *ястринѣ* (дер. Корниловка).

Вмѣсто польза — *пользя* (Зарѣч. сторона мур. у.; *ibid.* и — *польга*).

Вмѣсто дупло — *дуплѣ* (*ibid.*).

Въ противоположность этому послѣднему примѣру, представляющему умягченіе *л*, можно привести нѣсколько случаевъ отвердѣнія этого звука: *столарѣ*, *злуцан* (Корниловка), *петелка* (кажется, вездѣ на сѣверо-востокѣ).

Изрѣдка умягчается и отвердѣваетъ и другой плавный — *р*: *грыбы*, *крык* (въ обѣихъ губ.), но — *криса*, *царяпать*, *дряница* (Мур. у. Зарѣч. см.).

Имя города *Владимір* произносится въ болѣе древней формѣ, т. е. съ мягкимъ *р*: *Владимірь* — *Владиміря*.

Мягкаго *ц* не слышалъ я ни во владимірской, ни въ ярославской губ. ¹⁾.

Шипящія большею частью тверды. Формы, подобныя — *пошѣл* (Карачарово) слышатся очень рѣдко.

Во многихъ мѣстностяхъ *с*, въ нѣкоторыхъ *н* мягки передъ суффиксомъ прилагательныхъ *ск* (ьск): *деревеньской*, *французская рубаха*, *спасьской монастырь* и т. п. Такія формы слышалъ я въ переяславскомъ, юрьевскомъ, суздальскомъ и муромскомъ уѣздахъ. Въ каждомъ — мѣстами. Въ ярославской губ. такихъ случаевъ мнѣ не встрѣтилось.

Гдѣ въ означенномъ случаѣ *с* произносится мягко, тамъ предшествующее ему *о* почти не слышится, какъ и на сѣверѣ ²⁾.

¹⁾ Суздальскій уѣздъ теченіемъ рѣки Нерли раздѣляется на двѣ части: лѣсную и опольную. Мнѣ говорили, что въ первой мѣстами слышится мягкое *ц*.

²⁾ См. первый и третій отчеты.

Мягкаго *р* передъ суфиксомъ *ск* я не слышалъ¹⁾.

Ѣ древняго суффикса *ѣи* (коньць — коньци и т. п.) въ рѣчи ярославцевъ и владимірцевъ исчезъ безслѣдно, равно какъ и Ѣ суффикса *ѣство*: вездѣ слышалъ я — конца, царство, а не — коньца, царьство.

Смѣшеніе согласныхъ, ихъ взаимная мѣна, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ восточнаго нарѣчія, замѣчается такъ же часто, какъ и на сѣверѣ.

Случаи смѣшенія разнообразны.

Привожу для примѣра нѣкоторые, относящіеся къ муромскому уѣзду.

б вм. *п*: сабоги, сабожник (вблизи Мурома).

в вм. *б*: волшебница (Корниловка).

м вм. *в*: мнук (дер. Иванищи).

м вм. *н*: мырять (Муромъ и его окрестности).

ф вм. *х* и *х* вм. *в* (см. выше).

т вм. *д*: гатит.

т вм. *к*: трахмал.

х вм. *к*: балхон.

з вм. *к*: ежовига, клушница.

л вм. *н*: поледѣльник (село Озябликовскій погостъ).

й вм. *з*: рай (вм. разъ, — сокращенное развѣ).

с вм. *ц*: свѣты.

с вм. *ш*: салан (Озябл. погостъ).

ш вм. *с*: ошмѣлился (дер. Пестенькино).

Почти всѣмъ приведеннымъ примѣрамъ находятся соотвѣтствующіе въ сѣверномъ нарѣчіи.

Наконецъ, и та звуковая черта, которая считается одною изъ характеристикъ чертъ фонетики этого послѣдняго — мѣна *ч* и *ц* — имѣетъ мѣсто и въ восточномъ нарѣчіи.

Въ ярославской губ., за исключеніемъ Ситчины и Пошехонья,

¹⁾ Ср. сказанное во 2-мъ и 3-мъ отчетахъ о мягкости *н*, *р*, *с* передъ суфиксомъ *ск*.

нигдѣ не цокають и не чакають; но во владимірской, какъ видно и изъ статьи Дали о нарѣчїихъ, цоканье встрѣчается не рѣдко; мѣстами же слышно и *и* вм. *и*.

Несомнѣнно, что явленія цоканья и чаканья охватываютъ въ предѣлахъ сѣвернаго нарѣчїа большія пространства, встрѣчаются чаще, чѣмъ въ восточномъ. Но для вопроса объ отнотеніи рѣчи края, о которомъ говорю, къ рѣчи сѣверныхъ губерній важно во первыхъ то, что и въ немъ *есть* эта звуковая мѣна, во вторыхъ то, что она далеко *не повсемѣстна* и въ сѣверномъ нарѣчїи.

Смѣна *и* на *и* встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ обратная.

Я чакающихъ селеній во владимірской губ. не встрѣтилъ вовсе, но не сомнѣваюсь, что такія селенія есть, хотя ихъ и немного¹⁾.

Цокающія села и деревни я встрѣчалъ въ уѣздахъ: переславскомъ, юрьевскомъ, суздальскомъ, владимірскомъ, ковровскомъ и муромскомъ.

Цоканье въ ярославской губ. заключено въ опредѣленные границы, свойственно лишь извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ ли во владимірской? Замкнуто ли и въ послѣдней цоканье въ извѣстные предѣлы, идетъ ли оно и въ ней сплошною полосой, или проявляется разбросанно? Рѣшеніе этого вопроса я считалъ (и считаю) важнымъ, но — не смотря на двукратную поѣздку мою во владимірскую губернію — не могу отвѣтить на него съ увѣренностью.

Этотъ вопросъ есть вопросъ о естественныхъ границахъ говоровъ, принадлежитъ, слѣдовательно къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ дается лишь продолжительнымъ пребываніемъ въ краѣ, долгимъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ нимъ.

Впрочемъ, я думаю, что даже и за тотъ промежутокъ времени, который я употребилъ на разъѣзды по владимірской губер-

¹⁾ По Далию — въ гороховскомъ и вязниковскомъ уѣздахъ. Въ этихъ уѣздахъ я не останавливался. По сообщенію гг. Добрынкиныхъ *и* на *и* смѣняется въ сѣверо-восточной части меленковского уѣзда: дер. Мичково и нѣкоторыя другія. Тамъ я тоже не былъ.

ніи, можно бы было опредѣлить, хотя мѣстами, топографію говоровъ въ ея предѣлахъ, если бы только развѣзды эти производились по плану, составленному на основаніи указаній мѣстныхъ жителей. Но — если гдѣ и случалось получать эти указанія — онѣ были такого рода, что я не могъ придать имъ ни вѣры ни цѣны¹⁾.

На сколько могу положиться на свои наблюденія, цоканье во владимірской губ. не имѣетъ естественныхъ границъ²⁾. Проѣзжая отъ Переяслави въ Суздаль, черезъ Юрьевъ, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, встрѣчалъ цоканющія селенія, но на ряду съ ними и чистый говоръ.

Не останавливаясь на другихъ явленіяхъ въ области согласныхъ звуковъ ярославско-владимірскаго края, замѣчу вообще, что имѣющее мѣсто на сѣверѣ большею частію повторяется и здѣсь, и наоборотъ. Такъ — для примѣра — и здѣсь, какъ и на сѣверѣ не терпится сочетаніе *ст* въ концѣ словъ (хвос, трось, рѣчис, сѣсь вм. хвост, трость, рѣчист, сѣсть — часто слышится въ ярославской губ.); нерѣдко вынадеаетъ *й* (да'ка, подѣм вм. дай-ка, пойдемъ — мур. и судог. уѣзды), *и* (съ йим — сузд. у.), начальное *с* передъ *т* ((с)только, (с)тунай — муром. у.); *и* въ род. пад. мѣст. 2 лица и возвратнаго (тея, сея вм. теби, себи мур и судог. у.) и пр.

¹⁾ Въ образецъ того, какъ надежны такіа указанія, приведу слѣдующій примѣръ. Въ Суздальи Владиміръ я разспрашивалъ лицъ, знакомыхъ съ краемъ, о мѣстностяхъ смѣняющихся ч на и въ суздальскомъ уѣздѣ. По словамъ однихъ, слѣдовало искать такіа мѣстности къ сѣверо-востоку отъ Суздаля, по направленію къ Шуѣ, по словамъ другихъ — къ юго-западу. И это не значило, что тамъ и тамъ, а или тамъ, или тамъ...

²⁾ Кажется, ковровскій уѣздъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе: если не ошибаюсь, Клязьма раздѣляетъ говоры нъ этомъ уѣздѣ: на правомъ берегу ея цоканютъ, на лѣвомъ говорятъ чище. Населеніе лѣваго берега, кажется, однородно съ шуевскимъ; населеніе праваго сближается съ муромскимъ и судогодскимъ. Замѣчательно, что Ока не раздѣляетъ говоровъ: цоканющія селенія въ муромскомъ уѣздѣ встрѣчаются по обоимъ берегамъ ея. Такъ теперь, но вѣроятно не такъ было прежде.

И относительно *ударений* восточное нарѣчіе сходится съ сѣвернымъ.

Приведу нѣкоторые примѣры постановки ударенія во владимірской и ярославской губ.:

слѣбѣда, Мур. у.;

платьѣ *ibid.* (собир. значеніе. Ср. новгородское — братьѣ и т. п.);

яблонѣй *ib.*;

вѣрста, но — двѣ вѣрсты переясл. у.;

дѣо гор. Муромъ;

лѣгѣок Люб. у.;

бѣольшѣя сестра Мур. у.;

кажѣйной день Сузд. у.;

ѣдут (кажется, вездѣ въ восточныхъ губерніяхъ);

ѣкать
вѣпить
пѣзвал } Мур. у.;

пѣложил *ib.*, но *ibid.* — предположил;

обрѣбѣла Алекс. у.;

спѣтѣ Яр. у.;

бѣпасно Сузд. у.;

высѣоко Люб. у.;

далѣоко Переясл. у.;

волѣковато (долго, продолжительно) Судог. у.;

Не рѣдко, какъ видно и изъ этихъ немногихъ примѣровъ, удареніе переносится съ корня слова на предлогъ, управляющій именемъ, или сложный съ глаголомъ.

И со стороны *формъ*, по мнѣнію Даля, восточное нарѣчіе является обособленнымъ отрицательными признаками. Три та-

кихъ признака выставлено имъ. Одинъ изъ нихъ долженъ быть устраненъ, такъ какъ разграничиваетъ восточное нарѣчіе отъ южнаго, а не сѣвернаго¹⁾. Остальными двумя восточное противопоставляется новгородскому.

«Никогда не откидываютъ въ 3 л. глаголовъ окончанія *тъ*». (О нар. 34).

Кажется, это вѣрно. Миѣ говорили, что въ суздальскомъ уѣздѣ «кое гдѣ» слышится 3 л. глаголовъ наст. врем. безъ личнаго признака. Но я такихъ формъ не встрѣтилъ ни въ этомъ уѣздѣ, ни въ другихъ владимірской и ярославской губ.²⁾

«Обычно не замѣняютъ одинъ другимъ творительные и дательные падежи множественнаго числа, ни *родительный и предложный средняго рода единственнаго числа* (но гдѣ же есть такая смѣна?), ни, наконецъ, именительный женскаго рода единственнаго числа не употребляютъ вмѣсто винительнаго» (ibid.).

Послѣдней черты дѣйствительно нѣтъ въ восточномъ; но она свойственна и не всему сѣверу³⁾.

Что касается до мѣны дательнаго и творительнаго, то она встрѣчается и въ восточномъ, хотя и гораздо рѣже чѣмъ въ сѣверномъ. И здѣсь, какъ и на сѣверѣ дательный вм. творительнаго слышится чаще, чѣмъ обратное явленіе, но и это послѣднее кое гдѣ встрѣчается.

Въ извѣстныхъ миѣ мѣстностяхъ владимірской губ. я этой мѣны не замѣтилъ⁴⁾; въ ярославской дательный вм. творительнаго (с вам, ходить за ягодам) — въ ростовскомъ и ярославскомъ

¹⁾ Третье лицо глаголовъ оканчиваютъ твердо, какъ въ сѣверномъ (О нарѣчіяхъ 38).

²⁾ Этимъ я не хочу сказать, что формъ съ опущеніемъ *т* (ъ) вовсе нѣтъ въ восточномъ нарѣчіи: я познакомился съ краемъ, на сколько позволяло время и другія условія.

³⁾ См. третій отчетъ мой.

⁴⁾ По Далю дат. вм. твор. употребляютъ во влад. губ. въ уѣздахъ — гороховецкомъ и (судя по примѣру: «приглашаютъ сосѣдку со всѣми дочерьми») — въ муromскомъ. Въ первомъ я не останавливался; въ послѣднемъ этой смѣны не слышалъ.

уѣздахъ; творительный вмѣсто дательнаго (лошадь бѣгаетъ по грядамъ) — въ сѣверо-восточной части ростовскаго уѣзда¹⁾.

Тѣхъ архаическихъ формъ, которыя мѣстами встрѣчаются въ сѣверномъ нарѣчii²⁾, въ краѣ о которомъ говорю, я не встрѣтилъ.

Нерѣдко въ ярославской и владимірской губ. (чаще въ послѣдней) слышится краткая форма вмѣсто полной въ именительномъ единственнаго: дѣбро село, краснѣ село (но — новое село), жидко мѣсто (сузд. у.), тѣмна ночь, другѣ сестра, пинци (мур. у.).

Ударенiя въ подобныхъ случаяхъ показываютъ, что эти краткiя формы не остатокъ древности, а позднѣйшiя сокращенiя полныхъ.

Изъ позднѣйшихъ формъ, не встрѣтившихся мнѣ въ сѣверныхъ губернiяхъ, замѣтилъ я лишь одну въ восточныхъ. Это употребленiе въ прилагательныхъ и мѣстоименiяхъ предложнаго падежа въ формѣ творительнаго: на бѣльшимъ (на большемъ), на любѣимъ мѣстѣ, вѣтимъ, сѣимъ. Эти и подобные имъ случаи мнѣ не разъ приходилось слышать въ губ.: тверской, ярославской, владимірской и казанской³⁾.

Въ рѣчи Муромцевъ слышится иногда отъ именъ на к(з) творительный множественнаго съ окончанiемъ ими *вм. ими*: столбикими.

Глагольныя формы во владимірско-ярославскомъ краѣ не представляютъ, на сколько знаю, никакихъ замѣчательныхъ особенностей⁴⁾.

¹⁾ Мѣта твор. на дательный, кажется, не есть исключительная принадлежность олонѣцкаго нарѣчiя. Она, если только можно въ настоящемъ случаѣ положиться на языкъ пѣсень, встрѣчается мѣстами и въ Бѣлоруссiи. См. въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ Шейна (1874.) стр. 233, 303, 310, 323, 322, 458, 485.

²⁾ Попр. накл. на *ти*, формы *даги* и *лси*, *ю* (вин. мѣст. 3 л. ж. р.) и пр. См. первые три отчета.

³⁾ Эта особенность имѣетъ мѣсто и въ южно-великорусскомъ. См. Шейна Бѣлорусскiя пѣсни стр. 328, 353, 367.

⁴⁾ Въ восточныхъ уѣздахъ костромской губернии встрѣчается будущее сложное: ему дѣлать и т. п.

Отмѣчу только одну форму глагола пѣть, поразившую меня сначала своею странностью. Въ муромскомъ и судогодскомъ уѣздахъ вмѣсто пѣл, пѣла говорятъ мѣстами пѣил, пѣила. Такъ я пишу эти формы, и не сомнѣваюсь что пишу правильно. Считаю невозможнымъ писать пемл, пемла и видѣть въ *си* слѣдъ прадавленной двугласности ѣ. Я не слыхалъ, къ сожалѣнію, формъ настоящаго времени отъ пѣть, но думаю, что онѣ должны быть — не пою, поешь, а пью, пьешь. Т. е., я считаю вѣрнымъ, что настоящее время этого глагола образовано по аналогіи съ формами его отъ глагола сѣять. Хотя прошедшее время и происходитъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, по аналогія могла коснуться и его¹⁾.

По отдѣламъ *словообразованія, синтаксиса и словаря* не могу сообщить на этотъ разъ, никакихъ особенностей.

Словъ, казавшихся мнѣ новыми, я за время разѣздовъ встрѣтилъ не мало. Изъ нихъ только слѣдующихъ пяти не оказалось въ словарѣ Даля и областномъ академическомъ.

Волоковато (Сдг. у.) — длинно, долго, медленно.

Опослины (Сзд. у.) — пиръ послѣ вѣнца²⁾. (Сбц.).

Послѣднее (Вл. и Юр. у.) = Опослины. (Сбц.).

Розгонная лапша (Вл. и Юр. у.) — послѣднее кушанье на свадебномъ пиру; послѣ него гости разѣзжаются. (Сбц.).

1) Не знаю есть ли такая форма прошедшаго времени въ южно-великорусскомъ, но указанныя формы настоящаго времени имѣютъ мѣсто и въ томъ и въ другомъ. См. въ Великорусскихъ пѣсняхъ Шейна стр. 11, 171, 226 и пр. Въ малорусскомъ подобныя формы встрѣчаются въ «казкахъ Ігнатія з Пикловичъ». См. Малорусскія народныя преданія и рассказы. Сводъ Драгоманова. Кіевъ. 1876.

2) Въ Суздаль и уѣздѣ, и также въ уѣздахъ юрьевскомъ и владимірскомъ, родственники невѣсты, въ особенности отецъ и мать ея, не бываютъ въ церкви при вѣнчаніи. Послѣ вѣнца ихъ приглашаютъ на пиръ, который и называется опослины или послѣднее (сбц.).

Солонины (Яр. г.) -- заговѣнье передъ Петровымъ постомъ.
(Сбщ. ¹⁾).

Въ предъидущемъ я нѣсколько отступилъ отъ того приѣма изложенія, котораго держался въ первыхъ трехъ своихъ отчетахъ. Это отступление условилось цѣлью, которую я имѣлъ какъ при составленіи настоящаго отчета, такъ и при разѣздахъ своихъ по владимірско-ярославскому краю. На цѣль эту выше уже указано.

Что же по отношенію къ вопросу, которымъ задавался я, даютъ вышеприведенные факты?

Точно ли есть — не восточное *нарѣчье* (о томъ и вопроса не было), а — восточное *поднарѣчье* окающаго нарѣчія?

Все сказанное выше ведетъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Никакихъ обособливающихъ это поднарѣчье признаковъ не оказывается.

Тождество языка ведетъ ли къ заключенію объ этнографическомъ тождествѣ населенія двухъ краевъ?

Не разъ высказано было у насъ мнѣніе, что лингвистическія изслѣдованія всего лучше могутъ послужить къ рѣшенію этнографическихъ вопросовъ. По сущности мнѣніе это вѣрно. Гдѣ есть русскій языкъ, — тамъ русская народность; гдѣ великорусское нарѣчье — тамъ великорусское племя и т. д.; т. е. родовыя и видовыя понятія общаго понятія *языкъ* будутъ находиться въ соотвѣтствіи съ родовыми и видовыми понятіями общаго понятія *народъ*. Но все это вѣрно лишь по отношенію къ *настоящему*. Корелы или вотяки, забывшіе свой языкъ и вполне усвоившіе себѣ русскій, уже въ силу того — русскіе, а не корелы, или во-

¹⁾ Слово это сообщено мнѣ вышеупомянутымъ г. Рагозинниковымъ, который съ большою, какъ мнѣ кажется, вѣроятностью ставитъ его въ связь не съ словомъ *солъ*, а съ словомъ *солнце*. См. его статью въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1865 г. № 27: «По поводу одного изъ слѣдовъ мифическихъ вѣрованій въ ярославскомъ провинціальномъ нарѣчій».

тяки. Но для племенной исторіи важно знать именно то, — привить ли языкъ населенію данной мѣстности, или онъ является его прирожденнымъ достояніемъ. Этотъ вопросъ *исторической этнографіи* лингвистическія изслѣдованія сами по себѣ порѣшить не могутъ. При рѣшеніи его, кромѣ данныхъ по языку, требуются еще иныя свѣдѣнія.

Можно утверждать, какъ видно изъ предыдущаго, что мѣстами во владимірскомъ (по Далю) нарѣчій повторяются черты новгородскаго, и это замѣчается не тамъ только, гдѣ то и другое нарѣчія географически соприкасаются, а нерѣдко и тамъ, гдѣ обоюднаго вліянія, взаимодѣйствія, или воздѣйствія одного на другое предположить нельзя.

Ярославская губернія имѣетъ въ большей части мѣстностей говоръ, близко подходящій къ тому, что въ звуковомъ и даже формальномъ отношеніи принято считать за норму великорускаго языка. Но и въ ней, — оставляя даже въ сторонѣ Ситкарей и Попехонцевъ, — сказываются мѣстами въ рѣчи населенія особенности, свойственныя новгородскому нарѣчію. Гораздо въ большей степени замѣчаются эти особенности во владимірской и костромской губ.

Встрѣчая въ той, другой и третьей населеніе съ чертами сѣвернаго говора, думаешь на трое: или населеніе такъ говорящее, есть остатокъ древнихъ новгородскихъ колонистовъ; или это позднѣйше выселенцы съ сѣвера; или это остатокъ племени, по рѣчи тождественнаго съ новгородскимъ. Чтобы порѣшить вопросъ такъ или иначе, прежде всего надо знать, на сколько давне населеніе въ извѣстной мѣстности, коренное оно или пришлое, и — если послѣднее, то откуда и когда пришло.

Было бы большою ошибкой построить какіе либо этнографическіе выводы на данныхъ языка, не выискавъ предварительно отвѣта на поставленные здѣсь вопросы. Лингвистическія данныя для этнографическихъ выводовъ нуждаются въ помощи исторіи, и безъ нея не приведутъ къ прочнымъ заключеніямъ. И важно въ этомъ случаѣ знать не давній только ходъ заселенія края, а

позднѣйшее движеніе населенія въ немѣ, въ него и изъ него. Гдѣ найти такого рода свѣдѣнія, я не знаю¹⁾.

Удерживаясь по этому отъ всякихъ этнографическихъ соображеній, я, на основаніи извѣстныхъ мнѣ вышеприведенныхъ данныхъ языка владимірско-ярославскаго края, дѣлаю лишь слѣдующій выводъ: *не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками.*

Это вѣрно, если взять въ расчетъ *всю сумму* тѣхъ вышеприведенныхъ чертъ языка, которыя встрѣчаются *разсѣянно* по владимірско-ярославскому краю. Если же (на что однако нѣтъ достаточныхъ основаній) и признать смѣну *ъ* на *и* и *ч* на *ц* исконной отличительной чертой новгородскаго нарѣчія²⁾ и считать *и* = *ъ*, *ц* = *ч* заносными чертами во владимірское, — все таки послѣднее съ первымъ, какъ по звуковому такъ и по формальному строю, представляетъ одно цѣлое, противопоставляемое южно-великорусскому въ совокупности частей этого послѣдняго.

Сѣверо-восточное (окающее) нарѣчіе сохранило болѣе древности чѣмъ юго-западное (акающее). Послѣднее развило въ себѣ много такихъ чертъ, которыя древне-русскому были несвойственны. Самая яркая изъ этихъ чертъ — *аканье*.

Мы знаемъ приблизительно когда появилось оно, но не знаемъ, что именно его вызвало.

То обстоятельство, что *а* изъ *о* является подъ условіемъ неударяемости перваго, указываетъ, независимо отъ свидѣтельства памятниковъ, на относительно позднее возникновеніе этого явленія. Но, безъ сомнѣнія, эта звуковая особенность южно-великорусскаго стоитъ въ связи съ древними звуковыми свойствами

¹⁾ На сколько мнѣ извѣстно, у насъ нѣтъ такого научнаго труда, изъ котораго можно было бы извлечь такого рода свѣдѣнія. Списки населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи, къ сожалѣнію, не даютъ при перечнѣ мѣстностей никакихъ относительно ихъ историческихъ указаній.

²⁾ Смѣна *ч* на *ц* встрѣчается и въ области южно-великорусскаго нарѣчія, именно — мѣна эта есть и въ бѣлорусскомъ поднарѣчьи (а можетъ быть и еще гдѣ въ южной Руси): см. Бѣлорусскія пѣсни Шейна — стр. 132, 165, 179, 216, 452, 483. Мѣстами въ немѣ встрѣчается даже смѣна *ц* на *ч*. См. *ibid.* стр. 375.

рѣчи тѣхъ племень, среди которыхъ впослѣдствіи оно обнаружилось. Не климатическія же условія вызвали это превращеніе? Если *не*, то причина превращенія *о* въ *а* должна лежать въ общемъ строѣ фонетики древне-русскаго языка той полосы Россіи, гдѣ теперь акаютъ. Если же это такъ, то становится крайне сомнительнымъ, съ точки зрѣнія языка, допускаемое нѣкоторыми отождествленіе по племени Кривичей, потомки которыхъ акаютъ, съ Новгородцами, потомки которыхъ сохраняютъ неизмѣнно основное *о*...

Приведенныхъ выше данныхъ народной рѣчи я не могу на этотъ разъ, къ крайнему моему сожалѣнію, подкрѣпить приложеніемъ образцовъ народной рѣчи: мнѣ не удалось записать ни пѣсенъ, ни сказокъ.

Пѣсенъ по ссламъ и деревнямъ я слышалъ не мало, но ни одной такой, которая со стороны языка заслуживала бы вниманія. Да и со стороны содержанія все то, что я слышалъ, было повтореніемъ, или по крайней мѣрѣ близкимъ варьянтомъ, уже извѣстнаго въ печати.

Тоже долженъ сказать я и о сказкахъ. Неудача полная: именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ являлся для меня прямой интересъ записать сказку, я не слыхалъ ни одной.

Былевой поэзіи во владимірской и ярославской губерніяхъ я не встрѣтилъ и слѣдовъ. На родинѣ Ильи Муромца, въ селѣ Карачаровѣ, я не только не нашелъ пѣсенъ о немъ, но даже и такихъ преданій, которыя представляли бы какія либо новыя данныя.

Имя Ильи знакомо каждому Карачаровцу и Муромцу, но въ народѣ встрѣчаются уже лица, слившія въ одно смутное представленіе образъ Ильи богатыря и Ильи пророка¹⁾.

Карачаровцы знаютъ, что Илья до 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; былъ изцѣленъ калѣками; что помогъ своимъ родителямъ очистить лѣсъ, проявивъ при этой работѣ неожиданно для всѣхъ

свою богатырскую силу; знаютъ — наконецъ — объ ускокахъ его коня, но — и только.

Престарѣлый священникъ села Карачарова, живущій тамъ уже полстолѣтїя, говорилъ мнѣ, что прежде знали объ Ильѣ больше. Но изъ того, что онъ могъ припомнить, видно что и прежде, какъ и теперь, народъ ничего не зналъ о службѣ Ильи въ Кіевѣ, объ отношенїяхъ его къ Владиміру и о тѣхъ богатырскихъ подвигахъ, о которыхъ хранится столько былевыхъ пѣсенъ въ олоонецкомъ краѣ.

Припоминая слышанное имъ когда-то, карачаровскій священникъ сообщилъ мнѣ объ Ильѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Были у Ильи товарищи. Сидѣлъ опъ разъ съ ними на крутомъ берегу Оки. Видитъ — внизу наложены бревна. Кто, спрашиваетъ Илья у своихъ товарищей, можетъ перенести всѣ тѣ бревна на гору?. Никто не могъ. А Илья взялъ да и перетаскалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ и признали за нимъ богатырскую силу.

Это — ничтожный вариантъ къ извѣстной чищобѣ лѣса. Кажется, опъ не былъ нигдѣ напечатанъ. Все остальное, что слышалъ я въ Карачаровѣ объ Ильѣ Муромцѣ, не представляетъ ровно ничего новаго.

Историческихъ пѣсенъ нигдѣ не слышалъ. Надѣялся найти или пѣсни, или хоть преданіе объ Иванѣ Грозномъ въ г. Александровѣ и его окрестностяхъ. Но въ поискахъ своихъ здѣсь я былъ такъ же «счастливъ» какъ Шевыревъ, 30 лѣтъ тому назадъ²⁾...

1) На подорогѣ отъ Мурома въ Карачарово стоитъ среди поля, совершенно одиноко деревянная своеобразной постройки церковь (рисунокъ и описаніе ея г. Н. Добрынкина см. въ Ежегодникъ владимірскаго губернскаго статистическаго комитета за 1875 г.). Я спросилъ извозчика, который везъ меня, почему построена эта церковь на полѣ, вдали отъ села. Извозчикъ (горожанинъ, муромскій мѣщанинъ) объяснилъ мнѣ, что по этому полю проѣзжалъ когда то Илья пророкъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь церковь, конь Ильи ударилъ копытомъ, отъ чего проявился ключъ; надъ ключемъ и поставлена церковь. — Куда ѣхалъ Илья пророкъ, о томъ извозчикъ ничего не зналъ. На вопросъ мой — не рассказываютъ ли чего въ Муромѣ объ Ильѣ Муромцѣ, онъ отвѣчалъ: да потъ это же и есть Илья Муромецъ—Илья Пророкъ.

2) Поѣздка въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Часть I, стр. 46—7.

ЗАМѢТКИ О ЯЗЫКѢ И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ ВЪ ОБЛАСТИ СѢВЕРНО-ВЕЛИКОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

(Отчетъ М. А. Колосова Отдѣленію русскаго языка и словесности.)

5. Архангельская, Вологодская и Пермская губерніи.

Далекій сѣверо-востокъ оказался гораздо болѣе сочувственнымъ дѣлу науки, чѣмъ губерніи средней полосы.

Если въ IV моемъ отчетѣ я счелъ не лишнимъ заявить Отдѣленію, что, мѣстами, въ средней полосѣ Россіи встрѣтилъ полное равнодушіе къ научнымъ вопросамъ со стороны лицъ ученаго вѣдомства, то теперь — наоборотъ—я считаю пріятнымъ для себя долгомъ заявить, что на сѣверо-востокѣ нашлись люди того же вѣдомства, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесшіеся къ моему дѣлу и принявшіе на себя трудъ собрать и сообщить мнѣ цѣлый рядъ данныхъ, касающихся народнаго языка.

Въ вологодской и пермской губерніяхъ я оставался недолго; въ архангельской вовсе не былъ. Поэтому данныя народнаго языка послѣдней и большая часть относящихся къ первымъ двумъ, извлекаются мною изъ сообщеній, которыя обязательно сдѣлали мнѣ слѣдующія лица:

- 1) Преподаватель архангельской гимназіи И. М. Бѣлорусовъ,
- 2) Инспекторъ той же гимназіи г. Протопоповъ,

3) Директоръ вологодской гимназіи И. И. Красовъ,

4) Директоръ народныхъ училищъ вологодской губерніи Н. П. Левицкій,

5) Директоръ народныхъ училищъ пермской губ. г. Чоглоковъ. Особенно важны сообщенія гг. Бѣлорусова и Левицкаго.

Послѣдній препроводилъ мнѣ экземпляръ моей программы съ отмѣтками на поляхъ ея учителей вологодской губерніи — сольвычегодскаго, великоустюжскаго и яренскаго уѣздовъ. Полнотой и обстоятельностью изъ этихъ отмѣтокъ по преимуществу отличаются тѣ, которыя сдѣланы (неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ) о языкѣ населенія сольвычегодскаго уѣзда. Сверхъ программы, г. Левицкій доставилъ мнѣ обстоятельную записку о народной рѣчи въ тотемскомъ и кадниковскомъ уѣздахъ, составленную учителемъ тотемскаго уѣзднаго училища г. Ю. Ивановымъ.

Г. Бѣлорусовъ въ нѣсколькихъ письмахъ сообщилъ мнѣ свои наблюденія надъ народнымъ языкомъ нѣкоторыхъ мѣстностей архангельской и въ особенности — вологодской губерній (по преимуществу тотемскаго, частію никольскаго, кадниковскаго и др. уѣздовъ).

Сообщенныя мнѣ, а равно и подмѣченныя мною, данныя народнаго языка названныхъ трехъ губерній, группирую въ послѣдующемъ по тѣмъ рубрикамъ, которыя приняты были мною въ первыхъ отчетахъ моихъ.

Звукъ *о*, спорадически, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго парѣчія, смѣняется на *а*. По преимуществу замѣчается эта смѣна въ словахъ иноземныхъ, видимо въ такой формѣ занесенныхъ на сѣверъ изъ области южнаго парѣчія: *а*фицер, *а*манахъ (тотемскій и кадниковскій уѣзды), *а*салдатъ, *а*кантора (сольвычегодскій уѣздъ).

Изъ туземныхъ словъ: *ка*рап (великоустюжскій уѣздъ), *ка*-

рапъ (яренскій) по и — коран (сольвычегодскій), паракход (ирбитскій, тотемскій и кадниковскій уѣзды). Въ послѣднемъ словѣ второе *а* вѣроятно вызвано ассимилирующимъ вліяніемъ перваго, въ — карап (корабль) — наоборотъ.

Во многихъ мѣстахъ архангельской, пермской и вологодской губерній въ родительномъ падежѣ единственнаго числа прилагательныхъ—*ава* вмѣсто *ово*. Въ вологодской губерніи такъ говорятъ въ тотемскомъ, кадниковскомъ, великоустюжскомъ и яренскомъ уѣздахъ.

о *вм.* *а* — въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ появляется нерѣдко.

Начальное *а* собственныхъ именъ почти постоянно смѣняется на *о*: Олексѣй, Оандрей, Ографѣна (кадниковскомъ, тотемскомъ, сольвычегодскомъ уѣздахъ) и пр. Въ именахъ малоупотребительныхъ *а* остается: Имя Анна постоянно сохраняетъ *а*.

Въ нарицательныхъ именахъ измѣненіе начальнаго *а* на *о* замѣчается относительно рѣдко: ортиль = артель (пермской губ.), омвон, олтарь (великоуст.).

Въ срединѣ словъ смѣна эта встрѣчается постоянно въ предлогѣ *роз* *вм.* *раз* при его сложеніи съ глаголами и именами:

ро́спуски, ро́звальни, роспа́лика (сольвычег. у.), роспустить, роспахать (*ibid.*, и кажется — повсемѣстно).

Постоянно *о* *вм.* *а* въ словахъ, производныхъ отъ корня *роб*: работа, работник (во всѣхъ трехъ губерніяхъ), ро́бить (арх., сольвычег.).

Часто встрѣчается тоже измѣненіе въ корнѣ слѣдующихъ словъ: лодья, локей (сольвычег. у.), пороход (никол. у., перм. г.) пором, рокита (перм. г., ник. у.), ровнѣть, ростп (сольвычег. у.), тонцовать (*ibid.*).

Слѣдовательно, тѣже случаи, что и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія.

И конечное *а* на *о* смѣняется лишь въ томъ единственномъ случаѣ, какой представляютъ другіе края этого нарѣчія, т. е.

въ именахъ мужскаго рода съ суффиксомъ *ушка* (*юшка*) и *ка*: батюшко, дѣдушко, Иванушко, батько, дѣдко и т. п.

Имена женскаго рода съ тѣмъ же суффиксомъ этого измѣненія не допускаютъ: бабушка, тетушка ¹⁾.

Мѣстами *к-о* вм. *к-а* въ именахъ мужскаго рода замѣчается, какъ постоянное явленіе, независящее отъ того, какой смыслъ слову придается образуящимъ его суффиксомъ. Такъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ пермской губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сольвычегодскій и великоустюжскій уѣзды вологодской губ.) *к-о* вм. *к-а* только въ именахъ ласкательнаго значенія; уничижительныя имѣютъ *к-а*: Петрушка, Ванька, Васька и т. п.

Отъ такихъ формъ различаются, поэтому, со стороны значенія формы (великоустюжскія), подобныя слѣдующимъ: Ванько́, Олько́, Сашко́, Панко́, братко́.

И ласкательныя удерживаютъ суффиксъ *ка*, если онъ является въ сложеніи съ предшествующимъ ему *ени*: Васенька и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Начальное *е* смѣняется на *о*: въ собственныхъ именахъ: Олёна, Офим и т. п. (арх., волог., перм. губ.); въ нарицательныхъ: още (перм.), ошшо (сольвычег.), одва (арх., великоуст.). Въ срединѣ словъ постоянно *о* вм. *е* въ — робята и ребенок. иногда — топерь, топеря (кадн. и тот. у.).

О на *у* измѣняется очень рѣдко: у(о)гурцы (волог. у.), бутинки (перм.). Обратное измѣненіе: коковать (перм.). Вмѣсто *е* — ю въ словѣ очюнь (только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тотемскаго уѣзда).

Двугласный *уо* вм. *о*: труось = трость, спруосить только въ вологодской губ. на ограниченномъ пространствѣ, въ уѣздахъ тотемскомъ (на Толшмѣ, Кунижѣ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ) и кадинконскомъ (въ устьянской и васьяновской волостяхъ). Въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ и великоустюжскомъ появляется

¹⁾ Ср. сказанное объ этомъ явленіи въ IV отчетѣ.

этотъ двугласный вмѣсто конечнаго *о*, но только въ звательномъ падежѣ: батюшкоў.

Тамъ же и въ томъ же только случаѣ является *ау* вмѣсто конечнаго *а*: матушкаў.

Въ кадниковскомъ уѣздѣ это *ау* обнаруживается въ звательномъ падежѣ лишь тогда, когда лицо, къ которому обращаются, находится отъ говорящаго, или — вѣрнѣе — призывающаго на значительномъ разстояніи ¹⁾).

Не знаю, такъ ли въ другихъ вышеупомянутыхъ уѣздахъ ²⁾. Если такъ, то *у* есть только отзвукъ напряженнаго голоса и двугласнаго *аў* (и *оў*) въ формѣ звательнаго падежа, значитъ, не существуетъ.

Вмѣсто *ый* въ окончаніи прилагательныхъ является *ой* независимо отъ ударенія во всѣхъ трехъ губерніяхъ: красной, бѣлой и тому под.

Вмѣсто *ій* часто *сй* (видоизмѣняемое перѣдко въ *ей* и *ой*): Божей, волчей, лисей; Господнѣй, синѣй, весенной.

Ы на *о* смѣняется, кромѣ слова *нонь* (имѣющаго разнообразныя формы: *нонѣ*, *пони*, *понечи*, *поныче*, *ноничы*, *попеча*, *нонича*, — *сольвычег.* и *яр. уу.*) въ слѣдующихъ: *полонья* (но и — *польныя*), *баропя* и *барони*, *барошпя* и *баронни*, *государоня* и *государони*, *осударони* (*кади.*, *тот.*, *великоуст.*, *сольвычег.* и *яр. уу.*).

Ы вм. *у* и обратно очень рѣдко: *слых* (*великоуст.*), *сколубаться* (*перм.*).

У и *е* сближаются въ нѣкоторыхъ словахъ только по *р*. Толшмѣ въ тотемскомъ уѣздѣ вологодской губ. ³⁾. Въ *сольвычегод-*

¹⁾ Сообщеніе г. Иванова, который думаетъ, что «этотъ переходъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ сліянія существительнаго съ междометіемъ *ау*, потому что въ обыкновенной рѣчи говорится: *матушка*» и т. п.

²⁾ Въ Пермской губ. *ау* вм. конечнаго *а* также только при призывѣ.

³⁾ Такъ по одному сообщенію (г. Бѣлорусова); другое (г. Иванова) не упоминаетъ объ этомъ явленіи.

скомъ уѣздѣ въ словѣ пиво (и другихъ подобныхъ?) «е имѣеть неясный выговоръ, похожій и на *ѣ* и какъ бы на *л*»¹⁾:

Какой то средній звукъ между *е*, *ѣ* и *л* слышится (по сообщенію того же лица) тамъ же и въ формахъ прошедшаго времени: ходил и т. п.²⁾.

И въ *е* переходитъ очень рѣдко: квартера (сольвычег,) фатера (том. и кадн.), мундер (ibid.), жовет и жоветка из желет, желетка (сольвычег.)³⁾.

Чаще встрѣчается смѣна *е* на *и*; это явленіе по преимуществу развито въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: поти(е)ре(я)ть, поти(е)ря, ви(е)ди, пови(е)ду, ли(е)бедь, либедка, сило, овичка, ти(е)чѣт, нистик, нисс(есч)иной, си(е)бѣ и т. п.

Въ великоуст. и яр. уу. такихъ случаевъ нѣтъ; въ другихъ уѣздахъ вологодской, а равно и въ губерніяхъ архангельской и пермской, смѣна *е* на *и* проявляется рѣдко: сибѣ, тибѣ (кадн., Грязов., волог. уу.), ищѣ (ibid., перм.), питля (ib.), либедь, нистик (тот., кадн. уу.).

Переходъ *е* въ *ѣ* совершается часто. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно было бы привести примѣры такого перехода на каждую изъ рубрикъ, означенныхъ въ моей программѣ. Нѣтъ однако ни одной мѣстности, къ которой бы относились всѣ случаи этой смѣны. Они разбиты по мѣстностямъ и слѣдовательно по говорамъ. Въ одномъ говорѣ замѣчается больше такихъ случаевъ, въ другомъ меньше; въ одномъ — одни случаи, въ другомъ — другіе. Кажется, всего болѣе распространенъ переходъ *е* въ *ѣ* въ вологодской губерніи; всего менѣе — въ архангельской.

¹⁾ Слова неизвѣстнаго мнѣ лица, сдѣлавшаго отмѣтки о языкѣ населенія сольвычегодскаго уѣзда.

²⁾ Въ Этнографическомъ Сборникѣ томъ V, въ свадебныхъ пѣсняхъ Сельскаго уѣзда для такихъ случаевъ употреблена буква *у*.

³⁾ Формы, подобныя — пер, мер (т. е. пир, мир — см. Матеріалъ и пр. стр. 10) по сообщенію г. Бѣлорусова слышатся въ тотемскомъ уѣздѣ; сообщеніе г. Иванова не подтверждаетъ этого. И по отношенію къ формамъ, представляющимъ смѣну конечнаго *и* на *е* (см. Матеріалъ, программу и первые отчеты), сообщенія, различныхъ лицъ стоятъ между собой въ противорѣчій.

Перехода втораго *е* полногласныхъ формъ въ *ѣ* (берѣгъ, верѣхъ) нигдѣ не замѣчается.

Сохраненіе *е* въ слогахъ ударяемыхъ встрѣчается очень рѣдко и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ: пѣдра вм. вѣдра (перм., тѣт.), Лѣв, Петр. (перм.).

Ѣ смѣняется на *и*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта смѣна замѣчается только въ нѣкоторыхъ нъ словахъ; въ большинствѣ же случаевъ на мѣстѣ *ъ* стоитъ *е*. Въ другихъ *и* вмѣсто *ъ* представляетъ почти постоянное явленіе. Рѣдко слышится *и* вм. *ъ* въ архангельской губерніи, перѣдко въ пермской, часто въ вологодской. По преимуществу проявляется такая замѣна *ъ* въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, кадниковскомъ и тотемскомъ.

Привожу для примѣра рядъ сообщенныхъ мнѣ словъ, смѣнившихъ коренное *ъ* на *и* въ рѣчи населенія перваго изъ этихъ уѣздовъ:

вики (мн. отъ *вѣк*)

вирик

висить

звирь

віеть (т. с. вѣять)

витѣр

дивка, дивишник

ротозій

лисница

литняя пора

клить

писень

линь

полиницѣ (= полѣнце)

хлеб

минеть (= минять)

мидь, миденица

миреть (= мѣрять)

мистечко

мисецъ (= мѣсяцъ)

митить (= мѣтить)

пить, писня, пинье (= пѣть и пр.)

прить (= прѣть)

встрича, стрича

стрилеть (= стрѣлять)

рипище (поле, засѣянное рѣпой)

ричка

ричь

сивер

сини

синцѣ (= сѣнцо)

ситка, ситочка

сіеть (= сѣять)

систи

сидѣлко (через-сѣдѣльникъ)

тинь

тильцѣ

затія

цидить

цинь

Есть слова, въ которыхъ на мѣстѣ кореннаго *ь* является *и* въ однихъ формахъ, *е* въ другихъ:

в нигѣ живѣтъ, но пыга,

недѣля — на нидилѣ,

невьста — по нивистѣ.

Изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ видно, что слогъ съ *и* вм. *ь*, ассимилируетъ съ собою предъидущій слогъ, превращая въ немъ *е* въ *и*.

Почему *е* и *и* на мѣстѣ *ь* чередуются иногда въ корнѣ одного и того же слова при его измѣненіяхъ—не ясно. Вышеприведенные примѣры показываютъ что качество слога на появленіе той

или другой замѣны *ь* не имѣеть вліянія ¹⁾. Не стоятъ эти замѣны въ зависимости и отъ ударенія.

Слова, въ литературномъ языкѣ употребляющіяся съ *е* вмѣсто древняго *ь*: время и песокъ имѣютъ такую же звуковую форму и въ народномъ языкѣ арх., перм. и волог. губ. ²⁾.

Тематическое *ь* глаголовъ смѣняется на *и* во многихъ мѣстностяхъ этихъ губерній ³⁾.

Въ глаголахъ *ь*сть и *ь*здить почти вездѣ *и* на мѣстѣ *ь*.

Въ сольвычег. у. *и* вм. *ь* втораго изъ этихъ глаголовъ является только въ неопредѣленномъ наклоненіи; но когда глаголъ сложенъ съ предлогами смѣна эта имѣеть мѣсто и въ другихъ формахъ.

Конечное *ь* флексій не смѣняется на *и* даже тамъ, гдѣ смѣна эта въ корняхъ является особенно распространенною.

Нарѣчіе гдѣ произносится гдѣ,—въ пермской и вологодской обыкновенно съ приставкою *ка*: гдѣ-ка. Но нарѣчіе здѣсь чаще встрѣчается въ формѣ здись.

Въ сравнительной степени прилагательныхъ именъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ вмѣсто *ье*, въ большинствѣ мѣстностей употребляется *яе*. Конечный гласный звукъ этого суффикса произносится неодинаково: кромѣ *яе* (арх., перм. г. ирбитскій уѣздъ), встрѣчается *яѣ*: тепляѣ, норняѣ (отъ порный—сильный, крѣпкій), голодняѣ и т. п. (кадниковскій и тотемскій уѣзды) и *яя*: свѣтлая, умная, скорая, добрая, милая и т. п. (кунгурскій и пермскій уѣзды пермской губ., сольвычегодскій — вологодской).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи и прошедшемъ времени глагола сѣсть вм. *ь* — *я*: сѣять, сѣл (перм.); тематическое *ь* глагола

¹⁾ И тѣ данныя, которыя приведены, касательно смѣны *ь* на *и*, въ первыхъ четырехъ моихъ отчетахъ не подтверждаютъ мнѣнія А. А. Потебни о зависимости замѣны *ь* въ сѣверно-великорусскомъ отъ качества слога. См. Два изслѣдованія, стр. 81—3.

²⁾ Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ: время, но — врѣмечко.

³⁾ Въ сольвычегодскомъ уѣздѣ эта смѣна чаще въ настоящемъ времени, чѣмъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

видѣть мѣстами тоже смѣняется на *я*: видял (сольвычегодскій уѣздъ).

Эти два явленія встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ другихъ частяхъ сѣверно-великорусскаго ¹⁾. Въ вологодскомъ краѣ (грязовецкомъ у.) есть, сверхъ того, формы поляз = полѣз, пояду = поѣду, въ другихъ краяхъ сѣв.-вост. нарѣчія мнѣ не встрѣтившіяся.

Въ сольвычегодскомъ народномъ говорѣ есть, какъ видно изъ сдѣланнаго мнѣ сообщенія, еще три слова, смѣняющія на *я* коренное *ъ*: прясной, цвяток, сячется.

Это — замѣчательное явленіе, надъ объясненіемъ котораго нельзя не призадуматься въ виду того, что въ говорѣ этомъ *ъ* обычно смѣняется на *и*, а *е* не переходитъ въ *я*.

На мѣстѣ древнихъ глухихъ — обычные общерусскія замѣны.

На мѣстѣ конечныхъ *з*, *ь* нигдѣ не употребляютъ чистыхъ гласныхъ.

Есть случаи постоянного гласнаго звука на мѣсто бѣлаго, смѣнивашаго древній глухой: колодецы, молебены (кунг. и перм. у. пермской губ., тотемскій — вологодской), лоб — лоба (великоуст., тотемск. и кадн. уу.), в роту (великоуст. у.).

Е въ *ен* словъ, подобныхъ — *корень*, мѣстами удерживается въ косвенныхъ падежахъ (перм., кунг.).

Слово — ровъ не выпускаетъ *о* въ косвенныхъ падежахъ: рова и т. д. (ibid.).

Изъ формъ перваго полногласія употребляются, кромѣ обычныхъ, слѣдующія: верема (мезенск., арх. г.), вередить (ibid.) тотемск. и сольвычег. уу. волог. губ., ирбитскій — пермской) хороброй (мезен.), морок (= мрак) (великоуст.). Муравей, журавль имѣютъ формы: *морovej* (гряз.), *жаравій* (сольвычег. у.).

Формъ втораго полногласія, такихъ, какъ новгородскія — *верѣхъ*, *столобъ*, вовсе не встрѣчается. Нѣтъ и новгородско-оловецкой формы — *смерѣтушка*.

¹⁾ См. первые два мои Отчета.

Употребляется только — *молонья* (шенкурск. у. арх. г., сольвычегодск. — вологодской, ирбитской, кунгурской — пермской)¹⁾.

Выпаденіе гласныхъ звуковъ, не условленное стяженіемъ, ассимиляціей ихъ, замѣчается рѣдко.

По сдѣланнымъ мнѣ сообщеніямъ, могу отмѣтить лишь два относящихся сюда слова: *пугвица* (арх., тотемск.), *плящій* *вм.* *палящій* (тот., великоуст., яренск., сольвычег.). Это послѣднее слово въ такой формѣ слышится большей частію тогда, когда оно является эпитетомъ слова *морозъ*. *Вмѣсто* *плящій* мѣстами, въ этомъ случаѣ, говорятъ — *плющій* (сольвычег.).

Стяженіе гласныхъ въ настоящемъ времени глаголовъ перваго спряженія, т. е. ассимиляція соединительнаго гласнаго звука *е* съ тематическимъ или кореннымъ *а* — сильно распространенное явленіе во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Этимъ стяженіемъ обуславливается меньшее количество случаевъ *съ ѣ* *вм.* *е* въ 2 и 3 лицахъ единственнаго и множественнаго глаголовъ настоящаго времени. Гдѣ нѣтъ стяженія, тамъ напримѣръ, *читаѣш*, гдѣ есть оно — *читаш* и т. п. Не знаю, предполагаетъ ли форма *читаш* форму *читаѣш*, или явилась непосредственно изъ *читаеш*.

Въ великоустюжскомъ, тотемскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ уѣздахъ преобладаютъ стяженные формы; въ сольвычегодскомъ, за исключеніемъ 2 лица единственнаго числа, стяженіе встрѣчается рѣдко, почему въ 3 л. ед. ч. н. вр. глаголовъ съ тематическимъ *а*, соединительный гласный звукъ *е* произносится или какъ *ѣ* или какъ *э*: он *читаэт* книгу²⁾.

Приставныя гласныя встрѣчаются очень рѣдко: авторник (*тот. и кадн. у.*):

Перегласованіе *а* въ *е* распространено повсемѣстно.

¹⁾ По сообщенію г. Протопопова въ Арх. губ. *вм.* *молонья* встрѣчается форма *молеина*. Ва какой именно мѣстности есть такая странная форма, того къ сожалѣнію не сообщено.

²⁾ «Вообще *е* въ этомъ отношеніи произносится не ясно; какъ бы выпускается, но не совсѣмъ». Такъ сказано въ сообщеніи, изъ котораго взять мною приведенный примѣръ. Можетъ быть *э* въ *читаэт* есть нейотированное *е*?

Всего чаще встрѣчается оно подъ вліяніемъ йота. Кажется даже, я (йа) неизбежно превращается въ е (йе): егненок, едро, ечмень, если, ейцо, естреб, емской, еровой, езвить, еишница; віеть, сіеть, стоеть; заец и т. п. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ.

Кромѣ й, перегласованіе замѣчается при слѣдующихъ звукахъ:

ч: чеца (арх., тот.), часовой (ирб.), начелник, качеть, качей и т. п. (сольвычег.);

о: везать (арх., тот., ирб.);

д: дедя = дядя (тот., казн., сольвычег.).

з: зеть (перм.);

л: гулеть (сольвычег.), угледать (ирб.);

н: ронеть (тот., казн.), погоней, ровней = погоняй, ровняй, погонеть, ровнеть (сольвычег.), пеня (перм.);

м: време и времё (арх., тот.);

п: петь (перм., яренск.);

с: се и сё (арх., волог.), сездь = сядь (ирб.);

р: ребой (сольвычег.), ковыреть (великоуст.), крежи, но — кряж (ирб.).

Изъ этихъ примѣровъ видно, что е изъ а послѣ означенныхъ звуковъ независимо отъ того, есть ли это а (я) основное, или стоитъ оно на мѣстѣ а.

Какъ должны были произноситься слова вязать, дядя и прочіе вышеприведенныя, чтобы видоизмѣниться въ везать, дедя: какъ в'азать (вяза́ть), д'ад'а (дыадыа), или какъ вйазать, дйадя?

Вмѣсто е—обратное предыдущему явленіе—изрѣдка встрѣчается я. Такое превращеніе, какъ и въ другихъ краяхъ сѣвернаго нарѣчія, имѣеть лишь то е, которое въ сочетаніи съ н (ен) = а: сѣмян (сольвычег., ирб., тотемск., казн.) ¹).

Придыхательнымъ звукомъ при начальныхъ гласныхъ является о: Восподь = Господь (сольвычег., тот., казн., ирб.), воспа, вострой, вотчим (сольвычег.).

¹ Объ этомъ явленіи см. въ первыхъ отчетахъ.

Слово Господь чаще употребляется въ формѣ Осподь (тот., кадн., сольвычег., великоуст.), предполагающей придыхательное *h*.

Слово государыня является, какъ и слово Господь, въ двухъ формахъ: осударыня и *восударыня*. Въмѣсто государь обыкновенно осударь (сольвычег.).

Въ области *согласныхъ* звуковъ большею частію повторяются черты, свойственныя и другимъ частямъ окающаго нарѣчія.

Въ порядкѣ вопросовъ, поставленныхъ мною въ программѣ, привожу относящіяся къ согласнымъ важнѣйшія явленія.

Б суффикса *иц* большею частію оставляетъ свой слѣдъ на смягченіи предшествующихъ ему согласныхъ *н, р, с*. По преимуществу замѣчается это явленіе въ вологодской губерніи и частію въ пермской. Въ архангельской, на сколько можно судить по сообщеніямъ, оно встрѣчается рѣдко.

Вологодской же губ. по преимуществу свойственно умягченіе тѣхъ же согласныхъ передъ суффиксами *ьк, ьск, ьств*. Въ пермской и архангельской ¹⁾ передъ этими суффиксами смягчается только *и*: молодецкой, но царской, деревенской.

Въ волог. губ. это смягченіе всего болѣе выдержано въ уѣздахъ — сольвычегодскомъ, великоустюжскомъ, тотемскомъ и кадниковскомъ.

Передъ суффиксомъ *ство* (ьств-о) *р* мягко только въ послѣднихъ двухъ: царство или чарство.

Передъ суф. *иц* въ сольвычег., великоуст. мягки не только выше означенные звуки, но и *н, т*: куньцю, отьця.

Тамъ же передъ суф. *ьск* мягко произносятся звуки *в* коронной и *с* суффикса: земьской.

Въ словахъ, подобныхъ московская, — *с*, какъ и въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, неслышится, а *с* предшествующее суффиксу, произносится мягко ²⁾).

1) Объ языкѣ населенія архангельской губерніи — считаю нужнымъ напомнить это — я говорю *исключительно* на основаніи сообщеній.

2) Въ тот. и кадн. уу. это слово, по сообщенію г. Иванова, звучитъ мось-коская. Вѣрно-ли?

Звукъ *и* и въ концѣ и въ срединѣ словъ во всѣхъ трехъ губ., большею частію, произносится мягко: молодець, сонцѣ, отцю, кунця.

Есть мѣстности (кадн., тот., перм., кунг.), въ которыхъ *и* въ подобныхъ случаяхъ произносится и твердо и мягко.

Шипящіе, за исключеніемъ *и*, большею частію тверды: жона, пошол. Такъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, но не повсемѣстно: въ Грязовцѣ я слышалъ: дѣтушѣк и под.

С въ возвратномъ *ся*, въ концѣ глаголовъ звучитъ неодинаково: *са* (великоуст., сольвычег., ирб, кунг.), *сѣ* (арх.), *со* и *са* (мез.): училса и т. д.

Когда звуку *с* этого мѣстоименія, предшествуетъ *т* (учится) группа *тс* большей частію переходитъ въ *ти*: учитца и учитця (великоуст., сольвычег., яренск.). битцо (тот., кадц.).

Губные въ концѣ словъ большей частію сохраняютъ мягкость: кровь, карапъ. Великоуст. и сольвычег. у. Въ послѣднемъ изрѣдка встрѣчаются и твердые *в*, *н*: кров, корап, церков. Такъ и въ ирб. у. Въ перм., кунг. — мягко.

Л мягко въ словѣ дятелъ — сольвычег., ирб. уу.

Твердое *л* передъ *н*, условленное безслѣднымъ исчезновеніемъ суффикса *ьн*, довольно часто встрѣчается въ вологодской губ.: болной, печальной, хмѣльной (великоуст., сольвычег., тот., кадн., гряз.).

Въ Грязовцѣ *л* въ прошедшемъ времени, въ первыхъ трехъ лицахъ ед. ч., произносится мягко: съѣл — почти какъ съѣль¹⁾. Твердое *р* вмѣсто мягкаго и обратно — въ немногихъ словахъ немногихъ мѣстностей: крык, тюрьма (сольвычег.), вверхю (ирб.), завтра и завтра (великоуст. у.).

Въ конечномъ слогѣ *ня* именъ существительныхъ, если емѣ

¹⁾ Считаю нужнымъ замѣтить при этомъ, что форму эту, а равно ниже приводимыя формы неопр. наклоненія съ отвердѣвшимъ *т* я слышалъ только отъ дѣтей (учениковъ и ученицъ народнаго и уѣзднаго училища и женской прогимназіи). Но, по увѣренію грязовецкаго штатнаго смотрителя, такъ говорить и взрослые.

предшествуетъ мягкое *л* (лъ), и отвердѣваетъ и вмѣсто *ня* слышится *на*: колокольна, купальна, швальна и т. п. Такъ постоянно въ сольвычег., яренск. и — иногда — въ великоуст., тот. и кадн. уу. Не чужда эта особенность и пермской рѣчи (кунг., ирб.); замѣчается она и въ архангельской.

Вмѣсто *н-ій* въ прилагательныхъ часто *н-ой*, конечно, черезъ форму *н-ей*: осеніой, ранная и т. п. (великоуст., сольвычег., ирб., тот., кадн., арх.).

Обратнаго явленія (т. е. превращенія *н-ый* въ *н-ій*) нѣтъ.

Т въ окончаніи неопр. накл. глаголовъ мѣстами отвердѣваетъ. Такъ въ Грязовцѣ *вм. нѣтъ*, *бытъ* я слышала почти *нѣт*, *быт*.

К сочетается съ *ё* въ окончаніи прилагательныхъ *ей* *вм. ей* изъ *ій*: заморьскѣй, молодецкѣй и т. п. (тот. и кадн. у.), но — русской, деревеньской (*іѣ*).

Конечно, послѣднія формы образовались изъ первыхъ (*ій-ей-ей-ой*), какъ формы запрягом, сожгот (никольскій уѣздъ, на Кокшенгѣ) изъ формъ запрягѣм, сожгѣт.

Въ Грязовцѣ *д* произносится мягко въ словѣ *предьки*.

Случаевъ отвердѣнія *д*, кажется, нѣтъ; равно какъ и всѣхъ тѣхъ, неупомянутыхъ здѣсь, случаевъ смѣны твердаго согласнаго на мягкій и наоборотъ, которые изчислены въ моей программѣ и упомянуты въ предъидущихъ отчетахъ.

Такъ какъ *ц* въ срединѣ и концѣ словъ, болышею частію произносится мягко, то естественно¹⁾, что оно мѣстами смѣняется на *ч*. Смѣна эта однако далеко не заурядное явленіе там, гдѣ *ц* мягко. Такъ въ великоуст. у. не чакают. Въ сольвычег. или остается мягкое *ц* при своемъ звукѣ, или слышится вмѣсто опредѣленнаго звука *ц* нѣчто среднее между *ц* и *ч*. Въ никольскомъ уѣздѣ *вм. ця*, *чу* и т. д. слышится опредѣленное *ча*, *чу* и пр.

Въ тотемскомъ мѣстами *ц* сохраняется: улицы (Кокшеньга) или переходитъ въ *ч*: заеч, улича (с. Леденгское). Мѣстами въ

¹⁾ См. объ этомъ явленіи 1-й отчетъ.

этомъ уѣздѣ слышится то *и*, то *ч* въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ: чарь и цярь, словчѣ и словцѣ ¹⁾). Въ кадник. уѣздѣ *ч* изъ *и* постоянно мягко: конечь, овчя. Нечасто встрѣчается *ч* вм. *и* и въ губ. арх. и пермской (арх., перм., кунг. уу.).

И вмѣсто *ч* слышится во всѣхъ трехъ губерніяхъ; но не вездѣ эта смѣна имѣетъ одинакую степень распространенности. Такъ въ кадн. у. почти каждое *ч* смѣняется на *и*: цистить, черной и т. п.; въ сольвычег. же случаи этой смѣны рѣдки: цей (чей), цья, поцему, охоць и немногія другія.

Передъ *ч* звукъ *и* изъ *ч* переходитъ въ *с*: молосной (кадн.); иногда и передъ *т*: сто (вм. цто = что) (волог., тот.). Тамъ, гдѣ есть смѣна *чи* на *си* (черезъ *и*), встрѣчается на мѣстѣ первой изъ этихъ группъ и *ин*: мушной, яшной, лавошник, истонник (кадн.).

Конечно *и* въ такихъ словахъ должно было явиться непосредственно изъ *ч* и не предполагаетъ смѣны его на *и*.

Иногда *с* изъ *и* является какъ результатъ ассимиляціи звуковъ: пессяной вм. несцяной изъ песчаной (сольвычег.).

Основное *и* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пермской и вологодской губерній смѣняется на *с* передъ гласнымъ звукомъ: улиса, сарь (ирб. у.), сапля (иб., тот., кадн. у.).

Существованіе этого явленія въ пермской губ. давно уже засвидѣтельствовано Далемъ ²⁾. Такъ какъ смѣну эту мнѣ приходилось въ восточныхъ губерніяхъ слышать только отъ инородцевъ ³⁾, то я сомнѣвался, чтобъ она была свойственна рѣчи природныхъ русскихъ. Однако, полученныя мною сообщенія устраняютъ это сомнѣніе: въ пермской губ. приведенные выше звуковыя формы съ *с* вм. *и* слышатся въ средѣ не обрусѣлаго, а природно-русскаго (по преимуществу заводскаго) населенія.

Передъ согласными смѣны этой нѣтъ, за исключеніемъ одного

¹⁾ По сообщенію г. Бѣлорусова цокають исключительно женщины, мужчины же чакають.

²⁾ О нарѣчіяхъ. 29.

³⁾ Такъ Чуваши въ казанской губ. говорятъ с(э)онт и т. п.

слова: свѣты (іб.), которое, впрочемъ встрѣчается мѣстами, въ такой формѣ не только въ другихъ частяхъ окающаго нарѣчія, но даже и акающаго.

З на *ж* не смѣняется. Обратная смѣна замѣчается въ слѣдующихъ словахъ: рогозка, залѣзо, порозной (пик., кадн., тот., великоуст., сольвычег., арх., ирб.).

Весьма распространена замѣна *щ* на *ш* и *шиш*: ошпо, ешпо, свяшшеник (арх.), еншно, чешша, слашшине, суншій (сольвычег., тот., кадн.). Мѣстами, вслѣдствіе диссимиляціи: пшню, сшннать (ирб. у.).

М мѣняется на *о* въ словѣ: вного (великоуст., сольвычег.).

Л вм. *о* только въ словѣ: треложить (сольвычег., перм., кунг.).

Чаще замѣчается обратное явленіе. Смѣну *л* на *о* — одна изъ характерныхъ чертъ нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ — представляютъ слѣдующія слова: савдат (тот. у.), товковать, повзать, довбить, повно (сольвычег., яренск. великоуст. уу.)¹).

За исключеніемъ перваго изъ приведенныхъ словъ, — чужаго, заносаго, — во всѣхъ остальныхъ *ов* вм. *ол* = древнему *зл*.

Не менѣе замѣчательна сродная съ этой, хотя и не тождественная съ ней, другая черта нѣкоторыхъ вологодскихъ говоровъ: смѣна въ прошедшемъ времени *л(з)* на *о(з)*. Впрочемъ, какъ то выше уже замѣчено, въ этомъ послѣднемъ случаѣ слышится не *о*, а нѣчто среднее между *о* и *у*, какъ бы краткое *у*: ходиу, думау и т. п. (сольвычег., великоуст.).

Эта особенность выдѣляетъ тѣ вологодскіе говоры, которымъ она свойственна, изъ всѣхъ остальныхъ области окающаго нарѣчія

Ф на *п* не мѣняется и не замѣняетъ собою сочетанія *кв*; *кв* вм. *х* только въ словѣ охвота (арх.).

Ф вм. *х* только въ — куфарка, куфня (ирб., сольвычег., великоуст., яренск.).

¹) Послѣднее слово въ такой формѣ встрѣчается и въ пермской губ. (ирб. у.); въ архангельской поўно (арх. у.).

Х вм. *ѡ* тоже лишь въ иноземныхъ — штох, полштоха (ib.).

Х вм. *с* нигдѣ не встрѣчается.

Г постоянно имѣетъ характеръ звучнаго. Въ концѣ словъ произносится въ однѣхъ словахъ какъ *г*, въ другихъ какъ *х* или *г*: мо^г = мо^г, Бо^г = Бо^г (арх.). Въ род. над. ед. ч. прилагательныхъ *г* постоянно переходитъ въ *г*.

Слѣдовъ смягченія гортанныхъ въ живой рѣчи нѣтъ.

д и *т* имѣютъ обще русское смягченіе; но вм. *ж* изъ *д* встрѣчается изрѣдка и *жд*: урождай (в. уст., слвч., иро., арх.), приходя^дъ (тот.), приходя^де (арх.), но — прих^ожа^не (ib.), обвожда^дъ лошадь = обводи^тъ (тот. у.), горожда^де, обижда^дься (ib., кадн. у.) съижда^де = съѣде^ніе (тот. у.). Въ одномъ только словѣ *жд* на мѣстѣ *ж* изъ *г*: ублажда^дъ (в. уст., слвч., арх.).

Вмѣсто прѣзжа^тъ мѣстами прѣжда^тъ (тот. у., кадн. у.).

Мѣстоименіе *что* произносится въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаково: што (яр., арх), што, штѣ, щѣ (тот., кадн. в. уст.), шц^о (шенк), чо и цо (кемскій, прм., кунг).

Изъ случаевъ опущенія согласныхъ звуковъ особенно часто замѣчается, какъ и въ другихъ мѣстахъ окающаго нарѣчія, опущеніе *т* и *д* послѣ *с* (з): пусъ = пусть (слвчг. в. уст. яр), кус = куст (ib.), гвосъ = гвоздь (в. уст.), грусь = грусть = грузд (ib.), хвос, трось, сись, косъ и т. п. (во всѣхъ трехъ губ.).

Весьма распространенное явленіе и опущеніе *д* и *т* въ группѣ *дств*: росво, слѣсво (ирб., в. уст., слвчг, тот.); но — и слѣдство, родство (слвчг), сротственник (яр.).

Мѣстоименіе 3 лица въ косвенныхъ падежахъ употребляется нерѣдко безъ *н*: от еѣ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ словахъ опускаются цѣлые слоги: кс^тить (крестить), сен^ни (сегодня), гы^т (говорит), паре^нь, вре^ш и т. п. (влг., арх.).

Перестановки звуковъ всего чаще при *р*: вратъ лѣн, т. е. рвать лѣн, горовлю = говорю, чевряк = червяк (Вотча). Иногда и при другихъ словахъ согласныхъ: незамог = занемог. (Гряз.).

Въ постановкѣ удареній, сравнительно съ другими частями окающаго нарѣчія, особенностей, кажется нѣтъ.

Одно лишь явленіе, свойственное рѣчи населенія ирбитскаго уѣзда пермской губерніи, не повторяется, на сколько знаю, въ другихъ мѣстахъ. Это удареніе на послѣднемъ слогѣ творительнаго падежа, употребленнаго вмѣсто дательнаго: ходите к намѣ в гости, он пошелъ къ вамѣ и т. и.

Въ отдѣлахъ словообразованія и формъ тоже немного особенностей.

Наиболѣе рѣзкая изъ формальныхъ особенностей, это — окончаніе творительнаго падежа множественнаго числа именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ на *има*, *ыма*, *вм.* *ами*, *ями*.

По преимуществу эта особенность свойственна рѣчи населенія сельвычегодскаго уѣзда вологодской губерніи; встрѣчается, сверхъ того въ шенкурскомъ архангельской¹⁾. Вотъ нѣкоторые примѣры употребленія этого окончанія: чашкима, ложкима, книжкима, дѣвками, работниками, деньгами, сарафаныма, огородыма, конима и т. н. (слвчг. у.), орѣхима (шенк. у.); красныма, хорошима, бойкима (слвчг. у.); двоима (іб. и шенк. у.), тройма и трѣма, четверыма, шестима (слвчг. у.).

Всего чаще встрѣчается это окончаніе въ числительныхъ.

и или *ы* этой формы являются въ ней, смотря по тому, какъ оканчивается именительный падежъ множественнаго числа: *и-ма* — тогда, когда им. мн. оканчивается на *и*, *ы-ма* — когда его окончаніе *ы*. Тотъ и другой звуки имѣютъ слѣдовательно значеніе тематическихъ звуковъ; суффиксомъ формы твор. падежа должно быть поэтому признано не *има*, *ыма*, а только *ма*.

¹⁾ Такъ — по сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ. А быть можетъ, кругъ распространенія этой формы и гораздо шире.

Какъ смотрѣть на это *ма*? Имѣемъ ли въ немъ случай возобладанія формы двойственного числа, или позднѣйшаго видоизмѣненія суффикса множественнаго?

Вѣроятно первое: измѣненіе *ми* на *ма* со стороны звуковъ совершенно немыслимо; а аналогіи для такой формы (*ма*) въ другихъ падежныхъ формахъ нѣтъ.

Если бы твор. над. постоянно встрѣчался въ формѣ *и-ма*, можно было бы объяснить образованіе ея черезъ звуковую перестановку: *и-м-а* вм. *а-м-и*; но звукъ *и* передъ суффиксомъ *ма*, какъ уже сказано выше, является лишь въ извѣстномъ опредѣленномъ случаѣ.

Дател. множественнаго вм. творительнаго въ большей части вологодской губ. употребляется почти постоянно; гораздо рѣже замѣчается обратное явленіе. Въ пермской мѣстами (прб. у.), кажется, употребляется твор. вм. дат. на столько же обычно, какъ и дат. вм. тв.

Въ арх. г. замѣчается смѣшеніе дат. и предл. п. ед. ч. съ родительнымъ: дат. п.: — матушки, сестры, Александры; пр. п.: — на головы, на картины, по воды (арх. у.).

Слово — день — склоняется по темѣ на *и*: р. п. дни (влг. г.).

Слово — мать — въ им. п. ед. ч. встрѣчается въ древней формѣ: мати, иногда — матеръ, рѣдко — мать (Вотча. тот. у.).

Вмѣсто *силою* — *силом*: *силом* взять (ib.)¹⁾.

Имя суц. при числит. два иногда ставится не въ двойств., а во множ. ч.: два рубля (Грязовецъ).

Прилагательныя въ им. п. ед. ч. встрѣчаются и въ полной и въ краткой формѣ: неправильпа(я) (ib.).

Для выраженія превосходной степени прилагательныхъ употребляются формы на *юцій*: сильнѣюцій, умнѣюцій (вл. г.).

Род. п. прил. ед. ч. ж. рода имѣетъ мѣстами форму — *ыё*: молодыё (Тот. у.), форму очень древнюю, представляющую первую ступень видоизмѣненія основной формы *ыя* (ыа).

¹⁾ См. Матеріалъ и пр. стр. 47.

Свойственная вятской рѣчи форма дат. и. мн. ч. мѣст. 3 лица — имя встрѣчается и въ пермской губ.

Въ глаголахъ замѣчается стремленіе къ уравнию темъ неопред. накл. и наст. вр.: брехай (вл. г.).

Иногда средній залогъ является въ формѣ возвратнаго: проживались = проживали (тот. у.).

Форма обдусело = обдуло (тот. у.), вѣроятно, предполагаетъ неопр. наклоненіе — обдустъ изъ обдуять.

Форма невѣрши (iv.) по всей вѣроятности не формальное, а фонетическое явленіе, условленное вынадеишемъ слога *ив*: не вѣр- (ив)ши.

Есть случаи образованія будущаго времени изъ глагола *иму* и неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола: иму дѣлать, имѣм дѣлать (грязов. у.).

Встрѣчаются древнія формы неопред. накл. на *ти*: снати (см. приложенную сказку).

Признакъ 3 лица въ глаголахъ настоящаго времени, на сколько мнѣ извѣстно, не отбрасывается.

Случаевъ вокализации личнаго окончанія нѣтъ¹⁾.

Нарѣчія когда, тогда имѣютъ формы — кожды, тожды (слвчг. у.) и койдѹ, тойдѹ (арх.).

Глаголь мстить сохраняетъ древнее управленіе: онъ требуетъ вин. пад.: мстит ево (гряз. у.).

Дѣспричастная форма употребляется иногда вмѣсто формы прошедшаго времени: взивши да и пошол (тот. у.).

¹⁾ По словамъ Дая, нѣкоторымъ мѣстностямъ пермской губерніи своя чрезвычайно странная особенность: употребленіе 1 л. ед. ч. наст. вр. въ формѣ 3-го: я сдѣлает. и т. п. Такъ въ Верхотурьи и Шадринскѣ. Изъ этихъ мѣстностей я спѣдѣній не имѣю. Всѣ тѣ лица, къ которымъ я обращался въ пермской губ. съ распросами объ этихъ формахъ, отвѣчали мнѣ, что никогда не слыхали ничего подобнаго. Можетъ быть эти формы существуютъ въ рѣчи обрусѣлыхъ инородцевъ?

Вин. п. им. суш. ж. р. ед. числа при неопр. наклоненіи глаголовъ имѣетъ форму, именительнаго: косить трава, творить кваиня и т. п. (яренскій, устьсысольскій, устюжскій уѣзды; вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстахъ).

Странно, что при словѣ змѣя прилагательныя и мѣстоименія ставятся, какъ и слѣдуетъ, въ женскомъ родѣ, а глаголь прошедшаго времени въ мужескомъ: далъ ему вторая змѣя, наѣлся змѣя и пр. (см. прилагательную форму).

Слѣдующихъ, употребляемыхъ въ вологодской и архангельской губерніи словъ, или нѣтъ ни въ Толковомъ словарѣ Дала, ни въ Областномъ академическомъ; или они помѣщены въ иномъ значеніи; или не обозначена мѣстность употребленія ихъ; или — наконецъ — отнесены они исключительно къ южному нарѣчію ¹⁾.

В.

? Буркалы — нижеколѣнная часть ноги. Гряз. В. г. ²⁾.

Бычекъ — небольшое облачко. Тот. у. на *Вотчѣ*.

В.

Вино — водка *ib*.

Водка — вино виноградное *ib*.

¹⁾ Лишь очень немногія изъ приводимыхъ здѣсь словъ, сообщенныхъ мнѣ разными лицами, могъ я провѣрить личными наблюденіями. Большая часть (всѣ относящіеся къ тотемскому уѣзду) словъ сообщена мнѣ г. Бѣлорусовымъ нѣкоторые (грязовецкія) смотрителемъ грязов. уѣздн. училища г. Пономаревымъ и учителемъ того-же училища г. Фаевымъ. При словахъ, въ точномъ опредѣленіи значенія которыхъ я не увѣренъ, поставленъ вопросительный знакъ.

²⁾ Такая форма этого слова вызвана, мѣстами, особенностью словообразованія: въ сольвычегодскомъ уѣздѣ суфиксъ *ч-ій* обыкновенно смѣняется на *ч-ин*: лѣсничин — лѣсничій и т. п.

Г.

Грамота — всякая бумага, — писанная или неписанная, писчая и неписчая *іѵ*.

Глупый, глупенькій — молодой, незрѣлый: глупый плод *іѵ*.

Городничин — городничій (Слвчг. у.).

Е.

Ерушник — Слвчг. Яр. у. — см. Ярушник въ О. Сл.

Ж.

Жатель. Вакбал. Тот. у. см. Пригнѣт.

Животок — молодое животное. *Вотча*.

З.

Злыдни — несчастные, бѣдные люди *іѵ*.

Заутрѣ — *іѵ*. См. Дон. къ О. сл.

И.

Йокнуть — дрогнуть *іѵ*.

Йидера — яства (см. прилагаемую сказку).

К.

Кавбат. *Вотча* = бычек.

Кирбъ. Гряз. см. у Даля: кербъ.

Коты. *Вотча* — тоже что чирки, но съ опушкой.

Кисляда *іѵ*. см. въ О. сл. кисляга во 2-мъ значеніи.

? Крес. *Кадн. у.* — лучше: крес идти, чѣм сидѣть дома ¹⁾.

? Куст — отдѣльная часть лѣса Гряз.

? Кумельной *іѵ*. — кой как, кой какой.

Л.

Лагун. *Вотча*. — маленькой боченок.

Лешуга. *Кунсж. Тот. у.* — шуба по колѣна, чѣмъ либо покрытая (непокрытая — *полушубок іѵ*).

Лутошко. *Вотча*. — См. у Даля.

¹⁾ Это интересное слово требуетъ провѣрки. Сообщено оно мнѣ въ Вологдѣ. Кѣмъ именно — непомню.

М.

Мот. *Гряз.* — 10 пасм.

Н.

На для. *Вотча.* — Кажется.

Настоятельница — царица, правительница. (См. прилагаемую сказку).

Нани. *Гряз.* — даже: роботали — роботали, *нани* устали.

П.

Питера — питьё, напитки (см. прилагаемую сказку).

Попрыск — извѣстное разстояніе (см. *ib.*).

Помысленный. *Гряз.* — любезный.

Попѣн. *Вотча.* — наказаніе.

Прягнѣт. *ib.* См. рубль.

Пугатливый *ib.* — пугливый.

О.

? Отурить. *Гряз.* — обезпамятить.

Р.

Рубль. *Карбанга Кадн. у.* см. въ Доп. къ Обл. сл.: рубель.

Рукотерник *Вотча.* — худая тряпка, которою вытирають *только* руки (не=, слѣд., по значенію словам ручник, — полотенце).

Рылена. *Вотча.* = яндава (въ другихъ мѣстахъ Тот. у.) = братыня (Никольскій уѣздъ).

У.

Ученичек. *ib.* — ученик (ученик *ib.* — учитель).

Ушляе *ib.* — лучше: этот лён ушла того¹⁾.

Ч.

Черевикі *ib.* См. въ О. сл.: черевіки.

Чирки *ib.* — низенькіе башмаки безъ опушки по верхнимъ краям.

¹⁾ Сравни. степень отъ неупотребляемаго *ушлый*, слово, которое по образованію слѣдуетъ кажется сопоставить съ *дошлый*.